

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (14) 2014

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (14) 2014

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2014

Co-published with

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (14) 2014

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2014

Совместно с

CONTENTS

No 3 (14) 2014

Linara Ishkildina. The experimental investigation of articulatory and acoustic features of the Bashkir phonemes /ç/ (/θ/) and /ʒ/ (/ð/)	7
Andrey Kubatin. The Old Turkic titles in the Sogdian documents from Mug Mount	12
Alevtina Lobanova, Alexander Chernykh. Terms of traditional clothing in the Komi-Permyak dialects	24
Ekaterina Logunova. Writing system of the Korean language of 18 th century.....	40
Yulia Normanskaya. The origin of the Khanty vowel system	59

PERSONALIA

Anna Dybo, Badma Salaev, Svetlana Trofimova. His way in science (on the 75 th anniversary of Valentin I. Rassadin)	68
--	----

REVIEWS

Ivan Stenin. The Finno-Ugric languages: Fragments of the grammatical description. Formal and functional methods / Ed. by Ariadna I. Kuznetsova.	74
Style sheet	86
How to subscribe	89

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (14) 2014

Л. К. Ишкильдина. Артикуляционно-акустические характеристики фонем /с/ и /з/ башкирского языка по экспериментальным данным.....	7
А. В. Кубатин. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг.....	12
А. С. Лобанова, А. В. Черных. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков	24
Е. С. Логунова. Графическая система корейского языка XVIII века	40
Ю. В. Норманская. Происхождение системы хантыйского вокализма.....	59

ПЕРСОНАЛИИ

А. В. Дыбо, Б. К. Салаев, С. М. Трофимова. Его путь в науке (к 75-летию Валентина Ивановича Рассадина).....	68
--	----

РЕЦЕНЗИИ

И. А. Стенин. Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сборник статей / Отв. ред. Кузнецова А. И.....	74
Требования к оформлению статей.....	86
Как подписаться	89

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), А. И. Кузнецова (д.ф.н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт имени М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), Н. Н. Широбокова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Ariadna Kuznetsova (Lomonosov Moscow State University), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbiev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Артикуляционно-акустические характеристики фонем /ç/ и /з/ башкирского языка по экспериментальным данным

Спецификой консонантизма башкирского языка, отличающей его от других тюркских языков, а также от близкородственного татарского, является употребление двух согласных звуков [ç] и [з]. Происхождение данных фонем до сих пор является спорным вопросом в башкирском языкознании. Их возникновение ученые связывали с различными субстратными (Т. Г. Баишев, Н. К. Дмитриев, Т. М. Гарипов, А. В. Дыбо и др.) и собственно языковыми (Дж. Г. Киекбаев, Б. А. Серебренников) причинами. Если говорить о каком-либо субстратном происхождении специфических звуков башкирского языка, то, на наш взгляд, более вероятна теория финно-угорского влияния, отмеченного еще Т. М. Гариповым [Гарипов 1979: 137] и А. В. Дыбо [Дыбо 2010: 99], нежели иранская.

В данной статье мы не собираемся подробно останавливаться на проблеме происхождения специфических согласных, а хотим представить новые экспериментальные данные о природе и качестве фонем /ç/ и /з/ в башкирском языке. Экспериментальный материал представляет собой томограммы, полученные в Институте «Международный томографический центр» СО РАН (Новосибирск) и описанные в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева (ЛЭФИ) Института филологии СО РАН (Новосибирск) под руководством к. ф. н., с. н. с. Н. С. Уртегешева. МРТ-метод (или метод магнитно-резонансного томографирования) является наиболее современным методом статического анализа артикуляционных качеств звуков. Томографирование звуков производилось по методике, принятой в ЛЭФИ Института филологии СО РАН: исследуемые звуки снимались преимущественно в позиции, наиболее приемлемой для диктора для задержки стационарного участка. Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового анализа. В соответствии с этой методикой были сняты рентгенограммы нейтрального положения произносительных органов дикторов (см. список дикторов в конце статьи). В эксперименте были представлены носители по каждому диалекту башкирского языка: два диктора по южному диалекту, один — по восточному, один — по северо-западному. Предметом исследования выступили следующие лексемы башкирского языка: *кыз* 'девушка', *һигез* 'восемь', *еç* 'запах'.

Определение в научной и учебно-методической литературе согласных [ç] и [з] башкирского языка как межзубных или интердентальных не нашло своего экспериментального подтверждения. Ю. Б. Коряков уже отмечал, что согласные, определяемые как межзубные или интердентальные в консонантной системе, не всегда являются таковыми в языках мира. «Межзубные» / «интердентальные», «спиранты» / «фрикативные» / «щелевые» — эти названия, строго говоря, не совсем точны, т. к., с одной стороны, в некоторых языках существуют альвеолярные не-сибилянты (наиболее известен из них исландский язык), а с другой — зубные сибилянты (например, в русском). Наконец, согласные типа [θ] и [ð] могут быть как собственно межзубными (например, во многих разновидностях американского английского), так и просто зубными (каковыми они обычно являются в британском английском) [Коряков 2008: 319]. Ю. Б. Коряков также пишет о том, что наиболее распространенными являются консонантные системы с двумя фонемами: глухой /θ/ и звонкой /ð/. В башкирском языке представлены обе фонемы.

Эти особые звукотипы башкирского языка, определяемые как интердентальные, в действительности являются переднеязычными апикальными и /или дорсальными по активному органу речи, а по пассивному — дентальными и /или альвеолярными (в зависимости от позиции в слове). По соматическим и аудиовизуальным данным, полученным нами, их характерной особенностью является форма щели: если у «обычных» [ç] и [з] она круглая, то у [ç] и [з] — плоская (отсюда и специфическое произношение, похожее на межзубный) [Ишкильдина 2013: 23]. На *Рис. 1—6* представлены томосхемы, соответствующие томограммам; данные томограммы извлечены из «Атласа артикуляторных настроек согласных (...) башкирского языка» под авторством Уртегешева Н. С., Хисамитдиновой Ф. Г. и Ишкильдиной Л. К., который состоит из трех частей, каждая из которых посвящена отдельному диалекту (восточному, южному и северо-западному) башкирского языка [Атлас 2012, 2013, 2014]. Так, звуки [ç] и [з] в словоформах *һигез*, *кыз* и *еç* по данным томографирования и аудиоакустическим записям были определены как **шумные переднеязычные плоскощелевые ртовые согласные**, отличающиеся друг от друга участием (отсутствием) голоса. Их оппозиционные сибилянты [ç] и [з] представлены как **шумные переднеязычные круглощелевые ртовые согласные**.

По дополнительной характеристике звук [ç] в словоформе *higeç* (литер. *higez*) ‘восемь’ в дёмском говоре южного диалекта (Рис. 1) определяется как **шумный переднеязычный апикальный альвеолярный плоскощелевой свистящий глухой ртовый согласный с широкой щелью, умереннонапряженный, лабиализованный, слабопалатализованный, назализованный**; точная фонетическая транскрипция: [θ] = a; $1/6(1/223)$. В кызыльском говоре восточного диалекта звук [ç] (Рис. 2) — **шумный переднеязычный дорсальный альвеолярный плоскощелевой свистящий глухой ртовый согласный с широкой щелью, умереннонапряженный, лабиализованный, умереннопалатализованный, назализованный**; точная фонетическая транскрипция: [θ] = (a $1/6$) $1/2$; $56^{1/2}$. В таныпском говоре северо-западного диалекта звук [ç] (Рис. 3) — **шумный переднеязычный апикальный дентальный плоскощелевой глухой ртовый согласный, свержукощелинный, сильнонапряженный, веляризованный, увуларизованный, сильнофарингализованный**; точная фонетическая транскрипция: [θ] = a; $1/2(1/223)$. По данным экспериментальных исследований, звук [з] в словоформе *кыз* ‘девушка’ в кызыльском говоре восточного диалекта (Рис. 4) был определен как **шумный переднеязычный дорсальный преальвеолярный узкощелинный плоскощелевой звонкий ртовый согласный, сильнонапряженный, слабопалатализованный, увуларизованный, назализованный, фарингализованный**; точная фонетическая транскрипция: [ʔδ] = (a) $1/2$; $56^{1/2}$.

По экспериментальным данным, звук [h] в словоформе *һыйыр* ‘корова’ в обоих диалектах (южном и восточном) характеризуется как **шумный корнеязычный фарингальный щелевой глухой ртовый умереннонапряженный слабопалатализованный согласный**.

В говорах согласный [з] реализуется как дорсальный альвеолярный (например, в дёмском и нижнебельско-ыкском говорах) и как дорсальный дентальный (в кубалыкском говоре), «что говорит о некоторой продвинутой артикуляционной базы вперед» [Уртегешев 2010: 215].

По дополнительным признакам звук [ʔsʰ] в словоформе *әсеу* ‘киснуть’ (Рис. 5; диктор — Ишкильдина Л. К.) — **шумный переднеязычный дорсальный альвеолярный круглощелевой ртовый умереннонапряженный лабиализованный слабопалатализованный назализованный умереннофарингализованный согласный**. Звук [ʔz] в словоформе *зәңгәр* ‘голубой’ (Рис. 6; диктор — Муратова Р. Т.) — **шумный переднеязычный умереннодорсальный альвеолярный круглощелевой глухой ртовый узкощелинный сильнонапряженный умеренновеляризованный фарингализованный согласный**.

В говорах башкирского языка наблюдаются различия в позиционной употребляемости фонем /ç/ и /з/.

Особо употребительна фонема /ç/ в дёмском говоре южного диалекта, в котором она констатируется на месте литер. /h/ (< ПТю *s) во всех позициях, т. е. в дёмском говоре не был осуществлен полный переход *s > ç > h (как в других говорах южного и восточного диалектов): ср. ПТю *sig- ‘корова’ [EDAL: 1243] > дём. *çыйыр* — литер. (и др. говоры) *һыйыр*; ПТю *siarig ‘желтый’ [EDAL: 1264] > дём. *çары* — литер. (и др. говоры) *һары*; др.-тюрк. *sekkiz ‘восемь’ [ДТС 1969: 502] > дём. *çигез* — литер. (и др. говоры) *higez*; ПТю *agsa- ‘хромать’ [EDAL: 499] > дём. *акçак* — литер. (и др. говоры) *акһак*; тат. диал. *тунса* ‘порог’ — дём. *тунса* — башк. литер. (и др. говоры) *тунһа* и др. В дёмском говоре /ç/ выступает и на месте литер. /ç/ — как в собственной, так и в заимствованной лексике: тат. *сыйрак* ‘голень’ — башк. литер. (и др. говоры) *сирак* — дём. *çирак*; башк., тат. *сүс* ‘волокно, кудель, прядь’ — дём. *çүс*; (араб. *сир* >) башк., тат. *сер* ‘тайна, секрет’ — дём. *çыр* и т. д.

Согласный [ç] является доминирующим для дёмского говора: «Начальный ç дёмского говора, ориентирующегося в своей основе на общетюркский ç, выступает как более раннее и самостоятельное явление, нежели башкирский һ» [Миржанова 1979: 248].

Аргаяшский говор восточного диалекта специфичен тем, что в нем практически всегда происходит взаимозамена плоскощелевых согласных, т. е. согласный [ç] переходит в [з] в инлаутной и аулаутной позициях (1), а [з] — в [ç] (2).

1) (ПТю *s >) ç > з: ПТю *isig / *isig ‘горячий’ [EDAL: 316] > литер. (др. говоры) *эсе* ‘горячий’ — арг. *эзе*; ПТю *sus- ‘черпать’ [EDAL: 1284] > литер. (др. говоры) *һоçоу* — арг. *һозоу*; ОТю *kisä ‘карман’ > литер. (др. говоры) *кеçә* — арг. *кезә*; тат. *тотмас* ‘не задержит’ > башк. литер. (др. говоры) *тотмас* — арг. *тотмаз*; тат. *кәс* ‘дерн’ > башк. литер. (др. говоры) *кәс* — арг. *кәз*.

2) (др.-тюрк. *z >) з > ç: ОТю *bezgäk ‘озноб’ > тат. *бизгәк* > башк. литер. (др. говоры) *бизгәк* — арг. *бискәк*; тат. *тезген* ‘поводья’ > башк. литер. (др. говоры) *тезген* — арг. *тескен*; тат. *козгын* ‘ворон’ — башк. литер. (др. говоры) *козгон* — арг. *коскон* и др.

В аргаяшском говоре конец слога и слова вообще подвержен оглушению, ассимилируя следующий согласный: «Эта особенность (...) является сугубо региональной и замыкается лишь территорией распространения аргаяшского говора, и поэтому неслучайно легла в классификационную основу его» [Максимова 1996: 27].

В среднеуральском говоре так же, как и в аргаяшском, происходит озвончение инлаутного [ç].

Из вышесказанного можно заключить следующее:

- 1) фонема /с/ в башкирском языке — переднеязычная плоскощелевая глухая согласная, которая выступает в интервокальной, конечнослоговой и ауслутной позициях (в дёмском говоре — в начале слова и слога);
- 2) фонема /з/ — переднеязычная плоскощелевая звонкая согласная, которая употребляется в инлауте, ауслуате и начале аффиксов;
- 3) в говорах варианты обеих фонем могут выступать в инициальной позиции;
- 4) плоскощелевые фонемы /с/ и /з/ башкирского языка представляют собой результат десибилантизации /с/ и /з/;
- 5) сделанное открытие относительно артикуляционно-акустической природы фонем /с/ и /з/ должно быть учтено фонетистами при дальнейших исследованиях звукового строя башкирского литературного языка, его диалектов, говоров и подговоров, в преподавательской деятельности, а также при решении вопроса о происхождении данных согласных.

Приложение 1. Томосхемы

южный диалект

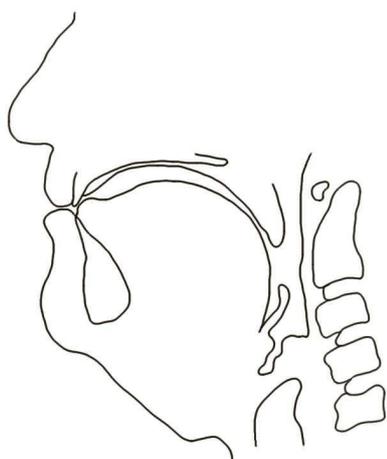

Рис. 1.

Диктор — Асадуллина Н. И.:
higeç 'восемь' (литер. *higez*).

восточный диалект

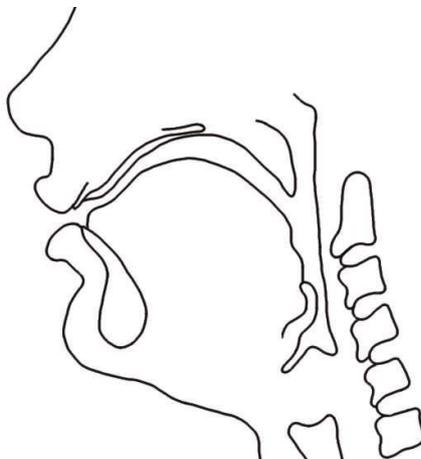

Рис. 2.

Диктор — Ишкильдина Л. К.:
higeç 'восемь' (литер. *higez*).

северо-западный диалект

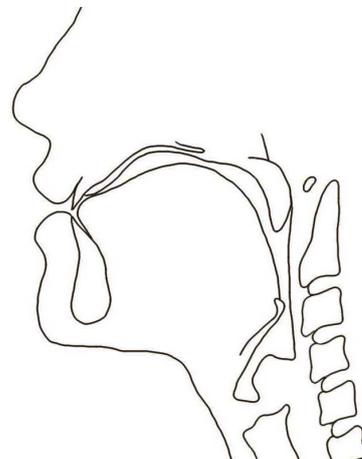

Рис. 3.

Диктор — Ахметова Г. Р.:
кыç (литер. *кыз*) 'девушка'.

восточный диалект

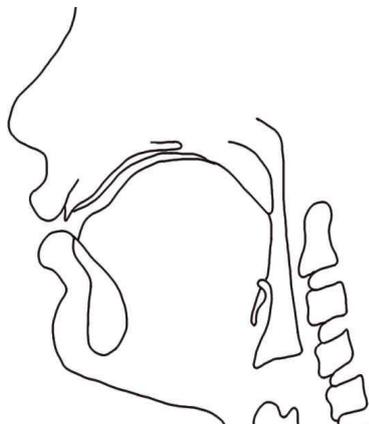

Рис. 4.

Диктор — Ишкильдина Л. К.:
кыз 'девушка'.

восточный диалект

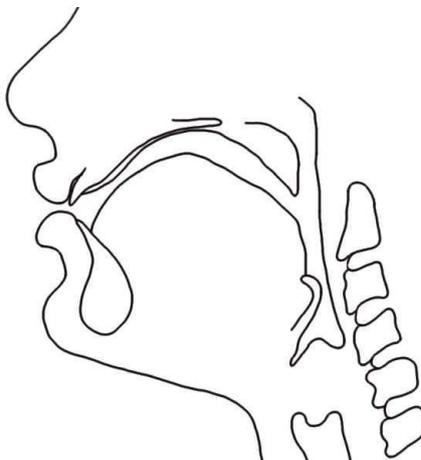

Рис. 5.

Диктор — Ишкильдина Л. К.:
әсеү 'киснуть'.

южный диалект

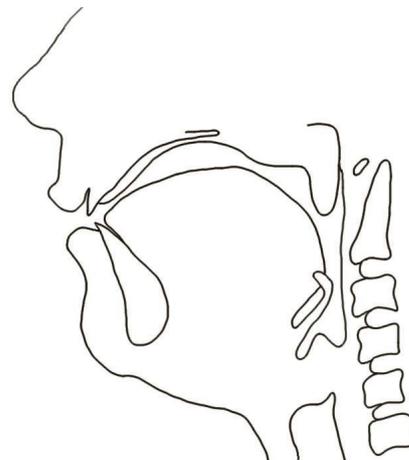

Рис. 6.

Диктор — Муратова Р.Т.:
зәңгәр 'голубой'.

Приложение 2. Дикторы

1) Асадуллина Нурия Ишмухаметовна, башкирка: родилась в 1961 г. в д. Канакаево Бижбулякского района Республики Башкортостан; в настоящее время проживает в г. Уфа; образование высшее; башкирским языком (дёмским говором южного диалекта) владеет с детства, русским языком владеет со школы.

2) Ахметова Гульшат Ринатовна, башкирка: родилась в 1989 г. в с. Верхне-Кудашево Татышлинского района Республики Башкортостан; в настоящее время проживает в г. Уфа; образование — студентка 4-го курса; башкирским языком (таныпским говором северо-западного диалекта) владеет с детства, русским языком владеет с детства.

3) Ишкильдина Линара Камиловна, башкирка: родилась в 1986 г. в д. Абзелилово Абзелиловского района Республики Башкортостан; в настоящее время проживает в г. Уфа; образование высшее; башкирским языком (кызылским говором восточного диалекта) владеет с детства, русским языком владеет с детства.

4) Муратова Римма Талгатовна, башкирка: родилась в 1980 г. в д. Бикбулатово Кугарчинского района Республики Башкортостан; в настоящее время проживает в г. Уфа; образование высшее; башкирским языком (ик-сакмарским говором южного диалекта) владеет с детства, русским языком владеет со школы.

Сокращения

Языки

араб. — арабский

башк. — башкирский

арг. — аргаяшский говор восточного диалекта башкирского языка

дём. — дёмский говор южного диалекта башкирского языка

др.-тюрк. — древнетюркский

ОТю — общетюркский

ПТю — пратюркский

тат. — татарский

Общие

диал. — диалект, диалектный

литер. — литературный

Литература

Атлас 2012 — Уртегешев Н. С., Хисамитдинова Ф. Г., Ишкильдина Л. К. Атлас артикуляторных настроек восточного диалекта башкирского языка. Уфа, 2012. {*Urtegešev N. S., Xisamitdinova F. G., Iškil'dina L. K. Atlas artikulatornyx nastroek vostočnogo dialekta baškirsogo jazyka. Ufa, 2012.*}

Атлас 2013 — Уртегешев Н. С., Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек южного диалекта башкирского языка. Уфа, 2013. {*Urtegešev N. S., Xisamitdinova F. G. Atlas artikulatornyx nastroek južnogo dialekta baškirsogo jazyka. Ufa, 2013.*}

Атлас 2014 — Уртегешев Н. С., Хисамитдинова Ф. Г., Ишкильдина Л. К. Атлас артикуляторных настроек северо-западного диалекта башкирского языка. Уфа, 2014. {*Urtegešev N. S., Xisamitdinova F. G., Iškil'dina L. K. Atlas artikulatornyx nastroek severo-zapadnogo dialekta baškirsogo jazyka. Ufa, 2014.*}

Гарипов 1979 — Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979. {*Garipov T. M. Kypčakskie jazyki Uralo-Povolž'ja: Opyt sinxroničeskoj i diaxroničeskoj karakteristiki. M., 1979.*}

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar' / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormušin I. V., Let'agina N. I., Tuguševa L. Ju. L., 1969.*}

Дыбо 2010 — Дыбо А. В. Некоторые проблемы сравнительно-исторической фонетики башкирского языка // Урал-Алтай: Через века в будущее. Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. С. 96—100. {*Dybo A. V. Nekotorye problemy sravnitel'no-istoričeskoj fonetiki baškirsogo jazyka // Ural-Altaj: Čerez veka v buduščee. Materialy IV Vserossijskoj naučnoj konferencii, posv'aščennoj III Vsemirnomu kurultaju baškir. Ufa, 2010. P. 96—100.*}

Ишкильдина 2013 — Ишкильдина Л. К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. {*Iškil'dina L. K. Istoričeskoe razvitie konsonantizma baškirsogo jazyka (na materiale dialektov). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2013.*}

Коряков 2008 — *Коряков Ю. Б.* К типологии межзубных согласных // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Ред. *Архипов А. В.* и др. М., 2008. С. 318—329. {*Kor'akov Ju. B.* K tipologii mežzubnyx soglasnyx // Fonetika i nefonetika: K 70-letiju Sandro V. Kodzasova / Ed. *Arhipov A. V.* et al. M., 2008. P. 318—329.}

Максютова 1996 — *Максютова Н. Х.* Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996. {*Maks'utova N. X.* Baškirske govory, naход'aščies'a v inoazyčnom okruženiі. Ufa, 1996.}

Миржанова 1979 — *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979. {*Miržanova S. F.* Južnyj dialekt baškirskogo jazyka. M., 1979.}

Уртегешев 2010 — *Уртегешев Н. С.* Ç и ʒ в речи носителей трех говоров башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы X Региональной конференции. Уфа, 2010. С. 214—217. {*Urtegešev N. S.* θ i δ v reči nositelej trex govorov baškirskogo jazyka // Aktual'nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii. Materialy X Regional'noj konferencii. Ufa, 2010. P. 214—217.}

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются артикуляторные характеристики специфических фонем башкирского языка /ç/ и /ʒ/, выявленные современными экспериментальными методами. Также в статье приведен материал по позициям употребления фонем /ç/ и /ʒ/ в разных говорах башкирского языка.

SUMMARY

The author discusses the articulatory features of the Bashkir specific phonemes /ç/ (/θ/) and /ʒ/ (/ð/) analyzed by innovative experimental methods. The dialectal data concerning these phonemes and their positional allophones are also considered in the article.

Ключевые слова: башкирский язык, фонетика, экспериментально-фонетические исследования, диалектология, согласные

Keywords: Bashkir, phonetics, experimental phonetic research, dialectology, consonants

Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг

Находка в 1932—1933 гг. документов на согдийском языке на территории собственно Согда (гора Муг, верховья р. Зеравшан, Таджикистан) стало большой научной сенсацией, т. к. до этого согдийский язык был известен только по письменным памятникам из Восточного Туркестана. Данные документы, составлявшие собой архив последнего правителя Пенджикента Деваштича (708—722 гг.), претендента на верховную власть в Согде, были введены в научный оборот в 1960-х гг. Они содержат ценные сведения не только о социально-политической и экономической жизни Согда кон. VII—VIII вв., но и по истории древних тюрков.

Несмотря на изученность документов из архива горы Муг как в лингвистическом, так и в историческом плане, они практически до недавнего времени не являлись объектом изучения тюркологов. Хотя при этом согдоязычные памятники, созданные собственно на территории Тюркского каганата, как Бугутская (Монголия) и Илийская (Восточный Туркестан) стелы, активно привлекались для тюркологических исследований. Письменные памятники на согдийском языке, найденные на территории собственно Согда, в подобных трудах практически не привлекались к изучению. Следует отметить, что согдийцы, составлявшие значительную часть населения Тюркского каганата и активно участвовавшие в его экономической и политической жизни, по сравнению с другими этносами были более осведомленными о древних тюрках. Кроме того, Самаркандский Согд, являясь одним из вассальных владений каганата, был регионом, где имел место синтез традиций древнетюркской и согдийской государственности.

Из согдийских документов архива горы Муг, число которых превышает 70¹, для нас представляют интерес свыше десяти документов, в которых имеются сведения, непосредственно и косвенно связанные с Тюркским каганатом, в частности, это десятки древнетюркских терминов: титулы, личные имена, этнонимы и т. д. Мы рассмотрим эти термины ниже.

1) *Bars* (согд. *p'rs*) — имя собственное или эпитет (представитель общины Пāхута, селения в верховьях р. Зеравшан, до сих пор известного под своим именем): *ZY MN p'xwt'k n'β p'rs krz-βy'rt* 'из пахутской общины Барс Кажвйарт' (Б-6: 2) [СДГМ 1962: 149; СДГМ 1963: 83].

П. Б. Лурье предлагает связывать первую часть имени *Pārs* с этнонимом *nepc* (ср. *'nc''tk xwn* 'Türk Anjāte' и др.), отмечая, что подобное чтение предпочитал и Н. Симс-Уильямс. Кроме того, исследователь не отрицает возможности связи этого имени с др.-тюрк. **bars* 'тигр' (ср. *'yl p'rs trx'n* 'El bars tarхан' и др.) [Lurje 2010: 290]. В данном случае, на наш взгляд, более вероятно связывать первую часть имени с др.-тюрк. **bars* 'тигр', т. к. и из других документов нам известны согдийцы, имеющие тюркские или тюрко-согдийские имена: например, *'y-kkδ'k ZK n'nyc BRY* 'Иглиг, сын Нанича' в документе В-4.

2) *Bilgä* (согд. *βyδk''*) — эпитет. См. *čegin čor bilgä*.

3) *Čabiš* (согд. *cp'yš*) — титул: *ZK |z/n'mrβ'z ZY ZK p-'rsy-k cp-'yš c'δrs'r xrt'nt* (<...> 'Жамраваз и перс полководец пошли вниз (<...>)' (А-14: 22) [СДГМ 1962: 78; Лившиц 2008а: 86—87].

Как предполагает В. А. Лившиц, речь в документе идет о персе, принимавшем участие в военных действиях против арабов [Лившиц 2008а: 96]. Однако исключено, чтобы здесь речь шла о тюркском полководце, который упомянут под своим титулом: др.-тюрк. **bars čabiš*, переданное согдийским писцом в форме *p'rsyk cp'yš*. По мнению В. А. Лившица, *čabiš* является согдийским словом в значении 'военачальник', от которого происходит др.-тюрк. **čavuš* [Лившиц 2008а: 96]. Точки зрения об иранском происхождении слова придерживался Дж. Клосон, а также другие исследователи [EDT: 399; ДТС 1969:

¹ В статье сохранены обозначения документов по сериям, введенные А. А. Фрейманом в «Согдийском сборнике» и принятые в других изданиях, касающихся согдийских документов с горы Муг: 1. I. — документ, найденный весной 1932 г.; В — документы, извлеченные А. Пулоти в мае 1933 г.; А — документы, добытые А. И. Васильевым летом 1933 г.; Б — документы, найденные в ноябре 1933 г. экспедицией А. А. Фреймана; Nov. — документы, присланные А. Пулоти в Ленинград (Санкт-Петербург) в 1934 г. [Лившиц 2008а: 13]. После перевода фраз в круглых скобках приводятся номера документов и строк, в которых встречаются древнетюркские термины, например: (Б-6: 2) — документ Б-6, строка 2.

142]. Однако, как показывает лингвистический материал, термин *čabiš* является исконно тюркским словом в значении ‘военный командир’ и происходит от общеалтайского корня *č‘abu ‘армия, война’ [EDAL: 406—407]. Данное слово идентично древнетюркскому термину *čabiš, который часто упоминается как в древнетюркских стелах, так и в китайских хрониках в качестве военного титула ряда чиновников каганата [Gömeç 2000: 133; Yoshida 2004: 131].

4) *Čegin* (согд. *ck’yn*) — титул. См. *čegin čor bilgä*.

5) *Čor* (согд. *cwr*) — титул. См. *čegin čor bilgä*.

6) *Čegin čor bilgä* (согд. *ck’yn cwr bydk’*) — парный титул с эпитетом: *’LKŠNT ’YKZY ZKn βхтык | MLK’ pncy MR’Y ck’yn cwr | bydk’ ZKn русw-тt BRy | XIII II ŠNT ’z <...>* ‘Этот год, когда Вагдского | царя, государя Панча Чегин | чор Бильгä, сына Бичута | 15-й год был <...>’ (В-8: 1—4) [СДГМ 1962: 47; Лившиц 2008а: 52].

Данный парный титул с эпитетом носил правитель Вагдского владения, в состав которого входил и Панч (Пенджикент); он, судя по имени, являлся тюрком [Лившиц 2008а: 49, 55]. Чегин чор Бильгä, если судить из документа, владел Панчем не менее 15 лет (693—708 гг.) и был непосредственным предшественником Девäштйча [Смирнова 1963: 11]. Как считает П. Лурье, он был царем Пенджикента в промежутке между Джамуйкйаном (*cm’wky’n*) и Девäштйчем (*δyw’stys*, 708—722 гг.) более 15 лет (вероятно раньше 708 г.) [Lurje 2010: 161].

В. А. Лившиц считает выражение *ck’yn cwr bydk’* тюркским именем, состоящим из трех компонентов: собственно имя, титул и эпитет. Первое слово *ck’yn* исследователь связывает с другим тюркским термином *čiqan* ‘племянник’, который встречается в составе титулов в енисейских памятниках (например, *Čiqan Tonyuquq*), *cwr* — с хорошо известным по многим источникам древнетюркским титулом *čor, а *bydk’* — с др.-тюрк. *bilgä ‘мудрый’ [Лившиц 2008а: 55]. Эпитет *bilgä* нашел свое отражение и на бронзовых монетах этого правителя, имеющих легенду *pnscy MR’Y bydk’ xwβ | Pančē xutāw Bilgä xūw* ‘государь Панча князь Бильге’ [Лившиц 2008а: 49].

П. Б. Лурье также связывает термины *cwr* и *bydk’* с древнетюркскими титулом *čor* и эпитетом *bilgä* ‘мудрый’. Но при этом исследователь предлагает видеть *ck’yn* как «монголизированный» (с переходом *tI > čI²*) вариант др.-тюрк. титула *tegin ‘царевич’ и пишет, что вряд ли в нем можно видеть титул *čiqan*, как это предлагает В. Л. Лившиц, т. к. обычно тюркский увулярный *q/γ* передается в согдийском через *x, γ* [Lurje 2010: 161]. Мнение В. Б. Лурье, на наш взгляд, кажется более приемлемым, если учесть следующие исторические факты.

В документе В-8 имя отца *Чегин чур бильгä* приводится в форме *Бичут* (*puswit*), при этом немаловажен тот факт, что, как показал Ю. Йошида, это имя упомянуто в хронике «Суй-шу» в форме *Би-чжо* (閉拙, ср.-кит. *pej^h-tcwiat*) в качестве обозначения правителя владения *Mu* (米, Маймург) [Лившиц 2008а: 56]. Владение *Mu* (米, Маймург) — небольшое владение на юго-востоке Самарканда, непосредственно граничившее с Панчем (по мнению японских ученых, составляло с ним единое владение). Свое мнение они обосновывают тем, что в китайских хрониках владение Панч не упоминается, а по отношению к данной территории использовался термин *Mu* (米), *Мимо* (彌末) или *Мимохэ* (弭抹賀), т. е. Маймург. Данное владение упоминается в хрониках в качестве активного участника политических событий, происходивших в Согде. Не исключено, что *Би-чжо* (閉拙, согд. **Бичут*) являлся отцом *Чегин чур бильгä*, при котором, согласно документу В-8, Панч считался частью более обширного владения; *Би-чжо* был правителем обширного владения *βyt* (*Vayd*) и носил титул *MLK’* ‘царь’ [Лившиц 2008а: 54]. На наш взгляд, владение *βyt* (*Vayd*) объединяло Панч и Маймург и упоминалось в китайских хрониках как *Mu*, *Мимо* или *Мимохэ*. Как известно из китайских хроник, в 640-х гг., во время похода на *Кан-гюй* (康居, Согд), Западно-тюркский Дулу каган (咄陸可汗) покорил также *Mu* (米, Маймург) [Бичурин 1950: 287; Chavannes 2007: 91], и, скорее всего, он поставил туда в качестве наместника представителя, имеющего тюркское происхождение (может быть, из рода Ашина, потомком которого, возможно, являлся *Чегин чур бильгä*).

7) *Eđgü* (согд. **đkw*) — имя собственное (получатель предметов снаряжения или поставщик хлопка): *ZY ’yw wšwυ-n’k’ -đkw* ‘и один «wšwυ-n’k» Едгю’ (Б-4: 3) [СДГМ 1962: 183; СДГМ 1963: 65].

В. А. Лившиц первоначально читал это имя как *Идку*, не давая ему никакого комментария [СДГМ 1962: 183]. П. В. Лурье характеризует это слово как трудное имя и не отрицает, что для данного имени

² *I = i* или *e*.

возможны транскрипции *sdkw*, *βdrw*, *ydrw*, *drw* и т. д., если *'dkw* не связано с др.-тюрк. **edgü* ‘хороший, добрый’ (ср. *'ysyk 'dkw twtwγ 'wyk 'İsīg Edgü Tutuq Öge* и др.). В. А. Лившиц позднее также дает вариант интерпретации данного термина как тюркского имени Ильгу [Lurje 2010: 82]. Вариант отождествления данного имени с др.-тюрк. **edgü* ‘хороший, добрый’, на наш взгляд, является оптимальным. Следует отметить, что передача др.-тюрк. **edgü* ‘хороший, добрый’ через согдийское *'dkw* вполне закономерна, что видно на примере упомянутого выше титула.

8) *Elči* (согд. *"δcykk*) — термин, обозначение должности (должностное лицо): *"δcy-kk 'y-s* ⟨...⟩ ‘посол прибыл ⟨...⟩’ (В-10: V 1) [Лившиц 2008а: 115—116].

Плохая сохранность документа не позволяет точно сказать о том, кем являлась данная личность. В первой публикации данного документа В. А. Лившиц читал это слово как *"δcykk* (?), приводя в ссылке и другой вариант возможного чтения (*"δyz-kk*). При этом, исходя из контекста, исследователь считал это имя собственным [СДГМ 1962: 107—108]. В своей последней работе В. А. Лившиц читает данное слово как *"δcykk* и пишет, что, судя по контексту, это имя собственное или обозначение должности, возможно, передача др.-тюрк. *elči* ‘посол, вестник; правитель’ [Лившиц 2008а: 116]. Мы также поддерживаем точку зрения В. А. Лившица о том, что под транскрипцией *"δcykk* передано др.-тюрк. *elči* ‘посол, вестник’. В пользу этого говорит и сам контекст документа. Данное письмо адресовано последнему согдийскому царю Девāштйчу (708—722 гг.), и в нем говорится о политической ситуации в регионе. В данном случае, скорее всего, под термином *"δcykk* упоминается посол Тюркского каганата, посланный в Согд.

9) *Eltābār* (согд. *rytptyr*, *dytptyr*) — титул:

⟨...⟩ *ZKn γy-sw ry-tpyr | 'yw βwδxwrt'kw mδw δβry* ‘⟨...⟩ эльтеберу³ Кису (? Хису) | следует выдать немного благовонного вина’ (А-16: 5—6) [СДГМ 1962: 139; Лившиц 2008а: 157];

⟨...⟩ *MN 'sk'tr-yh ZKw nym'k dytptyr δ'βr ršy MN mγδ'k ZKwh nym'k δ'βr* ⟨...⟩ ‘⟨...⟩ дал эльтеберу половину ⟨довольствия⟩ из ⟨селения⟩ Эскāтар, и дал он ему эту половину фруктами ⟨...⟩’ (Б-13: 5) [СДГМ 1962: 144; СДГМ 1963: 80; Лившиц 2008а: 167—168];

⟨...⟩ *ry mn' mδy 'δwy × 100 kpcy δβ'nk pr'm'y δβwrty ZKn dytptyr ršy 20+20+10 'stwr pr'my rty kwmy 'stwryh 'sty ršn pr'm'y* ‘⟨...⟩ А мне здесь ⟨государь⟩ приказал выдачу эльтеберу 200 кафчей⁴ зерна и ⟨еще⟩ ему 50 овец приказал ⟨выдать⟩ — тех овец, что у меня есть, их он и приказал ⟨выдать⟩’ (Б-13: 8—9) [СДГМ 1962: 144; СДГМ 1963: 80; Лившиц 2008а: 167—168];

⟨...⟩ *rtβ(γ) ZKn rytptyr kw 'sk'try-h MN mγδ'k βy-k 'nyw | "δy-cw L' (prm)'y δβwrty* ⟨...⟩ ‘⟨...⟩ И, господин, эльтеберу Эскāтаре, кроме фруктов, другого | ничего прикажи не выдавать ⟨...⟩’ (Б-15: 5) [СДГМ 1962: 150; СДГМ 1963: 79; Лившиц 2008а: 174];

rty ZK rytptyr mδyδ xwr ‘И тот эльтебер здесь ел’ (Б-2: 3) [СДГМ 1963: 29—30].

Первоначально В. А. Лившиц считал термины *rytptyr* и *dytptyr* именем собственным *Lītpīr* [СДГМ 1962: 139], однако в своих последних трудах исследователь считает их согдийскими передачами древнетюркского титула *eltābār* ‘военачальник’ [Лившиц 2008а: 158]. Исходя из того, что все документы, в которых упоминается древнетюркский титул *eltābār*, являются письмами фрамандару Авату (управляющему дворцовым хозяйством царя Девāштйча), то, скорее всего, в них под данным титулом упоминается чиновник Тюркского каганата.

Остановившись на титуле *eltābār*, следует отметить, что, по мнению исследователей, данный титул предоставлялся каганом главам крупных вассальных племен и правителям вассальных оазисных владений [Doerfer 1965: 396—397]. Это нашло свое отражение в китайских хрониках о присвоении Тун ябгу-каганом (統業護可汗) титула *сы-ли-фа* (俟利發, *eltābār*) правителям вассальных оазисных владений Западного края (Западный и Восточный Туркестан), а также в упоминании в древнетюркских стелах под этим титулом глав крупных племен, вассальных от каганата (азы, карлуки и уйгуры) [Tekin 2003: 75, 77]. Упоминание местных правителей с титулом *eltābār* в согдийском документе (639 г.) из Чинанчканда (Гаочан / Турфан), а также в легендах монет Чача и бактрийских документах (639—682 гг.) из Роба (Руи, Афганистан) [Sims-Williams 2000: 74, 82, 88; Grenet, de la Vaissiere 2002: 177—178; Бабаяров 2007: 42, 49] свидетельствует о внедрении данной системы в оазисные владения.

10) *Iglig* (согд. *'ykkδ'k*) — имя собственное (свидетель в деле об аренде трех мельниц): *'y-kkδ'k ZK n'nyс BRY* ‘Иглиг, сын Нанича’ (В-4: V 5) [СДГМ 1962: 57; Лившиц 2008а: 63—64].

³ Эльтебер (др.-тюрк. *eltābār*) — титул, который в Тюркском каганате присваивался главам крупных племен и оазисных владений, находящихся в вассальной зависимости от него.

⁴ Кафч — мера объема.

В. А. Лившиц предварительно связывает имя *'y-kkδ'k* с тюрк. *Ikläg* (< др.-тюрк. **iglä-* 'болеть' или **iglä-* 'топтать') [Лившиц 2008а: 70]. П. Б. Лурье в качестве возможного чтения данного имени предлагает вариант *'y-kkδyк* и связывает его с др.-тюрк. **iglig* 'больной, заболевший' [Lurje 2010: 124].

11) *Irkäy* (согд. *yrk'y*) — имя собственное (свидетель в деле об аренде трех мельниц): *y-rk'y* | *ZK xwt'y-nc BRY* 'Иркай | сын Хутёнча' (В-4: V 5—6) [СДГМ 1962: 57; Лившиц 2008а: 63—64].

В. А. Лившиц пишет, что *y-rk'y*, по-видимому, также является тюркским именем — *Irkäy* [Лившиц 2008а: 70]. Эту точку зрения поддерживает и П. Б. Лурье, считающий это слово тюркским именем, идентичным уйг. *Irkäy* 'маленький человек' [Lurje 2010: 458—459].

12) *Irkin* (согд. *'rk'yn*) — титул. См. *kül irkin*.

13) *Īnančū* (согд. *ywn''ncw*) — титул: *'rtšw ywn-''ncw⁵ ZY 'LH* | *xwnt 'tw 'xš 'wn'h w 'xrš xwty ptyr yrβnt rtn cw z'wr* | *s'c't δβrt ZY m'xw 'z-rytw rtn 'z-ry-nc 'nt k'm* 'А этот инанчу и эти | тюрки сами лучше, чем ты, узнают, (что случилось в согдийском) царстве, (о том), какие | нужно дать подкрепления, чтобы спасти нас, чтобы они нас спасли' (В-18: 17—19) [Лившиц 2008а: 132—135].

В. А. Лившиц читает данное имя как *Īzānč* и отмечает, что *ywz''ncw*, судя по контексту, является именем собственным или иным обозначением лица [Лившиц 2008а: 135—136]. Ф. Грене и Э. де Весьер восстанавливают данное слово в форме *ūzbeš* и связывают его с др.-тюрк. *yüzbaši* 'сотник, центурион' [Grenet, de la Vaissiere 2002: 162]. Судя по контексту документа, под данным термином упоминается один из высших чиновников Тюркского каганата, являвшийся его представителем, оказывающим основную помощь в защите согдийцев во главе с Дёвāштйчем против арабов. Надо отметить, что палеография документа позволяет читать этот термин как *ywn''ncw* (*Īyūnanču*), и он является согдийской передачей древнетюркского титула **īnanči*, обозначавшего чиновника, являющегося доверенным лицом кагана [Babayarov 2011].

14) *Kül* (согд. *kwd*) — эпитет. См. *kül irkin*.

15) *Kül irkin* (согд. *kwd'rk'yn*) — титул с эпитетом (должностное лицо, посланное для получения зерна, щитов и других предметов): *<...> wβyу ZK prm'nd'r kwd'rk'ynw⁶ w'c'tk'm* '<...> и фрамандар пусть отправит Кюль Иркина' (В-18: 4) [СДГМ 1962: 154; Лившиц 2008а: 180].

М. Н. Богомолов и О. И. Смирнова, считая данное слово именем собственным, предлагали читать его как *kwd'βtcynw* / *kwd'ytcynw* / *kwd'rtcynw* и интерпретировать на тюркской основе [СДГМ 1963: 95]. В. А. Лившиц, также считая данное слово именем собственным, читает его как *kwd'rtcynw* (*Кудартчин*) [СДГМ 1963: 154; Лившиц 2008а: 180]. Однако палеография документа позволяет восстановить этот термин как *kwd'rk'ynw*, который, скорее всего, является согдийской передачей древнетюркского титула с эпитетом **kül-erkin* [Babayarov 2011].

Эпитет *kül* является производным от древнетюркского слова **kü* 'слава, молва'; можно отметить такие его варианты, как *küli*, *külüg* 'известный, славный, знаменитый' [ДТС 1969: 322, 326]. Данный эпитет широко использовался в системе титулов Тюркского каганата и, присоединяясь к определенному титулу, возвышал его положение и ранг в иерархической лестнице. В Каганате титул *erkin*, имеющий военно-административный характер, обычно носили главы относительно малых племен и родов, что подтверждается данными письменных источников и мнением большинства исследователей [Барфилд 2009: 111]. Однако данным титулом с эпитетом *kül* обладали уже и главы конфедераций мелких племен. К примеру, во главе каждого из пяти племен, входивших в состав такого крыла Западно-тюркского каганата, как *Ну-шш-би* (弩失畢), стоял *erkin*, но при этом глава этого крыла имел титул *kül-erkin* [Малявкин 1989: 168]. Таким образом, можно предполагать, что в документе речь идет о чиновнике Тюркского каганата.

16) *Ot* (согд. *'wt*) — эпитет. См. *ot tegin*.

17) *Ot tegin* (согд. *'wttkyn*) — титул с эпитетом:

'wttkyn ky ZY ZK pyšn'm'k n/zyδnh '<...> 'От-тегин, прозвище которого Нидан / Жидан <...>' (Nov. 3: R 3);

⁵ В. А. Лившиц читает данный термин как *ywz-''ncw* [Лившиц 2008а: 133—136], мы же на основании палеографии знаков считаем более приемлемым чтение *ywn-''ncw*.

⁶ В. А. Лившиц читает данный термин как *kwd'rtcynw* (*Кудартчин*) [Лившиц 2008а: 133—136], мы же на основании палеографии знаков считаем более приемлемым чтение *kwd'rk'ynw* (*Кюль эркин*).

⟨...⟩ *pδkh ZY pr KZNH y-w'r ZY δ'r't ZNH 'wttkyn* ⟨...⟩ '⟨...⟩ и на таком условии: пусть имеет От-тегин ⟨...⟩' (Nov. 3: R 8);

⟨...⟩ *'mw 'wttkyn wy-rw pryw "pryw* ⟨...⟩ '⟨...⟩ этого От-тегина мужем любимым, почитаемым ⟨...⟩' (Nov. 3: R 13); данное имя в этом документе упоминается еще восемь раз, кроме приведенных выше примеров;

myδ 'sm 'n rwc MN 'wttkyn ky ZY ZK | pyšn 'm 'k ny-δnh MN yušyū BRY 'от От-тегина, прозвище которого Нидан, сына Қишиқа' (Nov. 4: R 2—3);

'wttkyn 'M' BRY 'M pδ ⟨...⟩ 'От-тегин с сыновьями и родом ⟨...⟩' (Nov. 4: V 2);

pr 'wttkyn prm 'nh 'по приказу От-тегина' (Nov. 4: V 15) [СДГМ 1962: 21—22; Лившиц 2008а: 28—35; Якубович 2013: 181—193];

ZY ZKn ('wttkyn 'ywh 'zyh 'и От-тегину один «'zyh» (род оружия, копьё (?) или бурдюк)' (Б-1: L 3);

rty "st 'wt[tkyn] 'И взял От-тегин' (Б-1: L 4) [СДГМ 1963: 44—45].

Судя по имени, представитель тюркской аристократии по прозвищу Нидан / Жидан — муж знатной согдианки Дугдгнча, подопечной правителя Навеката (Семиречье) Чёра. Как считают некоторые исследователи, От-тегин в документах Nov. 3 и Nov. 4, возможно, не тот человек, который упомянут под этим именем в документе Б-1 [Lurje 2010: 119].

О. И. Смирнова сравнивала *'wttkyn* с тюркским именем *Ot-tegin* (букв. 'принц огня') и с монгольским *ot-čigin* 'титул младшего сына', заимствованным из тюркского [Смирнова 1970: 256, сн. 127]. В. А. Лившиц первоначально транскрибировал *'wttkyn* как *Ut-tegin* [СДГМ 1962: 21, 23, 26], но в дальнейшем поддержал точку зрения О. И. Смирновой [Лившиц 2008а: 35]. Подобной интерпретации придерживаются и другие исследователи-согдологи [Lurje 2010: 119; Якубович 2013: 184]. По мнению И. С. Якубовича, в Согдиане VIII в. н. э. имя *Ot-tegin* не должно было иметь значения 'младший сын', а, скорее всего, это имя было связано с культом огня среди древних тюрков [Якубович 2013: 184].

Поддерживая вышеупомянутые интерпретации имени *Ot-tegin* как 'принц огня', хотелось бы отметить, что здесь имеет место не древнетюркское имя, а титул с эпитетом, где *ot* 'огонь' — эпитет, а *tegin* 'принц, царевич' — титул царевичей, т. е. младших братьев, сыновей и племянников кагана. В подтверждение этого следует отметить тот факт, что в китайских, древнетюркских и других источниках при описании различных событий большинство действующих лиц из древних тюрков упоминается не под личными именами, а под титулами и эпитетами. Кроме того, нельзя не упомянуть, что обладатели этого титула также являлись имперскими наместниками, т. е. чиновниками, управлявшими племенами и некоторыми оседлыми вассальными владениями, входящими в состав Каганата. Так, письменные источники и нумизматический материал свидетельствуют о том, что в Чаче (Ташкентский оазис) и Кабулистане правили династии, связанные своим происхождением с правящим домом Тюркского кагана Ашина и имевшие титул *tegin* [Vabayar 2007: 15—49]. Исходя из этого, на наш взгляд, в документах под словом *Ot-tegin* упомянут представитель дома Ашина.

18) *Söz + ün* (согд. *swzwn*) — термин: *rtšw pty- | βxš' ZNH cyr 'mh zy-nβr'nch xwty pr swzwn | pδkh* ⟨...⟩ 'И отдал эту, находящуюся под опекой, сам Чёр по традиционному (?) | закону ⟨...⟩' (Nov. 3: R 6—8) [Лившиц 2008а: 28, 31] или же 'И Чер передал ему ⟨свою⟩ подопечную лично, в соответствии с обычным правом' [Якубович 2013: 181, 182]).

В. А. Лившиц трактует выражение *pr swzwn pδkh* 'по словесному (устному, традиционному?) закону' следующим образом: «Слово *pδkh* хорошо известно в согдийском — 'обычай, правило, закон'. Значение *swzwn* неясно. Его, возможно, следует считать тюркским заимствованием в согдийском: 'словесный', букв. 'его слово', тюрк. *sözün*. Ср. *söz* 'слово; приказ' (*sözüm* 'мой приказ', *sözümüz* 'наш приказ') в тюркских юридических текстах» [Лившиц 2008а: 28, 37]. И. С. Якубович по этому поводу пишет следующее: «*pr swzwn pδkh* 'в соответствии с обычным правом', так переводит уже О. И. Смирнова. С этим предложением можно сравнить выражение 'the established custom of the land', упоминаемое в бактрийском брачном контракте. Что касается происхождения *swzwn*, П. Циме, уточняя этимологию В. А. Лившица, предлагает видеть в этом слове древнетюркское *söz* 'слово' в творительном падеже (личное сообщение). Обычное право, согласно этой этимологии, это законы, передаваемые на словах» [Якубович 2013: 185—186].

19) *Šad* (согд. *šδ-*) — титул (получатель копьё или бурдюка): *kw šδw s'r 'ywh '[zyh]* 'для шада один «'zyh» (род оружия, копьё (?) или бурдюк)' (Б-1: L 5) [СДГМ 1963: 44—45].

П. Б. Лурье предлагает связывать данное имя с *Šād*, титулом правителя Ферганы, упоминающимся у мусульманских историков (от тюрк. *šad?*), но при этом отмечает, что имеются сложности в отношении количества гласных. Исследователь предлагает также: ср. *šδ'kw*, *šδ'y* 'шея', *šδw* [Lurje 2010: 370].

Если связывать данное слово со словом *Šād*, как это делает П. Б. Лурье, то действительно здесь имеются сложности с фонетикой. В этом слове представлена долгая гласная /ā/, которая обычно в согдийской орфографии передается через букву «алеф» ('); в слове же *šd* она отсутствует. Однако, если учитывать правила согдийской орфографии, согласно которой краткий звук *a* на письме в абсолютном большинстве случаев не отражается, то передача др.-тюрк. *šad* 'глава удела, принц' через согд. *šd* будет вполне закономерной. Как известно, термин *šad*, как и *tegin*, имея значение 'принц, царевич', являлся титулом царевичей правящего дома — младших братьев, сыновей и племянников кагана. По данным китайских хроник, царевичи, т. е. тегины, имевшие свое личное войско и получившие в качестве удела какую-либо область или племя, приобретали титул *šad* [Тазағил 1995: 96, 113—114]. В настоящее время из письменных источников известно, что титул *šad* в эпоху Тюркского каганата имели некоторые правители Чача (Ташкентский оазис) и Тохаристана, происхождение которых связано с династией Ашина [Исхаков, Камолитдин, Бабаяров 2009: 15—25, 64; Babayar 2007: 40—44]. При этом в источниках той эпохи тюркские правители Ферганы VII—VIII вв. упоминаются в основном под титулами *tegin*, *čor*, *tutuq* и *tarqan* [Babayar 2007: 29—33].

Не исключено, что в документе упоминается один из представителей династии Ашина с титулом *šad*, однако дать ответ на вопрос, кем именно являлась эта личность, представляет трудность.

20) *Tarduš* (согд. *trδ'wš*, *trδwš*) — этноним в качестве имени собственного или прозвища (получатель овчины, а также копы или бурдюка):

ZY ZKn | trδ'wš X w'ry'k 'И ⟨я дал⟩ | Тардушу десять ягнячьих шкур' (Nov. 1: R 31—33) [СДГМ 1963: 37—38, 40];

rty 'st trδwš 'yw 'yz-h 'И взял Тардуш один «'zyh» (род оружия, копье (?) или бурдюк)' (Б-1: L 7) [СДГМ 1963: 44].

Как считают исследователи, это прозвище происходит из этнонима — названия тюркского племени *Tarduš* (ср. хот.-сак. *ttarādūsa*, *ttaridūsa*) [СДГМ 1962: 177, сн. 4; Lurje 2010: 389]. Не исключено, что прозвище указывает на этническую принадлежность его обладателя.

21) *Tarqan* / *tarxan* (согд. *trx'n*) — титул: *MN pncy-kandyc β'zkr'm⁷ ZY | MN n'β kw trx'n ZY βyυ | prnw* ⟨...⟩ 'от пенджикентского сборщика податей и от ⟨пенджикентской⟩ общины тархану и Вагфарну ⟨...⟩' (А-13: 1—3) [СДГМ 1962: 69; СДГМ 1963: 71; Лившиц 2008а: 74—75].

Документ А-13 — единственный из документов архива горы Муг, в котором упоминается слово *тархан*. Согласно данному документу, тархан должен был выдать из суммы годичной пошлыны 150 драхм за пользование мостом. На основании этого В. А. Лившиц считает, что тархан являлся одним из чиновников при дворе пенджикентского князя [Лившиц 2008а: 74]. Некоторые исследователи считают, что предметы документа (годичная пошлына, мост) не входили в обязанности обладателей титула *тархан*, и поэтому интерпретируют *trx'n* как имя личное. Но при этом отмечается, что оно связано с древнетюркским титулом *тархан* [Lurje 2010: 390].

По нашему мнению, в данном документе под титулом *тархан* упоминается чиновник Западно-тюркского каганата при дворе правителя Пенджикента. Во-первых, чиновники с титулом *тархан* занимали в центральном управлении каганата, как и в управлении вассальных от него владений, низшие ступени или являлись специальными представителями кагана на местах, направленными для управления в вассальные племена и оазисные владения. Во-вторых, титул *тархан*, являясь самым широко распространенным титулом в иерархии Тюркского каганата, совмещал в себе как административные, так и военные функции [Gömeç 2000: 139]. Поэтому не стоит удивляться тому, что в согдийском документе А-13 под титулом *тархан* упомянут чиновник, связанный со сбором налогов и различных денежных сборов.

22) *Tegin* (согд. *tkyn*) — титул. См. *ot tegin*.

23) *Tudun* (согд. *tδwn*, *tδ'wn*) — титул (чиновник Тюркского каганата):

⁷ В своем последнем исследовании В. А. Лившиц читает данное слово как *β'nkr'm*, сопоставляя его с согд. буд. *β'mkyr'n* 'советник', и переводит данную фразу как 'от пенджикентского советника и от ⟨пенджикентской⟩ общины тархану и Вагфарну' [Лившиц 2008а: 74—75]. При этом первоначально исследователь читал его как *β'zkr'm* 'сборщик податей' [СДГМ 1962: 69]. Исходя из содержания самого документа, а также учитывая, что в согдийском курсиве буквы «нун» (*n*) и «зайн» (*z*, *z̄*) при написании в срединной позиции практически не различаются [ОИЯ 1981: 369—370], на наш взгляд, более приемлемым в данном случае является первоначальное чтение В. Л. Лившица.

⟨...⟩ *rty 'sp-tkw 'pw p-r'y-kw p-ty-škwu-w wβyww | 'kw tōwn s'r wβyww 'kw 'z-tyryw⁸ s'r* ⟨...⟩ я полностью, ничего не опуская, изложил и тудуну, и Азатгрйву' (А-14: 7—8);

rty βy MN tō'wn (Z)[Y] MN | 'z-tyryw p-wstk ZY p-'tcyny-' βy(y)r[w] 'И, господин, от тудуна и от | Азатгрйва я получил письма и ответы' (А-14: 13—14);

rty-βy ZK tōwn 'M | t'zy-pty pr'yw pr βr'z p-x'n-štk 'И, господин, тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил' (А-14: 20—21);

rty-βy tōwn 'M t'rβnt pr'yw | βr'štw δ'rt rty-βy z'y-th s'tw βy-'rtw δ'rt 'И, господин, тудун ⟨ранее⟩ с Тарбандом | заключил соглашение, и, господин, все земли он ⟨там⟩ получил' (А-14: 26—27) [Лившиц 2008a: 86—89];

rty 'st [ZK] ⟨...⟩ tōwn 'δw [zyh] 'И взял тудун два «'zyh» (род оружия, копьё (?) или бурдюк)' (Б-1: L 2) [СДГМ 1963: 44].

Титул *tudun*, являясь одним из широко распространенных титулов в иерархии каганата, встречается в системе управления ряда оазисных владений в связи с Западно-тюркским каганатом. В китайских хрониках данный титул упоминается в большинстве случаев после титула *eltäbär*, отмечается, что его функциями были контроль над местными вассальными правителями и организация сбора налогов [Бичурин 1950: 283]. Титул *tudun* встречается во многих источниках, относящихся к каганату, из которых становится ясным, что он использовался по отношению к личностям, занимавшим место возле местных правителей.

Так, судя по контексту документа А-14, личность с титулом *tudun*, упоминаемая вместе с правителем Чача, являлась чиновником каганата, решающим политические дела, связанные с Чачем. Этот титул получил распространение и в Чаче, что нашло отражение в письменных источниках, а также в легендах раннесредневековых монет Чача [Бабаяров 2007: 52—56]. При этом следует отметить, что в китайских источниках в период между 640—740 гг. в качестве правителей, стоящих в центре всех событий, связанных с Чачем, упоминаются отнюдь не тегины, а тудуны. На это указывают также данные согдийского документа А-14 (первая четверть VIII в.), в котором тудун выступает в центре всех событий, связанных с Чачем [Бабаяров 2007: 61]. По мнению В. А. Лившица, тудун, упоминаемый в документе А-14, может быть отождествлен, по-видимому, с Мохеду Тутунем (莫賀咄土屯, Багатур-тудун) китайских хроник, который «в первое лето Кхай-юань (713 г.) за оказанные на войне услуги был поставлен владельцем Ши (Чач)» [Лившиц 2008a: 91]. Стоит отметить, что, скорее всего, тудун, упомянутый в А-14, и тудун, упомянутый в Б-1, не одна и та же личность.

24) **Tutuq** (согд. *twtk*) — титул (чиновник Тюркского каганата): ⟨...⟩ *rty βy (Z)Kw x'y'n pwstk ZY ZKn βry'nk MLK-' p(w)stk | ZKn βry'nk twtk-'y δsty-' 'kw (β)ry'nk | MLK-' s'r p-r'šyw* ⟨...⟩ письмо кагану и письмо ферганскому царю | я через ферганского тутука ферганскому | царю переслал' (А-14: 8—11) [Лившиц 2008a: 86—87].

Как известно, титул *тутук* в системе управления Тюркского каганата носило лицо, исполнявшее должность «военного правителя области», т. е. военного наместника [ДТС 1969: 593]. Упоминание в документе А-14, относящемся к первой половине VII в., в связи с Ферганой в качестве одного из должностных лиц «ферганского тутука» (*βry'n'k twtk*), через которого было передано письмо Деваштича тюркскому кагану [СДГМ 1962: 80—85; Grenet, de la Vaissiere 2002: 170], указывает на то, что в Фергане в качестве представителя тюркских каганов находились тутуки. Свидетельством активного участия тутуков в политической жизни региона являются также монеты с квадратным отверстием и согдийской легендой *'δpw x'y'n twtwy* (*Тутук Алл хакана*) [Вабаяров 2007: 155—156]⁹. Эти монеты позволяют говорить, что тутуки, подобно тудунам и тегинам Чача, также выпускали свои монеты, но в отличие от них упоминали на них своего верховного сюзерена — кагана.

25) **Türk** (согд. *twrk*) — этноним в качестве имени собственного (получатель рубина, копьё или бурдюка; писарь):

rty 'st 'y-wh y-ywth | ptywk'yk pyštyw | kwrtšyš ZY 'ywH ZK twrk 'И взял один яхонт, | прокаленный в сере (?), готовый, | Куртшиш, и один — Тюрк (Түрак)' (В-9: V 1—3) [СДГМ 1962: 160; СДГМ 1963: 55; Лившиц 2008a: 187];

⁸ В своих предыдущих исследованиях В. А. Лившиц читал данное слово как *n'z-tyryw* 'помощник' [СДГМ 1962: 78—79, 83]. В своем последнем труде он читает его как *'z-tyryw* (*Азатгрйв*), считая личным именем [Лившиц 2008a: 86—87]. Однако, исходя из контекста документа, первая трактовка данного слова как *n'z-tyryw* 'помощник', на наш взгляд, является более верной.

⁹ О. И. Смирнова читала легенду на этих монетах как *lpw (?) y'y'n twtwy* (*Аллу хакана тутук*) [Смирнова 1981: 341, №1445]. Ученые нумизматы (начиная с О. И. Смирновой) относили данные монеты к чекану Ферганы, однако новый нумизматический материал из Южного Казахстана позволил автору совместно с нумизматом Г. Бабаяровым пересмотреть эту точку зрения и отнести данные монеты к чекану Отрара.

ZY *tw(rk)* (''s)t [ywh] '(z-y-)h 'И Тюрк (Түрак) взял один «'zyh» (род оружия, копьё (?) или бурдюк)' (Б-1: L 6) [СДГМ 1963: 44—45];

rty (*npxš*) | *t twrk* 'И написано | Тюрком (Түраком)' (В-5: 13—14) [СДГМ 1963: 58—59].

Мы не можем дать утвердительный ответ на вопрос о том, имеем ли мы дело с одним человеком, упоминающимся в трех документах, или же это три разных личности. П. Б. Лурье справедливо предполагает, что данный термин является прозвищем от этнонима *türk* [Lurje 2010: 396]. Следует отметить, что в согдийских документах и текстах тюрки обозначаются в основном этнонимом *xwn* (*xūn*), который мы рассматриваем ниже. Однако в Бугутской и Карабалгасунской стелах, а также нескольких типах раннесредневековых монет Чача (Ташкентский оазис) и Тарбанда (Отрап) этноним *türk* передан как *tr'wk*, *trwk*, *twrk* [Kljaštornuj, Livšic 1972: 87; Бабаяров, Кубатин 2011: 147; Babayarov 2012].

26) *Türkmen* (согд. *trwkkm'n*) — этноним в качестве имени собственного и прозвища (получатель копья или бурдюка): *rty* ''st *trwk-k-m'(n)* 'ywh [z-y-h] 'И взял Туркмен один «'zyh» (род оружия, копьё (?) или бурдюк)' (Б-1: L 5) [СДГМ 1963: 44—45].

В. А. Лившиц предварительно связывает слово *trwkkm'n* с этнонимом *türkmän*, но при этом он отмечает, что слово *trwkkm'n* можно было бы понимать и как 'драгоман, переводчик' (ср. парф.-ман. *trkw'm'n* — из арамейского), однако тогда ожидался бы артикль: **ZK trwkkm'n*. Как пишет исследователь, мугское *trwkkm'n* является, по-видимому, старейшим упоминанием туркмен в письменных источниках [СДГМ 1962: 177, сн. 4].

27) *Qayan* / *xaγan* (согд. *x'γ'n*) — титул (верховный правитель Тюркского каганата, возглавлявший антиарабскую коалицию):

⟨...⟩ *rty βγ (Z)Kw x'γ'n pwsik ZY ZKn βry'nk MLK-* 'p(w)stik | *ZKn βry'nk twttk-* 'y δsty-' 'kw (β)ry'nk | *MLK-* 's'r p-r'šyw '⟨...⟩ письмо кагану и письмо ферганскому царю | я через ферганского тутука ферганскому | царю переслал' (А-14: 8—11);

rty-βγ 'zw суwy-δ p-yδ'r '(s)'k-y | s'r L' xrtw β'm p'r-ZY βγ ZK x'γ'n w'x(r)š ''δc | wy-n'n-cy-k L' 'sty 'И, господин, я потому дальше | не могу пойти, ибо, господин, кагана, по слухам, совсем | нельзя увидеть' (А-14: 11—13) [Лившиц 2008а: 86—87];

ZKh m'xw 'z-yntt *cnn* 'sky mrt's-'r | ''-y-snt *rty mn' cnn* x'γ-'n mrt's-'r RB pδβrw ZY 'γ-r'n'wkw | ''βr'nt 'Наши гонцы сюда | спустились и мне от кагана высокий чин и великий почет | принесли' (В-17: R 10—12) [Лившиц 2008а: 128—129];

⟨...⟩ *rty mwkr* 'zw t'βk kw x'γ-'nw s'r | 'z-yntw w'cw *rty tyw MN* xw'ty-'kh ZY MN wy'βty-'kh pyδ'r tδyδ | ppy-šy-δy '⟨...⟩ ведь я тебя к кагану | отправил послом, а ты из-за трусости и своеволия у себя | отсиделся' (В-18: 5—7);

yw'r ZY MN w'nkwy 'sxnt L' kwny-' ZY ZKw cy-n rytkw cntn | kyZY w'nkwy p'styw MN 'γrywy pyrnymstr 'tsw kw x'γ-'nw s'r 'z-ynt | w'c rtšw kδ L' wytw δ'ry rtšw ywny-δ L' w'c 'Но только такой глупости не делай — Чандана (?), китайского парня, | о котором я так наставлял тебя: «К кагану его послом | отправь!», — если ты его уже не послал, то сейчас не отправляй' (В-18: 9—11) [Лившиц 2008а: 132—135].

Титул *qayan* / *xaγan*, широко употреблявшийся в течение столетий в системе управления ряда государственных объединений Евразии, имел верховный правитель независимой державы [СИГТЯ 2006: 531]. Данный титул в качестве титула верховных правителей тюркских государств зафиксирован в письменных источниках на различных языках, а также в монетных легендах: др.-тюрк. *qayan*, крх.-тюрк. *xāqān*; кит. *ke-han* (**kā-gān*, *k'ā-gān*); согд. *x'γ'n*; греч. *χαγάνος*; арм. *xak'an*; груз. *xaqan-i* / *xağan-i*; лат. *chacanus*; араб. *xāqān*; сир. *kgn*; ивр. *kgn*; хот.-сак. *khaha:nä*, *ha:h:nä*; бактр. *xaγavo*; тиб. *kha-gan*; слав. *хагань*, *кагань* [Moravcsik 1958: 332—334; Golden 1992: 71; Sims-Williams 2000: 75, 89, 145; Бабаяров, Кубатин 2005: 97—105].

По мнению В. А. Лившица, как следует из документа В-17, Дёвāштйч считал себя вассалом кагана и пользовался его поддержкой, о чем говорят следующие строки: «наши <Дёвāштйча> гонцы сюда спустились и мне от кагана высокий чин и великий почет принесли. И прибыло также много войск — тюрки и китайцы» [СДГМ 1962: 84]. Первоначально исследователь предполагал, что под словом *каган* в документах упомянут верховный правитель восточных тюрков, приводя в пользу этого ряд исторических фактов [СДГМ 1962: 84]. Однако в своем новом исследовании В. А. Лившиц отмечает, что это, по-видимому, был тюркешский каган Сулу [Лившиц 2008а: 92]. Первая точка зрения исследователя, на наш взгляд, является более верной, тем более, в пользу этого говорит и тот факт, что в документах по отношению к тюркам упомянут этноним *xwn* (*xūn*), употреблявшийся для обозначения восточных тюрков. При этом следует отметить, что на одном из типов собственных монет Западно-тюркского каганата в качестве этнополитического названия употреблен этноним *twrk* (*türk* / **türk*), а не *xwn* (*xūn*) [Babayarov 2012].

28) *Qišiq* (согд. *xušux*) — имя собственное или прозвище (отец От-тегина, представителя тюркской аристократии по прозвищу Нидан / Жидан, упомянутого в документах Nov. 3 и Nov. 4, являющихся брачным контрактом): *MN wttkyn ky ZY ZK | pušn 'm 'k ny-dnh MN xušux BRY* ‘от От-тегина, | прозвище которого Нидан, сына Қишиқа’ (Nov. 4: R 2—3) [СДГМ 1962: 21—22; Лившиц 2008а: 29, 33].

В. Л. Лившиц считает, что *xušux* является именем-прозвищем, связанным с тюркским *qisiq* ‘стесненный, узкий’ или *qišiq* ‘кривой, согнутый’ [Лившиц 2008а: 35]. На наш взгляд, второй вариант интерпретации имени — как *Qišiq* ‘кривой, согнутый’ — является более приемлемым, т. к. данное имя-прозвище широко представлено в тюркской ономастике [Rásonyi, Baski 2007: 452].

29) *Qurčī* (согд. *kwrcy*) — имя собственное (жрец, посланец эмира Абдурахмана ибн Субха к Девашичу):

rty nwkr pu- 'n 'kH ZK ny-z-tk 'ys ZY ZK | kwrcy bynptw rty MN xmyr w 'nkw pwstkw 'brnt pr xmyr xws 'nty- 'kH ‘Вчера приехал Нижитак <Nīžitak> вместе со жрецом Курчи <Kurčī (?)>, и они привезли письмо о том, <что> эмир тобой доволен’ (1.I: 3—4);

rtms MN pwstkw by-kr 'r tym pr ny-z-ytkw δstw ZY pr kwrcy bynptw δstw | ptγ 'm βr 'y-št w δ 'rt ZY pr pwstkw L ' np 'xšt w δ 'rty ‘Далее, кроме письма, он послал тебе еще сообщение через Нижитака и через жреца Курчи и не написал его в письме’ (1.I: 13—14);

rty pts 'r tyw xwty | w 'nkw βrtpδ 'y-š ZY wβy-w ZNH ny-z-tk ZY ZNH kwrcy bynptw tw 'z-γ 'm šyrxwz- 'kt ‘Но ты ведь сам осведомлен о том, что, с одной стороны, Нижитак и жрец Курчи — твои верные друзья’ (1.I: 14—15);

⟨...⟩ *rty 'cw ZK nyztk ZY ZK kwrcy bynptw | MN xmyr ptγ 'm 'br 'nt rtšw nyxw 'ny 'wš' '⟨...⟩* внимательно выслушай все то, что Нижитак и жрец Курчи привезли <как> сообщение от эмира’ (1.I: 18—19) [Якубович 2013: 156—157].

В. А. Лившиц трактует имя *kwrcy* (*Kūrčī* или *Kōrčī*) как ‘ребячливый’ (от *kw* | *kūr* | ‘ребенок’), отмечая, что менее вероятным кажется толкование *kwrcy* как ‘слепец’ (от *kw* | *kōr* |, *kw* | *k* | *kōrē*) [Лившиц 2008а: 124]. В качестве альтернативы П. Б. Лурье предлагает связывать это имя с др.-тюрк. титулом (эпитетом) *kül* / *köl*, ср. *kwlcy x' snkwn* [Lurje 2010: 220]. Мы предлагаем 1) связывать данное имя с др.-тюрк. **qur* ‘пояс’ или **qur* ‘чин, достоинство’ [ДТС 1969: 466, 467] и интерпретировать его как ‘обладатель пояса, носящий пояс’ или ‘обладатель чина, достоинства; с чином, достоинством’ или 2) в качестве альтернативы связать его с титулом *qōrčī*, употреблявшимся в средневековых тюркских и монгольских государственных объединениях [Егкоç 2008: 193].

30) *Xun* (согд. *xwn*) — 1. этноним, служащий для обозначения тюрков (скорее всего, восточных) в документах А-14, В-17 и В-18; 2. этноним в качестве прозвища представителя селения Даргаут в документе Б-6 (современное селение Дарг в верховьях р. Зеравшан):

rtyβy ZK xwn 'k w 'xrs cp-δ 'pw wyn | 'ncy-k xcy w 'nkw ZY c 'nkw 'sk-ys 'r xrt 'nt rty | ty-m prm 'δk L ' 'γt ‘И, господин, слухи относительно тюрков <таковы>: <они> внезапно исчез|ли, потому что ушли он(и) наверх, и | до сих пор никто не вернулся’ (А-14: 24—26) [СДГМ 1962: 78—79; Лившиц 2008а: 86—88];

rtcnn 'sky-s 'r tym γrβ 'sp 'δ w 'xz wβy w xwn ZY | cy-n <...> ‘И прибыло с севера также много войск — тюрки и | китайцы <...>’ (В-17: R 12—13);

rtcnn ZK βrγ 'nk MLK ' ZKn 'pwx ' rwc mδyδ kw | xwn 'nkw š 'y-kn 'ys <...> ‘А в день Āпвах-рōч ферганский царь сюда к | тюркскому военачальнику пришел <...>’ (В-17: R 13—14) [СДГМ 1962: 116—117; Лившиц 2008а: 128—129];

⟨...⟩ *rtšw ywn- 'ncw ZY 'LH | xwnt 'tw 'xš 'wn 'h w 'xrs xwty ptyr γrβnt rtn cw z 'wr | s 'c 't δbrt <...>* ‘⟨...⟩ а этот инанчу и эти | тюрки сами лучше, чем ты, узнают о том, какие | нужно дать подкрепления <...>’ (В-18: 17—19) [СДГМ 1962: 123—124; Лившиц 2008а: 132—135];

MN δrγ 'wtk n 'β ZK 'nc 't 'k xwn ZY xrt 'k ‘из даргаутской общины Анджāтак Тюрк и Хартак’ (Б-6: 3) [СДГМ 1962: 149; СДГМ 1963: 83].

В. А. Лившиц пишет, что термин *xwn* являлся названием народа, на что указывает весь контекст документов, в особенности выражение документа В-17 *xwn ZY cun* ‘тюрки и китайцы’ (ср. хот.-сак. *huna cim̄ga*). Как считает автор, употребление *xwn* в значении ‘(восточные) тюрки’ связано, по-видимому, с китайской традицией, где и в VII—VIII вв. термин *hsiung-nu* (匈奴) выступает в ряде случаев как синоним *t 'u-küe* (突厥) ‘тюрки’ [СДГМ 1962: 120—121]. При этом следует отметить, что термин *xiong-nu* из китайской версии путевых записок Сюань Цзана (первая половина VIII в.) в его тюркском переводе всегда передается как *türk* [Zieme 2011: 37—52].

Именованье тюрков этнонимом *xwn* ‘хун’, по-видимому, связано не только с китайской традицией, но и с согдийской письменной традицией. Так, первое упоминание данного термина в согдийских пись-

менных памятниках относится к первым векам нашей эры: он появился в «Старых письмах», относящихся к III—IV вв. н. э. и найденных в Дуньхуане (Северо-Западный Китай), и использовался по отношению к империи Хунов [Лившиц 2008б: 173]. Так как первым государственным объединением, созданным тюркоязычным этносом, с которым познакомились согдийцы, была империя Хунов, не исключено, что согдийцы по аналогии стали использовать термин *xwn* 'хун' по отношению к тюркам. По-видимому, под этнонимом *xwn* 'хун' в документах следует понимать восточных тюрков. Как отмечалось выше, на одном из типов собственных монет Западно-тюркского каганата в качестве этнополитического названия употреблен этноним *twrk* (*Türk* / **Türk*), а не *xwn* (*Xūn*) [Babajarov 2012].

Таким образом, рассмотренный выше материал можно сгруппировать следующим образом:

1) титулы, эпитеты, имена собственные и др. — *bars* (p'rs), *bilgü* (βyδk'), *čabiš* (cp'yš), *čegin* (ck'yn), *čor* (cwr), *eđgü* ('δkw), *eltäbär* (ryt'pyr, dyt'pyr), *iglig* ('ykkδ'k), *irkäy* (yrk'y), *irkin* ('rk'yn), *inanču* (ywn''ncw), *kül* (kwδ), *ot* ('wt), *šad* (šδ-), *tarqan* / *tarxan* (trx'n), *tegin* (tkyn), *tudun* (tδwn, tδ'wn), *tutuq* (twttk), *qayan* / *xayan* (x'y'n), *qišiq* (xyšyx), *qurči* (kwrcy);

2) этнонимы — *tarduš* (trδ'wš, trδwš), *türk* (*twrk*), *türkmen* (trwkkm'n), *xun* (*xwn*);

3) термины — *elči* ('δcykk), *söz* (swz-).

Как видно из приведенного выше материала, большинство древнетюркских терминов, занявших место в согдийских документах с горы Муг, представляют собой титулы, эпитеты и имена собственные. При этом для нас немаловажен тот факт, что данные термины встречаются в текстах, представляющих собой письма, юридические и хозяйственные документы, которые содержат ряд ценных сведений, касающихся политической и социально-экономической истории региона эпохи раннего средневековья. Кроме того, они позволяют внести ясность в ряд вопросов, связанных с употреблением в системе управления вассальными владениями титулов, присущих Тюркскому каганату, определением их места и положения в иерархии как каганата, так и его вассалов. Наличие в документах свыше двух десятков древнетюркских терминов, а также одного древнетюркского документа, написанного руническим письмом, в архиве горы Муг свидетельствует о том, что древние тюрки оказывали влияние не только на политические процессы в Согде, но и на культуру, о чем говорят также тюркские имена согдийцев.

Сокращения

араб. — арабский

арм. — армянский

бактр. — бактрийский

греч. — греческий

груз. — грузинский

др.-тюрк. — древнетюркский

ивр. — иврит

кит. — китайский

крх.-тюрк. — караханидско-тюркский

лат. — латинский

парф.-ман. — парфянский язык манихейских текстов

сир. — сирийский

слав. — славянские

согд. — согдийский

буд. — согдийский язык буддийских текстов

ср.-кит. — среднекитайский

тиб. — тибетский

тюрк. — тюркские

уйг. — уйгурский

хот.-сак. — хотано-сакский

Литература

Бабаяров 2007 — Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чача (VI—VIII вв.). Ташкент, 2007. {*Babajarov G. Drevnet'urkskie monety Čača (VI—VIII vv.)*. Taškent, 2007.}

Бабаяров, Кубатин 2005 — Бабаяров Г., Кубатин А. В. К вопросу монетного чекана Западно-тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология (Туркестан). 2005, 6. С. 97—105. {*Babajarov G., Kubatin A. V. K voprosu monetnogo čekana Zapadno-t'urkskogo kaganata (na osnove numizmatičeskix materialov Taškentskogo oazisa)* // *Turkologija (Turkestan)*. 2005, 6. P. 97—105.}

Бабаяров, Кубатин 2011 — Бабаяров Г., Кубатин А. В. К новой интерпретации легенды на доисламских монетах Отырара с изображением льва // Археология Казахстана в эпоху независимости: Итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Казахстана и 20-летию Института археологии им. А. Н. Маргулана КН МОН РК. Т. 3. Алматы, 2011. С. 147—151. {*Babajarov G., Kubatin A. V. K novej interpretacii legendy na doislamskix monetax Otyrara s izobraženiem l'va* // *Arxeologija Kazaxstana v epoxu nezavisimosti: Itogi, perspektivy. Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii, posv'aščennoj 20-letiju Nezavisimosti Kazaxstana i 20-letiju Instituta arxeologii im. A. N. Margulana KN MON RK*. Vol. 3. Almaty, 2011. P. 147—151.}

Барфилд 2009 — *Barfild T.* Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб., 2009. {*Barfild T.* *Opasnaia granica: Kočevye imperii i Kitaj* (221 g. do n. e. — 1757 g. n. e.). SPb., 2009.}

Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я. (о. Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950. {*Bičurin N. Ja. (o. Iakinf)*. *Sobranie svedenij o narodax, obitavšix v Srednej Azii v drevnie vremena*. Vol. 1. M.—L., 1950.}

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Лелягина Н. И., Тугушева Л. Ю.* Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar' / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormušin I. V., Let'agina N. I., Tuguševa L. Ju.* L., 1969.}

Исхаков, Камолитдин, Бабаяров 2009 — *Исхаков М., Камолитдин Ш., Бабаяров Г.* Титулатура доисламских правителей. Ташкент, 2009. {*Isxakov M., Kamoliddin Š., Babajarov G.* *Titulatura doislamskix pravitelej*. Taškent, 2009.}

Лившиц 2008а — *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008. {*Livšic V. A.* *Sogdijskaja epigrafika Srednej Azii i Semireč'ja*. SPb., 2008.}

Лившиц 2008б — *Лившиц В. А.* Согдийские «Старые письма» (I, III) // Письменные памятники Востока. 2008, 1 (8). С. 173—177. {*Livšic V. A.* *Sogdijskie "Starye pis'ma" (I, III) // Pis'mennnye pam'atniki Vostoka*. 2008, 1 (8). P. 173—177.}

Малявкин 1989 — *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989. {*Mal'avkin A. G.* *Tanskije xroniki o gosudarstvax Central'noj Azii: Teksty i issledovanija*. Novosibirsk, 1989.}

ОИЯ 1981 — Основы иранского языкознания. Т. 2. Среднеиранские языки / Отв. ред. *Расторгуева В. С. М.*, 1981. {*Osnovy iranskogo jazykoznanija*. Vol. 2. *Sredneiranskije jazyki / Ed. Rastorgueva V. S. M.*, 1981.}

СДГМ 1962 — Согдийские документы с горы Муг: Чтение, перевод, комментарий. Вып. 2. Юридические документы и письма / Чтение, пер., комм. *Лившица В. А. М.*, 1962. {*Sogdijskie dokumenty s gory Mug: Čtenie, perevod, kommentarij*. Vol. 2. *Juridičeskie dokumenty i pis'ma / Čtenie, per., komm. Livšica V. A. M.*, 1962.}

СДГМ 1963 — Согдийские документы с горы Муг: Чтение, перевод, комментарий. Вып. 3. Хозяйственные документы и письма / Чтение, пер., комм. *Боголюбова М. Н., Смирновой О. И. М.*, 1963. {*Sogdijskie dokumenty s gory Mug: Čtenie, perevod, kommentarij*. Vol. 3. *Xoz'ajstvennye dokumenty i pis'ma / Čtenie, per., komm. Bogol'ubova M. N., Smirnovoj O. I. M.*, 1963.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М.*, 2006. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Ed. Tenišev E. R., Dybo A. V. M.*, 2006.}

Смирнова 1963 — *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963. {*Smirnova O. I.* *Katalog monet s gorodišča Pendžikent (materialy 1949—1956 gg.)*. M., 1963.}

Смирнова 1970 — *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М., 1970. {*Smirnova O. I.* *Očerki iz istorii Sogda*. M., 1970.}

Смирнова 1981 — *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. М., 1981. {*Smirnova O. I.* *Svodnyj katalog sogdijskix monet*. M., 1981.}

Якубович 2013 — *Якубович И. С.* Новое в согдийской этимологии. М., 2013. {*Jakubovič I. S.* *Novoe v sogdijskoj etimologii*. M., 2013.}

Babayar 2007 — *Babayar G.* Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu (The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate). Ankara, 2007.

Babayarov 2011 — *Babayarov G.* Two additional Turkic titles in Sogdian documents of Mugh Mountain // <http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L>, 2011 (October).

Babayarov 2012 — *Babayarov G.* The Phrase of “Türk-qaghan” on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // <http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L>, 2012 (June).

Chavannes 2007 — *Chavannes E.* Çin yıllıklarına göre Batı Türkleri. Çeviri M. Koç. İstanbul, 2007.

Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elementen in Neupersische. Bd. II. Wiesbaden, 1965.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Erkoç 2008 — *Erkoç H. İ.* Eski Türklerde Devlet Teşkilatı. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi, Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara, 2008.

Golden 1992 — *Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992.

Grenet, de la Vaissiere 2002 — *Grenet F., de la Vaissiere E.* The last days of Panjikent // *Silk Road Art and Archaeology*. 2002, 8. P. 155—196.

Gömeç 2000 — *Gömeç S.* Kök türkçe yazılı belgelerde yer alan unvanlar // *Türk kültürü*. 2000, 443. S. 129—142.

- Kljaštornyj, Livšic 1972 — *Kljaštornyj S. G., Livšic V. A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // *Acta Orientalia Hungarica*. 1972, 26/1. P. 69—102.
- Lurje 2010 — *Lurje P. B.* Personal Names in Sogdian Texts. Wien, 2010.
- Moravcsik 1958 — *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvölker in den Bizantischen Quellen. Berlin, 1958.
- Rásonyi, Baski 2007 — *Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum. Vol. 1—2. Bloomington, 2007.
- Sims-Williams 2000 — *Sims-Williams N.* Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Vol. 1. Legal and Economic Documents. Oxford, 2000.
- Taşagül 1995 — *Taşagül A.* Gök-Türkler — I. Ankara, 1995.
- Tekin 2003 — *Tekin T.* Orhon yazıtları. Kül tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. İstanbul, 2003.
- Yoshida 2004 — *Yoshida Y.* Some Reflektions about the Origin of *čamuk* // *Papers on the Pre-Islamic Documents and Other Materials Unearthed from Central Asia*. Kyoto, 2004. P. 126—135.
- Zieme 2011 — *Zieme P.* Were the Xiongnu identical with the Türk? // *Ötüken'den İstanbul'a. Türkçenin 1290 Yılı (720—2010)*, 3—5 Aralık, 2010, İstanbul, Bildiriler. İstanbul, 2011. S. 37—52.

РЕЗЮМЕ

В согдийских документах, относящихся к первой четверти VIII в. и найденных на горе Муг в современном Таджикистане, представлены непосредственно и косвенно связанные с Тюркским каганатом древнетюркские имена, титулы и термины. Несмотря на то, что в документах имеются оригинальные сведения по истории тюркских народов, в особенности Западно-тюркского каганата, они не были в должной мере изучены тюркологами и историками. Во многом это объясняется ошибочностью прочтения терминов и их спорной интерпретацией в первых публикациях.

SUMMARY

In the Sogdian documents of the first quarter of the 8th century found on Mug Mount (Tajikistan) there are Old Turkic names, titles, terms, directly and indirectly related to the Turkic Khaganate. Despite the fact that there is original information on the history of the Turkic peoples, in particular the Western Turkic Khaganate, in the documents, it was not studied by turkologists and historians. One of the reasons for this fact is controversial reading and interpretation of the terms in the first publications.

Ключевые слова: Согд, Западно-тюркский каганат, гора Муг, Панч, Деваштич, древнетюркские титулы, личные имена, этнонимы

Keywords: Sogdia, Western Turkic Khaganate, Mug Mountain, Panch, Divashtich, the Old Turkic titles, personal names, ethnonym

Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков¹

Коми-пермяки — один из финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Основная территория проживания народа располагается в верхнем течении р. Кама и ее притоков, в северо-западных районах Пермского края и сопредельных территориях Кировской области [Белицер 1958; Народы Поволжья и Приуралья 2000; Черных 2007]. По последней переписи 2010 г., численность коми-пермяков составила 94456 человек, из них в Пермском крае — 81084 [Перепись 2010].

В коми-пермяцком языкознании актуальной задачей остается изучение тематических групп лексики, т. к. к настоящему времени можно назвать лишь несколько работ, посвященных данной проблематике [Меркушева 2003; Лобанова 2008а]. Некоторые тематические группы диалектной лексики остаются слабо представленными в словарях коми-пермяцкого языка. К одной из таких тематических групп можно отнести терминологию традиционного народного костюма коми-пермяков. Диалектная лексика коми-пермяцкого языка, к сожалению, к настоящему моменту остается малоизученной. Часть ареальной лексики нашла отражение в «Коми-пермяцко-русском словаре» [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985]. В условиях возрастающего влияния русского на язык коми-пермяков происходит активная ассимиляция на всех уровнях языка, в первую очередь на лексическом. Многие говоры перестают функционировать: либо сливаются с соседними говорами и диалектами, либо население переходит на русский язык. К настоящему моменту на грани исчезновения находятся оньковский, мысовский и верх-лупьинский диалекты коми-пермяцкого языка, значительно сократилось число носителей нердвинского диалекта. Первоочередной задачей коми-пермяцких исследователей является обобщение собранных материалов и издание сравнительного словаря коми-пермяцких диалектов.

Традиционный народный костюм коми-пермяков неоднократно привлекал внимание исследователей-этнографов, историография темы за последние 150 лет насчитывает несколько десятков публикаций [Рогов 1858, 1860; Теплоухов 1916; Белицер 1958, 1971; Грибова 1980; Климова 1989; Коми-пермяцкий костюм 2006]. В то же время системного лингвистического исследования лексики традиционного костюма не проводилось. Экспедиционные этнографические и диалектологические исследования последнего времени показали бытование многочисленной, достаточно развитой и вариативной коми-пермяцкой терминологии одежды. Эта лексика, несомненно, представляет интерес для исследователей традиционной культуры, историков языка, диалектологов и этимологов. Лексика традиционного костюма дает обширный материал для ареальных исследований диалектной речи и этимологических изысканий, а также изучения межэтнических контактов народов Урала.

В основе настоящей работы лежат полевые материалы, полученные в ходе этнографических и диалектологических исследований на территории проживания коми-пермяков. Этнографические экспедиции под руководством А. В. Черных и Т. Г. Голевой проводились в период с 1999—2013 гг. во всех районах проживания коми-пермяков в Пермском крае и Кировской области. Хотя в этих экспедициях не ставились задачи изучения коми-пермяцкого языка, магнитофонные записи опросов (в том числе по традиционному костюму), выполненные на родном языке, представляют источник и для диалектологических изысканий. Диалектологические исследования на территории Коми-Пермяцкого округа проводились студентами коми-пермяцко-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством А. С. Лобановой. Другим видом источников послужили материалы, извлеченные из словарей коми-пермяцкого языка и научной литературы [Рогов 1869; КЭСРЯ 1970; Баталова, Кривошекова-Гантман 1985, 1992; Немтинова, Федосеева, Яркова 1993; Лобанова 2008б; Голева и др. 2011; Лобанова, Кичигина 2012].

Особенностью бытования лексики традиционного костюма коми-пермяков является значительный пласт русской, заимствованной лексики. Столь обширные заимствования обусловлены несколькими факторами, прежде всего, активными межэтническими контактами двух народов — русских и коми-пермяков — в Прикамье на протяжении более чем пяти столетий, начиная с XV в. Итогом этого взаимодействия явился не только активный билингвизм коми-пермяков (владение коми-пермяцким и русским

¹ Исследование выполнено в рамках проектов 055-П и 029а-Ф Программы стратегического развития Пермского государственного педагогического университета.

языками как родными), отмечаемый исследователями уже в XIX в. [Рогов 1858], но и формирование в регионе единого комплекса материальной культуры, проявившееся в формах хозяйствования и орудиях труда, усадебном комплексе, жилище и традиционном костюме [СРГКПО 2006].

Значительные трансформации под влиянием русских традиций, видимо, испытал и традиционный костюм. Сравнение костюмного комплекса коми-пермяков XIX — начала XX в. показывает его более существенную близость севернорусскому костюмному комплексу, чем одежде средневекового финно-угорского населения региона [Крыласова 2001, 2007]. В первую очередь, как отмечают исследователи, были восприняты женские головные уборы на твердой основе, прежде всего, кокошники [Теплоухов 1916; Чагин 1995: 309—310], а также плечевая одежда — разные варианты сарафана. Для их наименования в коми-пермяцком языке используются только заимствованные термины. Исторически, видимо, происходило не только заимствование лексики, но проникали и новые предметы одежды вместе с русскими терминами.

Изучение терминологии традиционного народного костюма коми-пермяков, несомненно, требует монографического исследования, а в задачи настоящего исследования входит общий обзор диалектной лексики коми-пермяцкого языка по тематической группе 'одежда'. Анализ традиционного костюма дается авторами по основным группам: общие номинации одежды, головные уборы, плечевая и поясная одежда, верхняя одежда, обувь. Исследуются только лексические единицы, обозначающие предметы одежды (за редким исключением); за рамками исследования остаются номинации, обозначающие материалы для изготовления предметов традиционного костюма, ее качественные характеристики, особенности и детали кроя, способы ношения и т. д.

1. Общие наименования одежды и обуви

Наименования одежды и обуви, имеющие собирательное значение или являющиеся общими наименованиями, в языке коми-пермяков довольно многочисленны. Большая часть этих лексем является общеупотребительной: они составляют общенациональный словарный фонд и зафиксированы в лексикографических источниках по исследуемому языку [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985, 1992].

1) *Паськӧм* 'одежда и обувь': составляющие данный термин компоненты *пась* 'шуба' и *кӧм* (устар.) 'обувь' являются исконными.

Пась 'шуба' < ПП **paś* (> удм. *пась* 'шуба'). По данным [КЭСКЯ 1970: 217], дальнейшая этимология слова неизвестна, но в статье [Норманская forthc.] предложено сопоставление пермских слов с другими уральскими названиями одежды: реконструируется ПУ **pośV* 'изношенная одежда (шуба)' > коми, удм. *pas'* 'шуба' [КЭСКЯ 1970: 217]; хант. VK *-pus* 'изношенная одежда' [DEWOS: 1227]; манс. N *pāsli* 'изнашиваться (об одежде, обуви)' [Munkácsi, Kálmán 1986: 466]; ненец. *пус* 'лоскут, клочок, кусок (шкуры, материи)' [Терещенко 1965, 2008: 491].

Кӧм (устар.) 'обувь', по данным [КЭСКЯ 1970: 140], не имеет параллели в удмуртском языке, но, по [UEW: 650], является рефлексом основного ФП названия **kämä* 'обувь, сапоги'.

Общекоми (коми-пермяцкое и коми-зырянское) наименование *паськӧм* передает семантику совокупности всех видов одежды и обуви. *Пась* 'шуба' — общеупотребительная лексема: этим словом называют шубу, сделанную из овчины. *Пась* в значении шубы, купленной в магазине, встречается крайне редко, чаще данный вид одежды называется заимствованным вариантом 'шуба'.

2) *Кӧмкӧт* 'обувь': составляющие данный термин компоненты *кӧм* (устар.) 'обувь' (этимологию см. выше, при разборе предыдущего слова) и *кӧт* 'погребальная обувь' также являются исконными.

Относительно данного наименования в «Кратком этимологическом словаре коми языка», составленном в 1970 г. В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым, отмечено: «Сложное слово: *кӧм* 'обувь' и *кӧт* 'погребальная обувь', в прошлом также 'обувь'; во время образования этого сложного слова *кӧм* и *кӧт*, вероятно, обозначали две разновидности обуви» [КЭСКЯ 1970: 141]. Первая часть — *кӧм* — не вызывает каких-либо разногласий ни по поводу семантики, ни по поводу этимологии [КЭСКЯ 1970: 140]. Компонент *кӧт* (к.-п. *кӧт*) также имеет параллель в удмуртском языке: удм. *кут* 'лапоть, лапти'. Авторы [КЭСКЯ 1970: 135] также указывают и на параллель в финском языке: фин. *ketto*. Однако это сравнение не было принято в [UEW] вследствие нерегулярных соответствий по вокализму.

Компонент *кӧм* как самостоятельная лексическая единица в коми-пермяцком языке сегодня не употребляется. Однако от *кӧм* образованы производные *кӧмасьны* 'обуваться' и *кӧмтӧг* 'босиком' (компонент *тӧг* является суффиксом лишительного падежа, т. е. букв. 'без обуви'; хотя в настоящее время данная семантика реализуется вариантом *кӧмкӧттӧг*, что вполне ожидаемо и объяснимо), а также сложные слова *нинкӧм* 'лапоть' (букв. *нин* 'лыко' + *кӧм* (устар.) 'обувь') и *кӧмкӧт* 'обувь' (где *кӧт* из *кӧт* 'погребальная обувь'; об этой лексеме см. далее). Одним словом, так или иначе устаревшее к сегодняшнему

дню слово *кõм*, сохранившись в сложных и производных словах, не теряет свою первоначальную семантику 'обувь'.

Значение 'обувь' в языке коми-пермяков передается при помощи лексемы *кõмкõт* 'обувь', ср. к.-з. *кõмкот*. *Кõт* в исследуемом языке не имеет такого широкого применения, как *кõм*, и, пожалуй, больше нет лексем с такой «строительной базой», зато вариант *коті* довольно употребителен. Заметим, что в современном коми-пермяцком языке лексема употребляется с семантикой пренебрежения (так скажут о старой или великоватой, неудобной обуви): *Тэ бõра тай ассит котіэтõ кõмалõмат?* 'Ты опять свою старую обувь обул?'. Вообще же для передачи семантики 'старая обувь, изношенная обувь' коми-пермяки могут воспользоваться лексемами *чушни*, *отопки* и др., в то время как в прошлом все данные номинации были закреплены за определенным видом традиционной обуви. Скорее всего, бытование современного *коті* является обратным заимствованием из русского языка.

3) *Кышõт* 'одежка' является производным отглагольным существительным (< ПП **kuš-* или **kuš-* 'обить, обшить, надеть верхнюю одежду' [КЭСКЯ 1970: 155] > удм. *кышет* 'платок, косынка'). Довольно интересны наименования с компонентом *кышõт*: в первую очередь само слово *кышõт* в значении 'одежка, ненновая одежда', а также сложные слова *вывкышõт* 'одежда' (букв. *выв* 'внешность, внешний вид' + *кышõт* 'одежка'), *коккышõт* 'обутки' (где *кок* 'нога') и *юркышõт* 'любой головной убор' (где *юр* 'голова'). В сложных наименованиях прослеживается довольно четкий принцип образования лексем (одежда для конкретной части тела): в них компоненты *выв*, *кок* и *юр* являются словами-определениями, конкретизирующими предназначение одежды.

4) *Выввезжõт* 'сменная одежда, чистое белье, праздничная одежда' — это сложное слово, состоящее из двух исконных компонентов: *выв* 'поверхность, верх' < ПП **vul* 'верх' [КЭСКЯ 1970: 71] < ПУ **wilä* (**wülä*) 'верхняя поверхность' [UEW: 573] и *везжõт* (глагол *везжны* 'сменить, поменять, изменить') < ПП **vęž-* [КЭСКЯ 1970: 50] < ПУ **wajV-šV* 'интервал, промежуток' [UEW: 810].

Часть названий одежды переходит в разряд пассивных слов и пополняет запас архаизмов: *йõрнõс-вешьян* 'комплект мужской одежды', *йõрнõс-дубас* 'комплект женской одежды'. Имеются лексические варианты, зафиксированные в отдельных говорах или диалектах: кос.-кам. *чак-чури* (ирон.) 'обувь', в образовании данного слова, скорее всего, принимали участие изобразительные слова, которыми изобилует коми-пермяцкий язык (здесь находит отражение семантика стука каблучков, типа русского *тук-тук-тук*). Общеизвестными, но стилистически окрашенными словами сегодня являются *котіэз*, *чушниэз* и *отопкиэз* в значении 'изношенная обувь'. *Коті* 'коты' и *чушни* 'мягкая самодельная обувь', употребляясь в прямом смысле, относятся к числу историзмов (см. далее).

Гендерные признаки проявляются в наименованиях *йõрнõс-вешьян* 'комплект мужской одежды' (букв. 'рубаша-штаны') и *йõрнõс-дубас* 'комплект женской одежды' (букв. 'рубаша-сарафан'). Компоненты этих сложных (парных) слов будут проанализированы ниже.

Парное слово *чак-чури*, зафиксированное нами в косинско-камском диалекте коми-пермяцкого языка [Лобанова 2008: 168], выступая в значении 'обувь', содержит стилистическую окраску ироничности: *Чак-чуриэсõ нымда магазинас вайõмась* 'Сколько разной обуви в магазин привезли'; *Чак-чуриэзõ корõны каша* (букв.) 'Мои обутки просят каши' [Лобанова 2008б: 168].

2. Нательная и верхняя одежда

1) Абсолютной синонимичной парой, возникшей на исконном материале, являются лексемы со значением 'рубаша, рубашка': *йõрнõс* (происхождение неизвестно) и *дõрõм* (< ПП **derem* 'рубашка' < ПП **dera* 'ткань' [КЭСКЯ 1970: 96] < ПУ **tokV-rV* ~ **tokrV* 'лен' [UEW: 797]). Эти термины используются для названия как женской, так и мужской одежды. Вариант *йõрнõс* характерен для речи южных коми-пермяков (Кудымкарский и Юсьвинский районы Коми-Пермяцкого округа) и язьвинских пермяков (*йõрнõс*; Красновишерский район Пермского края). На этой почве возникло выражение *йõрнõс вылын* (букв. 'на рубашке') в значении 'месячные'. Лексема *дõрõм* характерна для северных диалектов коми-пермяцкого языка и бытует там наряду с номинацией *йõрнõс*. Верхнекамские коми-пермяки используют для названия рубахи лексему *дõрõм* (Афанасьевский район Кировской области).

Имея свой ареал функционирования, лексемы *йõрнõс* и *дõрõм* довольно различны по своему происхождению. Производное слово *дõрõм* является, без сомнения, древним: авторы [КЭСКЯ 1970] считают его допермским по своему происхождению [КЭСКЯ 1970: 96]. Лексема *йõрнõс* представлена лишь в языке коми-пермяков, видимо, это собственно коми-пермяцкое слово. Оно зафиксировано в письменных источниках XIX в. [Рогов 2008: 369] и является литературной нормой современного коми-пермяцкого языка; остается затемненным вопрос о происхождении данной лексемы. В силу каких причин в языке

образовалось (допускаем, что пришло из другого языка) еще одно слово, хотя лексема *дөрём* для реализации значения 'рубашка' уже существовала? Возвращаясь к выражению *йёрнёс вылын* 'месячные', можно допустить, что первоначально за этим словом была закреплена гендерная составляющая, а уже впоследствии слово приобрело более широкую семантическую нагрузку. По структурным особенностям его можно было бы назвать производным словом², если бы первая часть *йёрн* отождествлялась семантически с каким-нибудь словом, однако сегодня никаких параллелей провести невозможно. Сложно назвать *йёрнёс* и заимствованием, поскольку подобных лексем в русском языке или в словах, пришедших в язык коми-пермяков через русский, обнаружить не удалось.

2) Полными синонимами являются слова *вешьян* и *гач* 'штаны, брюки'. Лексема *гач* (< рус. *гач* 'пояс, шнурок, который продевается в верхнюю часть штанов' [СРНГ, 6: 153]) имеет довольно небольшой ареал распространения — окраинные северные диалекты коми-пермяцкого языка и верхнекамское наречие. Общеупотребительной лексемой является *вешьян* 'штаны' (происхождение неизвестно): сегодня этим словом могут называть гетры и трико, детские колготки и др.

3) В тематической группе «сарафаны и юбки» используются русские названия данных предметов одежды или наименования иного происхождения, но пришедшие в язык коми-пермяков через русский язык. К их числу относятся *дубас*, *сарафан* и *юбка*. Эти лексемы проникли в коми-пермяцкий язык из русского.

Слово *дубас* 'женский сарафан' (чаще всего холщовый) заимствовано из рус. диал. (перм.) *дубас* 'рабочее платье без рукавов из тонкого холста, простой сарафан' [Фасмер 1996, 1: 548]. Исследователь делает предположение о возможном происхождении слова из финно-угорского языка, близкого к пермским (< хант. *торэс* 'передник'), однако этимология термина легко выводима на русском материале: ср. рус. перм. *дуб* 'ивовая или ольховая кора, используемая для выделки шкур и окраски ткани', *дубить* 'красить холст настоем ольховой или ивовой коры', *дублёной* 'выкрашенный настоем ивовой или ольховой коры'; «Я одубила холст и сшила себе дублёную юбку, не было материалов, дак мы дубили холст» [Беляева 1973: 147—148].

В некоторых случаях происходит фонетическая адаптация: *сарпан*, *юпка*.

Холщовый сарафан описывает также слово *сушин* < рус. (арх., олон.) *сушун* 'красный суконный сарафан' [Фасмер 1996, 4: 494], рус. (перм.) *сушин* 'сарафан из домотканого холста' [СРГКПО 2006: 234]. В данной фонетической форме коми-пермяки могли заимствовать диалектное русское слово.

4) Любой передник или фартук коми-пермяки называют термином *запон* (заимствовано из рус. диал. *запон* 'передник, фартук' [СРНГ, 10: 342; Фасмер 1996, 2: 78]), как и соседнее русское население региона.

5) Верхняя одежда коми-пермяков представлена двумя исконными лексемами: *нась* 'шуба' (этимологию см. выше) и *шабур* 'верхняя распашная одежда из холста' (< ПП **šabur*). Последнее, вероятно, является «бродячим» словом, поскольку сходные, но фонетически несводимые формы зафиксированы в марийском, хантыйском и ряде тюркских языков [КЭСКЯ 1970: 316]. Номинация *шабур* имеет широкое распространение во всех коми-пермяцких диалектах для обозначения холщового распашного приталенного кафтана.

Остальные слова заимствованы из русского языка.

6) *Поньток* (< рус. *пониток* 'кафтан из домашнего полусукна — «понитины»' [СРГКПО 2006: 195]) — распашной кафтан, выполненный из домашнего полусукна.

7) *Гуня* < рус. *гуня* 'худая, ветхая, потасканная одежда; верхняя одежда' [СРНГ, 7: 235]. В северных диалектах *гуня* имеет значение 'верхний распашной суконный кафтан': «Пониток опять из лёна делаешь, а ткешь шерстью. А гуня — прядешь шерстью и шерстью же ткешь» (Гайнский район Пермского края, д. Мысы). В Кочевском районе *гуня* и *поньток* различаются не материалом изготовления, а покроем: *гуня* — прямоспинный кафтан, *поньток* — приталенный с борами на поясе. В Кудымкарском районе одно из значений термина *гуня* — 'верхняя распашная холщовая простеганная одежда'. Часто «гуней» могут называть и старую демисезонную одежду — *шабур*, *пониток*, куртку, пальто.

8) *Зипун* < рус. *зипун* 'верхняя распашная одежда из сукна', 'верхняя одежда на меху или из меха' [СРНГ, 11: 284]. Реже номинация *зипун* в коми-пермяцких диалектах встречается для обозначения верхнего суконного или полусуконного распашного кафтана, надеваемого поверх шубы в дорогу, и мужских холщовых прямоспинных кафтанов.

9) *Купайка* < рус. *куфайка* 'фуфайка' [СРНГ, 16: 180].

В коми-язвинском наречии встретилось выражение *верховёй паськөм* букв. 'верхняя одежда'. Термины, разные по историческому происхождению, проникли в коми-пермяцкий язык из соседних русских диалектов, в которых активно используются в качестве наименований одежды.

² Компонент *-ёс* в качестве застывшего суффикса встречается довольно часто: например, *кымёс* 'лоб' (< устар. *кым* 'угол, край, сторона'), *пыкёс* 'опухоль' (< устар. *пык-* 'опухнуть').

3. Головные уборы

1) Среди наименований женских головных уборов, функционирующих в современном коми-пермяцком языке или имевших место в исследуемом языке в прошлом, представлено всего три исконных лексемы: *чышьян* ‘платок’ (производное от *чышкыны* < ПП **čiš-* ‘утирать, вытирать’ [КЭСКЯ 1970: 314—315] < ПУ **čošV-* (**čačV-*) ‘вытирать, подметать’ [UEW: 60]), *юркӧртӧт* ‘головной платок (у замужней женщины)’ (букв. ‘повязка для головы’) и *юркышӧт* ‘любой головной убор’ (букв. ‘накидка для головы’). Все остальные названия: *шалъ*, *косинка*, *поттишалок*, *моршень* [Фасмер 1996, 2: 659], *шамшура* [Фасмер 1996, 4: 403] и *кокошник* — заимствованы из русского языка.

В сложных лексемах *юркӧртӧт* и *юркышӧт* общий компонент *юр* ‘голова’ выступает в качестве определения-уточнения, а составляющие *кӧртӧт* ‘повязка, завязка’ и *кышӧт* ‘одежка’ (этимологию см. выше) являются отглагольными существительными. Относительно функциональных особенностей данных лексем следует отметить, что слово *юркӧртӧт* как необходимый атрибут замужней женщины переходит в разряд пассивных слов, поскольку традиционные требования к внешнему виду замужней женщины и незамужней девушки сегодня практически не соблюдаются. Собираательная лексема *юркышӧт* более употребительна и общеизвестна. Активно в речи коми-пермяков употребляется лексема *чышьян* ‘платок’, в настоящее время она является общекоми (коми-пермяцким и коми-зырянским) наименованием.

Наименования женских головных уборов, заимствованные из русского языка, также представляют интерес в плане функциональных и семантических особенностей. Так, лексемой *поттишалок* ‘полушалок’ (< рус. *подшалок*) коми-пермячки называют большой цветастый платок (чаще с кистями) или небольшую шаль. При освоении русской лексемы *подшалок* произошла ассимиляция — аффрикатизация. Впоследствии в «взвоях» диалектах коми-пермяцкого языка возникли фонетические варианты *поттишавок* и *поттишаок*, которые вполне ожидаемы: [л] повсеместно переходит в [в], а в интервокальном положении (что соответствует данному случаю) чаще всего выпадает.

2) Все функционирующие сегодня в исследуемом языке наименования мужских головных уборов являются русскими по своему происхождению (кроме собирательного наименования *юркышӧт*, см. выше): *шапка*, *фуражка* (повсеместно в разговорной речи — *курашка* или *пурашка*), *шляпа*, *кепка* и др.

Исторические данные дают еще несколько номинаций. В известной работе Н. А. Рогова «Материалы для описания быта пермяков» (1860 г.) при описании мужской одежды отмечается следующее: «**Колпак** — весьма характерная часть одежды Пермяка; по нему одному Пермяк удобно может быть отличен в тысяче русских мужиков. Кажется, колпак есть остаток старинной одежды Пермяков» [Рогов 2008: 99].

В этой же работе приводится описание малахая с переводом *пеляшапка*. В современном коми-пермяцком языке слово *пеляшапка* нам не встречалось, зато русский вариант *малахай* в художественных текстах, написанных в 1970—80-е гг., иногда упоминается. Допускаем, что в XIX в. в языке коми-пермяков функционировала лексема *пеляшапка* букв. ‘шапка с ушами’, впоследствии вытесненная русским вариантом. Данный способ словообразования характерен для исследуемого языка: первый компонент *пеля* ‘с ушами, ушастая’ в очередной раз выполняет функции определения-уточнения — он уточняет, какая характерная особенность присуща данному предмету. Получается, что и в XIX в. в коми-пермяцком языке не было своего слова, отвечающего за семантику ‘шапка’, уже тогда оно было заимствовано из русского языка, что, казалось бы, противоречит смыслу (ведь в суровых условиях проживания народа невозможно было обходиться без головного убора, следовательно, должна была быть исконная лексема с этой семантикой, а ее обнаружить не удается).

4. Пояса

1) Самым многозначным словом в данной подгруппе является лексема *вонь* (к.-я. *вунь*, к.-з. *вӧнь*, в удмуртском параллели отсутствуют [КЭСКЯ 1970: 67]) < ПУ **wiŋä* (**wiŋä*) ‘пояс’ [UEW: 575]. Им называют и подвязку, и шерстяной шнур у лаптей, и опояску, и шерстяной шнурок, и даже пояс. *Вонь* встречается в составе сложной лексемы *червонь* ‘подвязка для чулок’: в отдельных диалектах коми-зырянского языка компонент *чер* известен в значении ‘голень’ [ССКЗД 1961: 408], при дословном переводе получается ‘подвязка для голени’.

На территории мысовского и верх-лупинского диалектов нами зафиксированы номинации *котвонь* и *коквонь*, обозначающие пояски-завязки на лаптях и котках; на других территориях эти варианты не обнаружены. Та и другая лексема, согласно законам образования сложных слов в коми-пермяцком языке, вполне могут быть образованы: *котвонь* в значении ‘опояска для кот (коты)’, *коквонь* в значении ‘опояска для ноги’.

В верх-лупинском и мысовском диалектах, а также в верхнекамском наречии термин *вонь* может обозначать и женский пояс. Синонимом к слову *вонь* в этом случае выступает русская лексема *пӧкрӧм* (по-

кром, покромка) [Фасмер 1996, 3: 306]. На большей же части территории распространения коми-пермяцкого языка за термином *вонь* закрепилось обозначение плетеных шерстяных поясков-завязок для лаптей.

2) Ближним по значению к рассмотренному выше слову *вонь* является исконная лексема *йи* (фонетический вариант — *йы*) ‘пояс, поясок, покромка’ < ПП *jō ‘пояс, перевясло³’ [КЭСКЯ 1970: 111] < ПУ *jāje ‘пояс’ [UEW: 90]. При уточнении предмета, для которого пояс предназначен, могут возникнуть варианты *калат* (рус. *халат*) *йи* ‘пояс халата’, *платтё* (рус. *платье*) *йи* ‘пояс платья’, *пальто йи* ‘пояс пальто’ и т. д.

3) Следующей лексемой, на которую следует обратить внимание, является *гез* ‘веревка’ < ПП *gezδ- [КЭСКЯ 1970: 76] (этимология за пределами пермских языков неизвестна). Этой лексемой коми-пермяки называют толстую веревку, используемую для перевязывания каких-либо предметов в хозяйственных нуждах (дров, сена и др.). Функционирование анализируемого слова в интересующей нас лексико-тематической группе несколько необычно. Тем не менее, в Афанасьевском районе Кировской области, в районе распространения верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка, для передачи значения ‘повязка’ вместе с привычным, общеупотребительным словом *вонь* (фонетический вариант — *вонь*) используется лексема *дез* (множественное число — *дезьяс*): «*Дезьяс* — повязки. *Нимкөмдез*. Изю льна. Они белые, лён эдь белый». Несомненно, фонетический вариант *дез* является вторичным образованием, возникшим от *гез*; данное фонетическое явление рассмотрено ниже при анализе слова *тепись* < *кепись* ‘варежка’. Сложное слово *нимкөмдез* ‘веревка для лаптей’ в данной ситуации вполне ожидаемо: первый компонент *нимкөм* < *нинкөм* ‘лапоть’ в очередной раз выполняет функции определения-уточнения (для какого предмета данная веревка предназначена).

4) Диалектной лексемой является *тасма* ‘ремень’, это слово встречается в самых окраинных северных диалектах коми-пермяцкого языка. «Слово *тасма* восходит к общепермскому корню *tasma*, который представляет собой иранское заимствование, ср. таджикское *тасма* ‘ремень’» [КЭСКЯ 1970: 278]. Существуют и другие версии происхождения слова. Во всех остальных диалектах в этом значении употребляется русское слово *ремень*.

5) Через русский язык в лексикон коми-пермяков проникло тюркское по происхождению слово *кушак* [Фасмер 1996, 2: 439].

6) В данной тематической группе встречаются также русские лексемы *пöкрöм*, *покрöм* ‘покромка’, бытующие повсеместно как названия женского пояса, а также *тельник* и *опояска* — для обозначения мужских поясов.

5. Рукавицы

1) По сравнению с другими лексико-тематическими подгруппами наименования, связанные с понятием ‘варежки, рукавицы’, представляют одну из немногочисленных групп. Наиболее известны понятия *испотка* (русское заимствование; во всех диалектах эпизодически встречается фонетический вариант *испотки*, можно предположить, что этот вариант возникает по аналогии с употреблением иноязычного слова *носки* в значении ‘один носок’ и формы множественного числа *носкиэз* ‘несколько носков’) и *кепись* (диалектный вариант *тепись* характерен как для южного наречия коми-пермяцкого языка, так и для северного).

Кепись — это по своему составу сложное слово: *ке* (из *ки*) ‘рука’ (< ПП *ki [КЭСКЯ 1970: 123] < ПУ *käte ‘то же’ [UEW: 140]) + *пись* ‘рукавица’ (< ПП *pž [КЭСКЯ 1970: 121] < ПУ *pžV ‘то же’ [UEW: 376]). Совершенно очевидно, что изначально первый компонент выступал в качестве определения. После слияния двух лексем в одно сложное слово вторая часть потеряла свою лексическую самостоятельность, сегодня в речи коми-пермяков она не употребляется как самостоятельное понятие. ‘Рукавица для руки’ — такова семантика слова *кепись*. Возникновение фонетического варианта *тепись* связано с многочисленными примерами подобного рода, когда начальные заднеязычные [г] и [к] перед [э] или [и] довольно часто переходят в мягкие [д'] и [т'], например: *дез* вместо *гез* ‘веревка’, *терку* вместо *керку* ‘дом’ и др. Это приводит к нарушению древнейшего фонетического закона пермских языков — ограниченное употребление названных мягких согласных звуков в положении начала слова.

Во многих источниках эти два слова приводятся параллельно и представляются как абсолютные (полные) синонимы, однако на самом деле это не совсем так. Лексемой *испотка* принято называть варежки, связанные вручную или фабричного производства. В качестве материала могут послужить как купленные в магазине нитки, так и нити из домашней шерсти. Слово *кепись* следует понимать как ‘рукавица, сшитая из какой-либо ткани’. До заимствования из русского языка слова *испотка*, возможно, в ко-

³ Перевясло — жгут из скрученной соломы для перевязки снопов.

ми-пермяцком языке понятия ‘варежка’ и ‘рукавица’ реализовывались одной лексемой *кепись*. После того как *испотка* укрепилась в лексиконе коми-пермяков, произошла семантическая конкретизация и закрепление за каждым понятием определенного слова: за иноязычным словом закрепилось понятие ‘связанная варежка’, а за исконным — ‘сшитая рукавица’. Эпизодически встречается еще одно выражение — *чуня испотка* в значении ‘перчатка’ (букв. ‘варежка с пальцами’). Надо признать, что лексема *перчатка* как лексическая единица сегодня более употребительна, чем полный ее синоним *чуня испотка*.

2) В кочевском диалекте коми-пермяцкого языка зафиксирована лексема *паньчошка* < рус. *панчошка* ‘чулки, сшитые из сукна; шерстяные варежки, связанные на спицах’ [СРНГ, 25: 201]. Этим словом носители диалекта называют связанную из овечьей шерсти варежку, непокрытую тканью. Заметим, что варежки, предназначенные для ношения в зимнее время (независимо от того, кто их будет носить — мужчина, женщина или ребенок), как правило, коми-пермяки покрывают материей. При этом варежка дольше служит, она дольше не изнашивается, и в ней теплее. В холодное время года в матерчатых тонких рукавицах (*кепись*) выполнять какую-либо работу холодно и некомфортно. Такого рода изделия (*паньчошка*) считаются в большей степени рабочей одеждой, нежели повседневной, выходить в них «в люди» считается не совсем приличным: *Паньчошкаэзнас ме тёлкё* (литер. *только*) *Кёчö ветла* ‘В непокрытых тканью варежках я хожу только в Кочеве’ [Лобанова 2008б: 131].

Таким образом, к сегодняшнему дню в коми-пермяцком языке за связанной из овечьей шерсти варежкой закрепилась лексема *испотка*, однако ту же варежку, но покрытую тканью, уже не называют словом *испотка*, а только вариантом *кепись*. Скорее всего, внешние признаки получившегося изделия позволяют ему называться иначе. И только в кочевском диалекте (допускаем, что ареал функционирования данной лексемы шире, но таких данных у нас нет) в зависимости от материала и предназначения варежку называют двумя лексемами: *испотка* ‘связанная вручную или купленная в магазине варежка, предназначенная для повседневного ношения’ и *паньчошка* ‘связанная из овечьей шерсти варежка, непокрытая тканью новая или используемая в качестве выходной рукавицы’; ср. *Паньчошкаэзс кеписезся чожажык бырöны* ‘Паньчошки изнашиваются быстрее рукавиц’ (с. Юкseeво Кочевского района Пермского края).

6. Обувь

1) Наименования обуви в коми-пермяцком языке представлены довольно разнообразными лексемами, но практически все они являются иноязычными по своему происхождению. К ним относятся следующие: *бродни* < рус. *бродни* ‘высокие и просторные рабочие сапоги’ [СРНГ, 3: 188]; *тюньки* < рус. *тюни* ‘сапоги с длинными голенищами’ [Беляева 1973: 644], *тюньки* ‘короткие шерстяные носки’ [СПГ 2002: 458]; *чарки* < рус. *чарки* ‘обычная сибирская обувь’ < тюрк. [Фасмер 1996, 4: 316—317]; *бакилы* < рус. *бахилы* ‘рабочие сапоги, обычно круглые и без ранта’ [СРНГ, 2: 153]; *отопки* (фонетический вариант, встречающийся в северном наречии коми-пермяцкого языка, — *ötöpki*) < рус. *отопок* ‘старая, изношенная обувь’ [СРНГ, 24: 259]; *чушни, чупоршни, чупошки* < рус. *чушни, чупоршни* ‘носки без голенища, тапочки, связанные из толстых ниток’ [СПГ 2002: 535]; *сапог* (фонетический вариант, встречающийся в северном наречии коми-пермяцкого языка, — *сапöг*), *галоша* и др.

2) Исконной лексемой является *нинкём* ‘лапоть’, где *нин* ‘лыко’ < ПП **ñin* [КЭСКЯ 1970: 191] < ПУ **nine* (**ñine*) [UEW: 707], а *кём* имеет значение ‘обувь’ (этимологию см. выше). Хотя лапти давно перестали быть актуальными в повседневной жизни, слово, передающее это значение, остается до сих пор в активном словарном запасе коми-пермяков.

3) Также следует отметить лексемы *пими* ‘пимы’ (< ненец. *пи́ва* ‘пимы (обувь из оленьего меха, шьется мехом наружу)’, *пи́ва* ‘пим’ [Терещенко 1965, 2008: 461; КЭСКЯ 1970: 221]) и *коті* ‘кожаная обувь’. По мнению авторов [КЭСКЯ 1970], коми-пермяцкое слово *коті* было заимствовано из русского языка, а затем произошло обратное заимствование в рус. *коты* [КЭСКЯ 1970: 143]. По мнению же М. Фасмера [Фасмер 1996, 2: 262—263], оно является исконным для коми-пермяков и связано с ненец. *хуты* ‘сапог’ (см. [Терещенко 1965, 2008: 787]). Следует отметить, что, по данным [СРНГ, 15: 117], рус. *коты* очень широко представлено в диалектах и не ограничивается только ареалом контактов с коми, поэтому нельзя исключать, что и ненецкое слово, не имеющее параллелей в других самодийских языках, было заимствовано из русского. Вообще следует отметить, что сходные по звукотипу и семантике слова широко встречаются на территории Сибири, а также в Корее и Японии [Аникин 1997: 319].

Интересная картина наблюдается с валенками и лексемами, эту семантику передающими. На большей части распространения коми-пермяцкого языка в значении ‘валенки’ употребляется слово *пими*: *небны пимизэз* ‘купить валенки’. В коми-пермяцко-русском словаре для слова *пими* приводится и другое толкование — ‘войлочная обувь в виде глубоких галош’ [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985: 341].

В верх-лупьинском диалекте словом *пими* называют также полуваленки (в том числе с завязками) [Голева и др. 2011: 183], а в значении ‘валенки’ функционирует другое (вполне ожидаемое) диалектное выражение *гынсапӧг* (букв. ‘войлочный сапог’) [Голева и др. 2011: 186].

Заметим, что русское слово *сапог* в разных диалектах коми-пермяцкого языка произносится по-разному: в южном наречии — *сапог*, в северном — *сапӧг* (ср. южн. *покрѡм* — сев. *пӧкрӧм*, южн. *отопки* — сев. *ӧтӧпки* и др.). Причина этого варьирования связана с наличием в прошлом двух звуков *о* (*ӧ*-открытого и *о*-закрытого) в севернорусских говорах: в словах с *ӧ*-открытым происходила звукозамена *ӧ* на к.-п. *ӧ*, а слова с *о*-закрытым заимствовались без изменений. В южных диалектах (кудымкарско-иньвенском, нижнеиньвенском, нердвинском и оньковском) переход севернорусского *ӧ*-открытого в *ӧ* наблюдается в нескольких словах, в то время как в северных диалектах (кочевском, косинско-камском, мысовском и верх-лупьинском) это массовое явление, что говорит о том, что разные группы коми-пермяков имели разные по интенсивности контакты с представителями русских говоров.

В отдельных говорах нижнеиньвенского диалекта в этом значении фигурирует заимствованный вариант *валӧнки* ‘валенки’ (множественное число — *валӧнкиӧз* ‘валенки’).

Добавим, что наименования *чупошки* и *отопки* в речи коми-пермяков часто появляются в качестве ругательных слов, они входят в состав устойчивых сравнений с отрицательной коннотацией, например: *чупошкиӧм* (букв. ‘рот как чупошка’) — о большеротом человеке.

7. Чулки, носки, онучи

Данная подгруппа значительных отличий от других, рассмотренных выше тематических подгрупп не имеет. В ней также выделяются лексемы, относящиеся уже к пассивной лексике коми-пермяцкого языка: *чӧрӧс* (кос.-кам. *черӧс*) — в основе данного слова находится устаревшее слово *чӧр* ‘голень’ < ПП **čer* [КЭСЯ 1970: 311] < ПУ **čäje-rV* [UEW: 612], *-ӧс* является застывшим словообразовательным суффиксом, довольно часто встречающимся в составе исконных лексем (*кым-ӧс* ‘лоб’, *пурт-ӧс* ‘ножны, стручок’).

Также можно выделить заимствования: из иранских языков — *нямӧт* ‘портянка’ [КЭСЯ 1970: 201]; из русского языка — *пагӧль* ‘паголенок; сшитый из сукна чулок (чаще без следа и высотой чуть ниже колена)’ (ср. рус. *паголенки* ‘чулки-гольфы’, *пагольник* ‘чулок без носка и пятки’ [СРНГ, 25: 114—115]), *скуты* (< рус. *скуты* [Фасмер 1996, 3: 663]), *чулки, носки*.

В настоящее время *чӧрӧс* (кос.-кам. *черӧс*) ‘паголенок’ помнят представители старшего поколения: *Чӧрӧс сия съледтӧм* (литер. *следтӧм*), *кокат нямӧт каттян, а пидзӧсӧдзат* — *чӧрӧс* ‘Паголенок-то, он без следа, на ногу онучи наматываешь, а до колен — паголенок’ [Лобанова 2008б: 176].

В активном лексиконе коми-пермяков остается слово *нямӧт* (ср. к.-я. *нямӧт*, к.-з. *нямӧд*) ‘портянки, онучи’. В речи Кировских пермяков (Кировская область, Афанасьевский район) данная семантика реализуется лексемой *ӧнучи* (< рус. *онучи*), где звукопереход *о* > *ӧ* является результатом бывшего наличия двух *о* (открытого и закрытого) в севернорусских диалектах (подробнее см. выше анализ слова *сапӧг*).

Таким образом, наиболее **типичными структурными моделями** названий одежды в коми-пермяцком языке являются словосложение и суффиксация. В сложных словах первый компонент выступает в качестве определения-уточнения: он либо указывает на материал, из которого выполнено изделие (*нинкӧм* ‘лапоты’, где *нин* ‘лыко’), либо называет часть тела, на которой будет носиться изделие (*кепись* ‘варежка’, где *ки* ‘рука’). Вторая часть сложных лексем, как правило, является общим наименованием одежды, например: *червонь* ‘подвязка для чулок’ (букв. ‘подвязка для голени’), где *вонь* ‘подвязка’. Производные лексемы чаще всего содержат застывший или малопродуктивный словообразовательный суффикс (*чӧр-ӧс* ‘чулок’, *дӧр-ӧм* ‘рубашка’). Исконные непродуцированные лексемы, вероятно, сохранились только в составе сложных слов (*пась-кӧм* ‘одежда’, *ке-пись* ‘варежка’) и в названиях некоторых деталей одежды (например, *сос* ‘рукав’ < ПУ **soja* ‘то же’ [UEW: 445], *кизь* ‘пуговица’ < ПП **kiž*’з [КЭСЯ 1970: 123], но ср. *зеп* ‘карман’).

Приведенный в статье лексический материал демонстрирует влияние русской культуры на данный компонент. Иноязычные лексемы, подчиняясь фонетическим особенностям и закономерностям исследуемого языка, часто меняют свою фонетическую оболочку; практически все эти звукоизменения ожидаемы и поддаются анализу. Русские по происхождению слова образуют синонимичные пары ко многим исконным наименованиям: *гач* и *вешьян* ‘штаны’, *черӧс* и *пагӧль* ‘паголенок’. Некоторые иноязычные слова воспринимаются носителями коми-пермяцкого языка с измененной семантикой.

Исследование лексики данной тематической группы показало значительную устойчивость и единство почти на всей территории распространения коми-пермяцкого языка, отчасти это обусловлено ее компактностью и активными контактами между диалектными группами. В то же время следует отметить

некоторые диалектные варианты в данной лексико-тематической группе, имеют место фонетические диалектизмы: *кепись* и *тепись* 'варежка', *чёрёс* и *черёс* 'паголенок'. Диалектизмы, отражающие морфологические особенности, крайне редки. В качестве примера можно назвать употребление вариантов *скуты* и *скутыэз*: форма *скуты* уже содержит семантику множественного числа, при образовании грамматической формы *скутыэз* (где *-эз* — суффикс множественного числа имени существительного) в диалектах начинает наблюдаться редупликация, когда происходит удвоение формы множественного числа. На диалектном уровне наблюдается различная семантическая составляющая одной и той же лексем. Так, слово *тими* в разных говорах имеет различные смысловые оттенки: оно может обозначать и обычные валенки, и валенки с коротким голенищем, и короткие войлочные галоши с опушками⁴.

Относительно функциональных особенностей лексем, подвергшихся анализу в данной работе, следует сказать, что значительная часть наименований, обозначающих традиционную одежду коми-пермяков, постепенно пополняет пассивный словарный запас. Лексем в силу известных причин становятся историзмами и архаизмами. В настоящее время в языке не происходит образования новых исконных лексем в тематической группе 'одежда'.

Ниже приводится таблица, в которой показано происхождение лексем, обозначающих традиционную одежду коми-пермяков.

	исконная лексика	русские заимствования	заимствования из других языков	неизвестное происхождение
общие наименования одежды и обуви	<i>паськӧм</i> 'одежда и обувь' <i>кӧмкӧт</i> 'обувь' <i>кышӧт</i> 'одежка' <i>выввежӧт</i> 'сменная одежда, чистое белье, праздничная одежда'			
нательная одежда	<i>дӧрӧм</i> 'рубаша, рубашка' <i>пась</i> 'шуба' <i>шабур</i> 'верхняя распашная одежда' <i>йӧрнӧс</i> 'рубаша, рубашка'	<i>гач</i> 'штаны, брюки' <i>дубас</i> 'сарафан' <i>юпка</i> 'юбка' <i>сушин</i> 'сарафан из дубленого синего холста' <i>сарафан</i> 'сарафан' <i>запон</i> 'передник, фартук' <i>поньток</i> 'распашной кафтан из полусукна, пониток' <i>гуня</i> 'распашной кафтан' <i>зипун</i> 'распашной суконный кафтан' <i>купайка</i> 'фуфайка'		<i>вешьян</i> 'штаны, брюки'
головные уборы	<i>чышьян</i> 'платок' <i>юркӧртӧт</i> 'головной платок (у замужней женщины)' <i>юркышӧт</i> 'любой головной убор'	<i>шаль</i> 'головной платок большого размера, шаль' <i>косинка</i> 'косынка' <i>поттишалок</i> 'нарядный платок среднего размера' <i>моршень</i> 'головной убор замужней женщины в виде мягкой шапочки' <i>шамшура</i> 'головной убор замужней женщины в виде чепца с твердой трапециевидной задней частью' <i>кокошник</i> 'традиционный головной убор замужней женщины северных коми-пермяков' <i>шапка</i> 'мужской головной убор, шапка'		

⁴ Опушки — опушка, кусок ткани, подогнутый и подшитый к краю обуви, через который продевается шнурок.

		<i>фуражка</i> 'фуражка' <i>шляпа</i> 'шляпа' <i>кепка</i> 'кепка'		
пояса	<i>вонь</i> 'пояс' <i>йи</i> 'пояс, поясок, по- кромка'	<i>ремень</i> 'ремень' <i>пöкрöм, покром</i> 'покромка' <i>тельник</i> 'мужской узкий пояс' <i>опояска</i> 'широкий пояс для верхней одежды'	<i>тасма</i> 'ремень' <i>кушак</i> 'широкий мужской пояс'	
рукавицы	<i>кепись</i> 'рукавица'	<i>испотка</i> 'рукавица' <i>паньчошка</i> 'варежка, связанная из овечьей шерсти, непокрытая тканью'		
обувь	<i>нинкöм</i> 'лапоть' <i>коті</i> 'кожаная обувь' (? исконное происхож- дение; возможно, заимствование из русского)	<i>бродни</i> 'вид кожаной или лыковой обуви' <i>чарки</i> 'вид кожаной обуви' <i>бакилы</i> 'кожаная обувь с голенищами' <i>отопки</i> 'старые, изношенные лапти' <i>сапог</i> 'сапоги' <i>галоша</i> 'галоши' <i>тюньки</i> 'обувь, связанная из толстой нити' <i>чушни</i> 'обувь, связанная из толстой нити' <i>чупошки</i> 'обувь, связанная из толстой нити'	<i>пими</i> 'пимы'	
чулки, носки, онучи	<i>чöрöс</i> 'паголенок, сшитый из сукна чулок'	<i>пагöль</i> 'паголенок, сшитый из сукна чулок' <i>скуты</i> 'суконные онучи, портянки' <i>чулки</i> 'чулки' <i>носки</i> 'носки' <i>öнучи</i> 'онучи, портянки'	<i>нямöт</i> 'портянка'	

Итак, как видно из приведенной выше таблицы, в названиях традиционной одежды и обуви коми-пермяков преобладают заимствования из русских диалектов. Исконная лексика сохраняется в общих названиях одежды и обуви, а также для обозначения базовых предметов: рубашки, шубы, платка, пояса, лаптей, кожаной обуви, рукавиц и суконных чулок. Подавляющее большинство остальных названий, обозначающих разновидности головных уборов, нательной одежды, обуви и чулок, проникло в коми-пермяцкие диалекты из русского языка. Можно предположить, что эти названия заимствовались вместе с предметами, которые они описывали, однако эта гипотеза нуждается в дальнейших этнографических исследованиях.

Сокращения

Языки и диалекты

к.-з. — коми-зырянский

к.-п. — коми-пермяцкий

сев. — северные диалекты коми-пермяцкого языка

кос.-кам. — косинско-камский диалект

южн. — южные диалекты коми-пермяцкого языка

к.-я. — коми-язьвинский

манс. — мансийский

N — северномансийские диалекты

ненец. — ненецкий

ПП — прапермский

ПУ — прауральский

рус. — русский

арх. — архангельские говоры

олон. — олонечские говоры

перм. — пермские говоры

тюрк. — тюркские

удм. — удмуртский

фин. — финский

ФП — финно-пермский

хант. — хантыйский

VK — верхнекалымский диалект

Общие

букв. — буквально	литер. — литературный
диал. — диалект, диалектный	устар. — устаревший
ирон. — иронический	V — любой гласный

Литература

- Аникин 1997 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. {Anikin A. E. Etimologičeskij slovar' russkix dialektov Sibiri: Zaimstvovanija iz ural'skix, altajskix i paleoaziatskix jazykov. Novosibirsk, 1997.}
- Баталова, Кривошекова-Гантман 1985 — Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. {Batalova R. M., Krivoščekova-Gantman A. S. Komi-perm'acko-russkij slovar'. M., 1985.}
- Баталова, Кривошекова-Гантман 1992 — Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкой орфографической словарь. Кудымкар, 1992. {Batalova R. M., Krivoščekova-Gantman A. S. Komi-perm'ackoj orfografičeskij slovar'. Kudymkar, 1992.}
- Белицер 1958 — Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. (= Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 45.) М., 1958. {Belicer V. N. Očerki po etnografii narodov komi: XIX — načalo XX v. (= Trudy instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. Vol. 45.) M., 1958.}
- Белицер 1971 — Белицер В. Н. Финно-угорские народы Европейского Севера // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начала XX в.): Определитель / Отв. ред. Лебедева А. А. М., 1971. С. 260—287. {Belicer V. N. Finno-ugorskie narody Evropejskogo Severa // Krest'janskaja odežda naselenija Evropejskoj Rossii (XIX — načala XX v.): Opredelitel' / Ed. Lebedeva A. A. M., 1971. P. 260—287.}
- Беляева 1973 — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. Беляева О. П. Ред. Голушкова Е. А. Пермь, 1973. {Slovar' govorov Solikamskogo rajona Permskoj oblasti / Sost. Bel'aeva O. P. Ed. Goluškova E. A. Perm', 1973.}
- Голева и др. 2011 — Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: История, культура, язык. Этнолингвистический сборник. (= Труды Института языка и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 8.) Пермь, 2011. {Goleva T. G., Pod'ukov I. A., Ponomareva L. G., Černyx A. V. Lup'incy: Istorija, kul'tura, jazyk. Etnolingvističeskij sbornik. (= Trudy Instituta jazyka i tradicionnoj kul'tury komi-perm'ackogo naroda. Vol. 8.) Perm', 2011.}
- Грибова 1980 — Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. {Gribova L. S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi. M., 1980.}
- Климова 1989 — Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1989. {Klimova G. N. Tekstil'nyj ornament komi. Syktyvkar, 1989.}
- Коми-пермяцкий костюм 2006 — Коми-пермяцкий национальный костюм: Из собрания Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка / Ред. Чагин Г. Н. Кудымкар, 2006. {Komi-perm'ackij nacional'nyj kost'um: Iz sobranija Komi-Perm'ackogo okružnogo kraevedčeskogo muzeja im. P. I. Subbotina-Perm'aka / Ed. Čagin G. N. Kudymkar, 2006.}
- Крыласова 2001 — Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма: Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001. {Krylasova N. B. Istorija Prikamskogo kost'uma: Kost'um srednevekovogo naselenija Permskogo Predural'ja. Perm', 2001.}
- Крыласова 2007 — Крыласова Н. Б. Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007. {Krylasova N. B. Arxeologija povsednevnosti: Material'naja kul'tura srednevekovogo Predural'ja. Perm', 2007.}
- КЭСЯ 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {Lytkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. M., 1970.}
- Лобанова 2008а — Лобанова А. С. Промысловая лексика в эвфемизмах и табу-словах (на материале коми-пермяцкого языка) // Пермистика — XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими диалектами. Ижевск, 2008. С. 179—183. {Lobanova A. S. Promyslovaja leksika v evfemizmax i tabu-slovaх (na materiale komi-perm'ackogo jazyka) // Permistika — XII: Dialekty i istorija permskix jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi dialektami. Iževsk, 2008. P. 179—183.}
- Лобанова 2008б — Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. Пермь, 2008. {Lobanova A. S. Komi-perm'ackij etnolingvističeskij sbornik: Materialy i issledovanija. Perm', 2008.}
- Лобанова, Кичигина 2012 — Лобанова А. С., Кичигина К. С. Русско-коми-язвинский словарь. Пермь, 2012. {Lobanova A. S., Kičigina K. S. Russko-komi-jaz'vinskij slovar'. Perm', 2012.}

Меркушева 2003 — Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. {Merkuševa T. N. Leksika flory i fauny južnogo narečija komi-perm'ackogo jazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Syktyvkar, 2003.}

Народы Поволжья и Приуралья 2000 — Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / Отв. ред. Мокшин Н. Ф., Федянович Т. П., Христоробова Л. С. М., 2000. {Narody Povolž'ja i Priural'ja: Komi-zyr'ane. Komi-perm'aki. Marijcy. Mordva. Udmurty / Ed. Mokšin N. F., Fed'anovič T. P., Xristol'ubova L. S. M., 2000.}

Немтинова, Федосеева, Яркова 1993 — Немтинова Г. И., Федосеева В. В., Яркова Л. Ф. Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993. {Nemtinova G. I., Fedoseeva V. V., Jarkova L. F. Komi-perm'acko-russkij, russko-komi-perm'ackij slovar'. Kudymkar, 1993.}

Норманская forthc. — Норманская Ю. В. Система названий деталей костюма в прауральском языке и ее развитие в дочерних праязыках. Рукопись. {Normanskaja Ju. V. Sistema nazvanij detalej kost'uma v praural'skom jazyke i ee razvitie v dočernix prajazykax. Manuscript.}

Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010: Национальный состав населения Российской Федерации // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php. {Vserossijskaja perepis' naselenija 2010: Nacional'nyj sostav naselenija Rossijskoj Federacii // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php.}

Рогов 1858 — Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. Т. 29. № 4 (апрель). Отд. 3. СПб., 1858. С. 45—126. {Rogov N. A. Materialy dl'a opisanija byta perm'akov // Žurnal Ministerstva vnutrennix del. Vol. 29. № 4 (aprel'). Otd. 3. SPb., 1858. P. 45—126.}

Рогов 1860 — Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. Кн. 2. Отд. 2. М., 1860. С. 1—127. {Rogov N. A. Materialy dl'a opisanija byta perm'akov // Permskij sbornik. Vol. 2. Otd. 2. M., 1860. P. 1—127.}

Рогов 1869 — Рогов Н. А. Пермьско-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. {Rogov N. A. Perm'acko-russkij i russko-perm'ackij slovar'. SPb., 1869.}

Рогов 2008 — Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. Кудымкар, 2008 (переизд.). {Rogov N. A. Materialy dl'a opisanija byta perm'akov. Kudymkar, 2008 (reprint).}

СПГ 2002 — Словарь пермских говоров. Вып. 2. О—Я / Ред. Борисова А. Н., Прокошева К. Н. Пермь, 2002. {Slovar' permskix govorov. Vol. 2. O—Ja / Ed. Borisova A. N., Prokoševa K. N. Perm', 2002.}

СРГКПО 2006 — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. Подюков И. А. Пермь, 2006. {Slovar' russkix govorov Komi-Perm'ackogo okruga / Ed. Pod'ukov I. A. Perm', 2006.}

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—45 / Гл. ред. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. Л. (СПб.), 1965—2012 (издание продолжается). {Slovar' russkix narodnyx govorov. Vol. 1—45 / Ed. Filin F. P., Sorokoletov F. P. L. (SPb.), 1965—2012 (izdanie prodolžaets'a).}

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Ред. Сорвачева В. А. Сыктывкар, 1961. {Srvnritel'nyj slovar' komi-zyr'anskix dialektov / Ed. Sorvačeva V. A. Syktyvkar, 1961.}

Теплоухов 1916 — Теплоухов А. Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Вып. 2. Пермь, 1916. С. 122—137. {Teplouhov A. F. Ženskie golovnye ubory perm'akov i ix otnošenie k starinnyx uboram mestnogo russkogo naselenija // Ill'ustrirovannyj sbornik-ežegodnik Permskogo gubernskogo zemstva. Vol. 2. Perm', 1916. P. 122—137.}

Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereščenko N. M. Nenecko-russkij slovar'. M., 1965.}

Терещенко 2008 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {Tereščenko N. M. Nenecko-russkij slovar'. SPb., 2008.}

Фасмер 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. СПб., 1996. {Fasmer M. Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Vol. 1—4. SPb., 1996.}

Чагин 1995 — Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь, 1995. {Čagin G. N. Etnokul'turnaja istorija Srednego Urala v konce XVI — pervoj polovine XIX v. Perm', 1995.}

Черных 2007 — Черных А. В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь, 2007. {Černyx A. V. Narody Permskogo kraja: Istorija i etnografija. Perm', 2007.}

DEWOS — Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
Munkácsi, Kálmán 1986 — Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest, 1986.

UEW — Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Иллюстрации

Рис. 1. Шамшура — женский головной убор южных коми-пермяков (Юсьвинский район Пермского края, д. Андроново).

Рис. 2. Кокошник — женский головной убор северных коми-пермяков (Гайнский район Пермского края).

Рис. 3. Коми-пермячка в традиционном женском головном уборе — шамшуре (Кудымкарский район Пермского края, с. Белоево).

Рис. 4. Коми-пермячка в традиционном женском головном уборе — кокошнике (Гайнский район Пермского края, д. Сойга).

Рис. 5. Мужской кушак (Кудымкарский район Пермского края, п. Березовка).

Рис. 6. Покромки — женские пояса (Кочевский район Пермского края, д. Кукушка).

Рис. 7. Покромки — женские пояса (Гайнский район Пермского края, д. Имасы).

Рис. 8. Тельники — мужские пояса (Гайнский район Пермского края, п. Жемчужный).

Рис. 9. Коми-пермячка в традиционном костюме южной группы: в рубахе, сарафане-дубасе, переднике, платке и лаптях с красными шерстяными оборами (Кудымкарский район Пермского края, д. Кекур).

Рис. 10. Коми-пермячка в традиционном костюме южной группы: в рубахе, сарафане-дубасе, переднике, платке и лаптях (Кудымкарский район Пермского края, п. Березовка).

Рис. 11. Коми-пермячка в традиционном костюме южной группы: в рубахе, сарафане-дубасе, переднике, платке и лаптях (Юсьвинский район Пермского края, д. Стариково).

Рис. 12. Коми-пермячки в традиционном костюме северной группы (кочевский вариант): женщина слева — в рубахе, сарафане, переднике и платке; женщина справа — в рубахе, дубасе, переднике и платке (Кочевский район Пермского края, с. Малая Коча).

Рис. 13. Коми-пермячки в традиционном костюме северной группы, вид сзади (Кочевский район Пермского края, с. Малая Коча).

Рис. 14. Традиционный костюм северной группы (кочевский вариант): женщина — в рубахе, дубасе и переднике; мужчина — в рубахе (Кочевский район Пермского края, д. Кукушка).

Рис. 15. Женщина в традиционном костюме северной группы (лупинский вариант): рубаха, дубас, головной убор (кокошник), пояс-покрывка, передник (Гайнский район Пермского края, п. Жемчужный).

Рис. 16. Коми-пермяк в традиционной рубахе (Кочевский район Пермского края, с. Юксеево).

Рис. 17. Коми-пермячка в верхней демисезонной одежде — шабуре (Юсьвинский район Пермского края, с. Юсьва).

Рис. 18. Фольклорный ансамбль «Самородки» в традиционных костюмах северной группы, косинский вариант (Косинский район Пермского края, с. Коса).

Рис. 19. Коты — традиционная обувь северных коми-пермяков (Гайнский район Пермского края).

Рис. 20. Коми-пермячка в верхней суконной зимней одежде — гуне (Гайнский район Пермского края). Вид спереди.

Рис. 21. Коми-пермячка в верхней суконной зимней одежде — гуне (Гайнский район Пермского края). Вид сбоку.

Рис. 22. Коми-пермячка в верхней суконной зимней одежде — гуне (Гайнский район Пермского края). Вид сзади.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу наименований предметов одежды в коми-пермяцком языке. В ней выявляются функционально-семантические особенности общеупотребительных и диалектных лексем, а также рассматриваются вопросы этимологии терминов, составляющих данную группу слов. В статье определяются пути проникновения значительного пласта иноязычных лексем в коми-пермяцкий язык.

SUMMARY

The article presents the analysis of the terms of clothing in the Komi-Permyak language. In the article the functional and semantic features of the common and dialectal lexemes are identified. The authors also deal with the etymology of the words from the lexical group. The ways of borrowing to Komi-Permyak are considered too.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, наименования предметов одежды, общеупотребительная лексика, диалектная лексика, исконные наименования, заимствованная терминология

Keywords: Komi-Permyak, terms of clothing, common vocabulary, dialectal vocabulary, original lexicon, loanwords

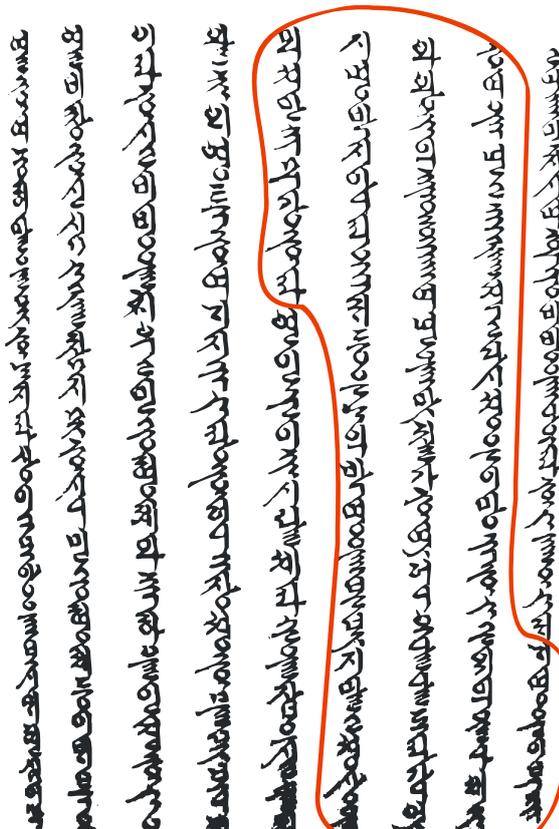
Графическая система корейского языка XVIII века

Описание графической системы языка предполагает: 1) задание инвентарей букв и фонем; 2) задание базового соответствия между буквами и фонемами; 3) построение производного соответствия между цепочками букв и цепочками фонем, т. е. задание правил перехода от цепочек букв к цепочкам фонем («правил чтения») и правил перехода от цепочек фонем к цепочкам букв («правил письма») [Зализняк 2002: 573; Поливанова 2008: 224—249]. В настоящей статье предлагается такое описание графической системы для корейского языка XVIII в. Сравнение памятников этого периода показывает, что графические системы разных памятников в основных чертах совпадают. Здесь мы ограничимся подробным рассмотрением одного памятника — повести «Жизнеописание королевы Инхён» (*Инхён ванъху чон*), далее — «Королева»¹.

0.1. Предварительный этап: графическая интерпретация текста

Текст исследуемого памятника записан корейским буквенным письмом, скорописью, стилизованной под монгольскую уйгурицу. Письмо беспробельное. Направление письма — сверху вниз, справа налево.

Первая задача, стоящая перед исследователем, — графическая интерпретация такого текста, результатом которой («пропись») — это побуквенная запись текста в устойчивом алфавите и установление пробелов, а также границ между предложениями. Ниже представлена пропись выделенного отрывка текста [Инхён ванъху чон 2004: 417].

текст рукописи	пропись
	<p>니 명운이 부족하여 육년고초를 겪고 다시 성은이 망극하스 곤위의 올라 세즈와 왕즈의 충효로 여년을 맞칠가 하였더니, 오날 날 도라가니 엇지 명박지 아니리오. 그뒤 등은 닐의 박명을 본밧지 말고 성상을 띄셔 만슈무강하라.</p>
	перевод
	<p>«Несчастливая доля выпала мне: шесть лет терпела я горести и лишения в изгнании. Но по милости государя вновь взошла на трон и думала, что проживу еще долго и увижу вас и детей ва- ших счастливыми. Сегодня я ухожу от вас — вы видите, как я несчастна. Пусть же вам выпадет иная судьба — живите долго и будьте счастливы подле нашего государя!»²</p>

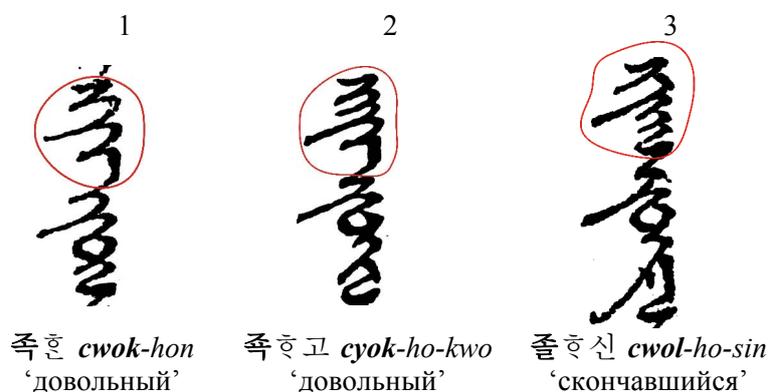
¹ Этот текст рассматривается в факсимильном издании рукописи Фонда Карам Центральной библиотеки Сельского университета [Инхён ванъху чон 2004: 375—502].

² Художественный перевод приводится по [Рачков 1985].

Уже на этапе создания прописи исследователь сталкивается с различными трудностями, обусловленными скорописным характером почерка: начертания многих букв отличаются от современных, начертание одной и той же буквы может сильно меняться в зависимости от контекста, и, наоборот, начертания разных букв могут отличаться едва заметными на первый взгляд признаками. Так, например, ниже (в записях 1 и 2) представлена одна и та же согласная буква ㅍ (*ph*) в разных контекстах: 펴 *phye* и 포 *phwo* соответственно. Напротив, в записях 2 и 3 представлены две разные буквы — ㅍ (*ph*) и ㅌ (*th*) — в одном контексте: обведены слоги 포 *phwo* и 토 *thwo* соответственно.

Большим подспорьем в преодолении этих трудностей оказывается издание текста «Королевы» в современной орфографии [Иньён ванъху чон 2004: 17—98]. Однако современная орфография не отражает (орфо)графических колебаний, столь характерных для текстов XVIII—XIX вв. и составляющих пристальный интерес исследователя, занимающегося графикой этого периода. Так, известно, что в текстах XVIII в. свободными вариантами являются написания 조 *cwo* и 쪼 *cyo* (в частности, это известно из печатных текстов, где различие видно явно); современная же орфография допускает только написание *cwo*. Какое из двух написаний представлено в рукописи, зачастую не так легко решить: если слоги 족 *cwok* (1) и 쪼 *cyok* (2) различаются еще довольно отчетливо, то в слогах вида 졸 *cwol* ~ 쪼 *cyol* провести различие чрезвычайно трудно; для 3 в условном порядке сделан выбор в пользу *cwol*.

То же для 상 *sang* ~ 상 *syang*: в памятниках XVIII в. допускаются оба написания, в современной орфографии — только *sang*. В приведенных ниже записях: 1 — *syang*; 2 — *sang* (между 1 и 2 есть заметная разница в угле наклона горизонтальной черты относительно вертикальной и наличии / отсутствии завитка); 3 — некоторый промежуточный вариант, в условном порядке выбор сделан в пользу *sang*.

Как видно из приведенных примеров, процедура графической интерпретации текста не может быть формализована, и во многих случаях принимаемое решение вынужденно условно.

Что касается деления текста на словоформы, то здесь в условном порядке принято деление, согласованное с современным корейским языком: словоформа — это цепочка букв от пробела до пробела; про-

белы расставляются в соответствии с нормами современной орфографии. Поскольку текст «Королевы» издан в современной орфографии, деление его на словоформы принадлежит издателю.

Особые случаи:

1) пара «существительное + глагол-связка *i* ‘быть’» с морфонологической точки зрения представляет единую словоформу: шов между существительным и связкой подвергается тем же правилам преобразования, что и шов между формативами внутри словоформы; в современной корейской орфографии сочетания со связкой записываются без пробела перед связкой;

2) пара «причастная форма предикатива + служебное имя *i* ‘человек’» с морфонологической точки зрения представляет единую словоформу: шов между причастием и служебным именем подвергается тем же правилам преобразования, что и шов между формативами внутри словоформы; в современной корейской орфографии сочетания со служебным именем *i* записываются с пробелом перед *i*.

0.2. Графическое и фонологическое представление текста

Ниже приводятся образцы представлений для выделенного отрывка текста: строка 1 — графическое представление (графическая запись), результат графической интерпретации; строка 2 — Йельская транслитерация (запись исходного текста буквами латинского алфавита)³; строка 3 — фонологическое представление (фонологическая запись); строки 4 и 5 — глоссировка и перевод.

1	너	명운이	부족하여	육년고초를	겪고
2	<i>noy</i>	<i>myeng-wun-i</i>	<i>pwu-cwok-ho-ye</i>	<i>yuk-nyen-kwo-chwo-lul</i>	<i>kyek-kwo</i>
3	nɔj	mjəŋuni	pusok ^h ʌjə	juŋnjənkoc ^h oɦil	kjəko
4	я-GEN	счастье-NOM	недостаточный-CONV	шесть_лет_страданий_и_лишений-ACC	перенести-&
5	Несчастливая доля выпала мне: шесть лет терпела я горести и лишения в изгнании.				
	다시	성운이	망극호스	곤위의	올나
	<i>ta-si</i>	<i>syeng-un-i</i>	<i>mang-kuk-ho-so</i>	<i>kwon-wuy-uy</i>	<i>wol-na</i>
	tasi	səŋini	maŋkik ^h ʌsʌ	konujij	olla
	снова	милость-NOM	безмерный-HON-CONV	положение_королевы-LOC	подниматься-CONV
	Но по милости государя вновь возшла на трон				
	세자와	왕즈의	충효로	여년을	맛칠가
	<i>syey-co-wa</i>	<i>wang-co-uy</i>	<i>chuyung-hyo-lwo</i>	<i>ye-nyen-ul</i>	<i>mas-chil-ka</i>
	səjɔslwa	waŋɔslij	ʧ ^h uŋhjolo	jənjənil	maɕ ^h ilka
	принц-наследник-COM	принц-GEN	преданность_монарху_и_сыновья_почтительность-INSTR	остаток_жизни-ACC	заканчивать-FIN(INTR)
	и думала, что проживу еще долго и увижу вас и детей ваших счастливыми.				
	흐였더니	오늘	날 도라가니	엇지 명박지	아니리오
	<i>ho-yes-te-ni</i>	<i>wo-nal</i>	<i>nal two-la-ka-ni</i>	<i>es-ci myeng-pak-ci</i>	<i>a-ni-li-wo</i>
	ɦɔjətəni	onal	nal tolakani	ətci mjəŋpakci	anilio
	думать-PST-CONV	сегодняшний день	возвращаться-CONV	как несчастливый-NEG	не_быть- FIN(INTR)
	Сегодня я ухожу от вас — вы видите, как я несчастна.				
	그딴	등은	너의	박명을	본밧지
	<i>ku-toy</i>	<i>tung-un</i>	<i>no-uy</i>	<i>pak-myeng-ul</i>	<i>pwon-pos-ci</i>
	kitɔj	tɨŋin	nɔjij	paŋmjəŋil	ponpɔci
	вы	и_остальные-TOP	я-GEN	несчастливая_доля-ACC	брать_за_образец-NEG
	Пусть же вам выпадет иная судьба —				
	성상을	피셔	만슈무강하라		
	<i>syeng-sang-ul</i>	<i>mwoy-sye</i>	<i>mang-syu-mwu-kang-ho-la</i>		
	səŋsaŋil	mojsə	mansumukanhla		
	наш_король-ACC	заботиться-CONV	жить_долго_и_счастливо-FIN(IMP)		
	живите долго и будьте счастливы подле нашего государя!				

Графическая запись словоформы — это запись словоформы буквами корейского алфавита. Слова, записанные корейским алфавитом, представляют собой не линейную последовательность букв, а после-

³ О Йельской транслитерации см. [Martin 1992: 8—12].

довательность **графических слогов**. Графический слог — это комбинация букв, расположенных в воображаемом квадрате. Принцип расположения букв внутри графического слога такой же, как в современном корейском языке. Однако распределение букв по графическим слогам внутри одного слова в некоторых случаях отличается от современного (подробнее см. ниже п. 3.3.).

Запись в строке 2 эквивалентна исходной графической записи, поскольку Йельская транслитерация обеспечивает однозначный переход от оригинальной графики к записи латиницей и обратно. Ниже под «графической записью» может пониматься как исходная запись в корейской графике, так и запись в транслитерации. Для обозначения границ графических слогов в транслитерации используется дефис. Запись в транслитерации ниже везде выделяется курсивом.

Фонологическая запись словоформы — это запись словоформы в виде цепочки фонем. Задача настоящей статьи — предъявить правила, позволяющие от графического представления произвольной словоформы переходить к ее фонологическому представлению («правила чтения») и наоборот («правила письма»). Эта задача решается в два этапа.

Сначала задается так называемое **базовое соответствие** α между буквами и фонемами, т. е. соответствие, заданное на атомарных единицах. Приведем здесь фрагмент этого соответствия (полностью оно приводится в п. 1.3.).

	ㄴ	ㄷ	ㄹ	ㄸ	ㅇ	ㅏ	ㅑ	ㅣ
gr	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>l</i>	<i>s</i>	<i>ng/∅</i>	<i>a</i>	<i>wo</i>	<i>i</i>
ph	n	t	l	s	ŋ/∅ ⁴	a	o	i

На втором этапе на основе базового соответствия строится **производное соответствие** A между производными единицами — цепочками букв и цепочками фонем. В идеальной графической системе такое соответствие композиционно:

$$A(abc) = \alpha(a)\alpha(b)\alpha(c).$$

Иначе говоря, переход от графической записи к фонологической осуществляется путем простой символической замены буквы на соответствующий символ для фонемы. Правила чтения и правила письма в этом случае тривиальны. Приведем примеры из представленного выше отрывка, демонстрирующие соблюдение принципа композиционности:

$$A(\text{다시}) = A(\text{ta-si}) = \alpha(t)\alpha(a)\alpha(s)\alpha(i) = \text{tasi};$$

$$A(\text{아니리오}) = A(\text{a-ni-li-wo}) = \alpha(a)\alpha(n)\alpha(i)\alpha(l)\alpha(i)\alpha(wo) = \text{anilio}.$$

Однако в корейской графической системе XVIII в. композиционность бывает нарушена (все такие случаи в вышеприведенном отрывке подчеркнуты), например:

$$A(\text{올나}) = A(\text{wol-na}) = \alpha(wo)\alpha(l)\alpha(n)\alpha(a) = \text{olla} (\neq \text{olna}).$$

В случае нарушения композиционности можно говорить о **нетривиальных правилах** чтения и письма. Изложение таких нетривиальных правил и составляет основное содержание данной статьи.

Замечание о морфонологическом представлении. При изложении правил чтения и письма иногда необходимо обращение к морфонологическому представлению словоформы. Под морфонологическим представлением понимается представление словоформы в виде цепочки формативов (для обозначения границ между формативами используется точка). Морфонологические представления ниже везде выделяются квадратными скобками []. Соображения, лежащие в основе построения морфонологических представлений для словоформ исследуемого памятника, в настоящей статье не эксплицируются. Достаточно лишь указать, что построенные морфонологические представления удачно обслуживают нужды морфологии, поэтому правила морфонологического синтеза формулируются достаточно просто.

1. Инвентари атомарных единиц. Базовое соответствие

1.1. Алфавит

Корейский буквенный алфавит (современное название — *хангыль*) был создан по приказу короля Сечжона в 1446 г. Состав букв с течением времени менялся. В памятниках XVIII в. используются следующие буквы корейского алфавита:

⁴ Буква ㅇ передает фонему /ŋ/ (и записывается в транслитерации как *ng*), если она завершает графический слог, иначе — не читается (и в транслитерации не пишется).

- 1) согласные — ㄱ, ㄴ, ㄷ, ㄹ, ㅁ, ㅂ, ㅅ, ㅇ, ㅈ, ㅊ, ㅋ, ㆁ, ㆁ, ㆁ;
- 2) простые гласные — ㅏ, ㅑ, ㅓ, ㅕ, ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ, ㅡ, ㅣ, ˙;
- 3) составные гласные (сочетания простых гласных с буквой ㅣ) — ㅝ, ㅞ, ㅟ, ㅠ, ㅡ, ㅢ, ㅣ, ㅤ, ㅥ, ㅦ, ㅧ, ㅨ, ㅩ.

1.2. Инвентари фонем

Задача установления фонологического инвентаря для мертвого языка нетривиальна и в общем случае имеет более одного решения, даже если речь идет о хорошо изученных языках. Для корейского языка XVII—XIX вв., представляющего переходное состояние от среднекорейского к современному корейскому языку, эта задача осложняется тем, что фонемный состав корейского языка менялся на протяжении трех веков, а датировки происходивших изменений весьма приблизительны, к тому же изменения могли происходить с разной скоростью по разным диалектам. Поэтому какой бы ни был установлен «усредненный» инвентарь фонем для языка XVIII в., это будет не более чем грамматическая фикция (являющаяся, тем не менее, необходимым инструментом описания). Именно так следует воспринимать предложенные ниже рабочие инвентари.

Наиболее дискуссионными вопросами, возникающими при установлении инвентаря для корейского языка XVIII в., можно назвать следующие.

1) Наличие в инвентаре согласных серии сильных согласных /p̄/, /t̄/, /k̄/, /c̄/: в среднекорейском их нет, в современном корейском они есть. В инвентаре, установленном в настоящей статье, сильные согласные представлены; о возможных свидетельствах в пользу этого решения см. пп. 2.2. и 2.3.

2) Наличие в инвентаре гласных нисходящих дифтонгов /əj/, /aj/, /uj/, /oj/: в среднекорейском они есть, в современном корейском их нет. Эти дифтонги в процессе монофтонгизации перешли в гласные переднего ряда (отсутствовавшие в среднекорейском): /əj/ > /e/, /aj/ > /ɛ/, /uj/ > /ü/, /oj/ > /ö/. Принято считать, что начало процесса монофтонгизации приходится на начало XIX в. [Lee, Ramsey 2011: 264]. В инвентаре, установленном в настоящей статье, нисходящие дифтонги /əj/, /aj/, /uj/ и /oj/ сохранены; решение условно.

3) Наличие в инвентаре гласных фонем /ʌ/ и /ʌj/: в среднекорейском они есть, в современном корейском их нет. В инвентаре, установленном в настоящей статье, гласные /ʌ/ и /ʌj/ сохранены; решение условно.

1.2.1. Инвентарь согласных фонем

		губные	зубные	среднеязычные	заднеязычные
взрывные / аффрикаты	слабые	p	t	c	k
	придыхательные	p ^h	t ^h	c ^h	k ^h
	сильные	p̄	t̄	c̄	k̄
фрикативные	слабые		s		h
	сильные		s̄		
аппроксиманты	носовые	m	n		ŋ
	неносовые	[w]	l	[j]	

Замечание о /w/ и /j/: сегменты /w/ и /j/ выступают как неслогообразующие компоненты дифтонгов и трифтонгов (ц и ъ) и обычно не выделяются в качестве самостоятельных согласных фонем. В работах [Lee, Ramsey 2011] и [Martin 1992] по отношению к этим сегментам используется термин «полугласные» (semivowels)⁵.

1.2.2. Инвентарь гласных фонем

1) Простые гласные

Всего простых гласных — семь.

подъем \ ряд	передний	средний	задний	
			простой	лабиализованный
верхний	i		i	u
средний		ə	ʌ	o
нижний		a		

⁵ Ср. [Lee, Ramsey 2011: 159].

2) Дифтонги

Дифтонги делятся на нисходящие *j*-образные (*Vj*), восходящие *j*-образные (*jV*) и восходящие *w*-образные (*wV*). Всего дифтонгов — 12.

	i	ə	a	ɨ	ʌ	u	o
Vj		ɨj	aj	ɨj	ʌj	uj	oj
jV		jə	ja			ju	jo
wV		wə	wa				

3) Трифтонги

Трифтонги представляют собой сочетания нисходящих *j*-образных дифтонгов (*Vj*) с начальными *j*, *w*.

		ɨj	aj	ɨj	ʌj	uj	oj
jVj		jɨj	jaj			juj	jøj
wVj		wɨj	waj				

1.3. Базовое соответствие «буквы ↔ фонемы»

Базовое соответствие задано приведенными ниже таблицами (Табл. 1, 2), где в строке 1 — буквы корейского алфавита, в строке 2 — соответствующие символы Йельской транслитерации, а в строке 3 — фонемы.

Таблица 1

Символы для согласных

1	ㄱ	ㄴ	ㄷ	ㄹ	ㅁ	ㅂ	ㅅ	ㅇ	ㅈ	ㅊ	ㅋ	ㅌ	ㅍ	ㅎ
2	k	n	t	l	m	p	s	ng/∅	c	ch	kh	th	ph	h
3	k	n	t	l	m	p	s	ŋ/∅ ⁶	c	c ^h	k ^h	t ^h	p ^h	h

Каждой согласной букве соответствует какая-нибудь фонема, однако обратное неверно: в корейском алфавите нет отдельных букв для сильных согласных фонем \bar{p} , \bar{t} , \bar{k} , \bar{c} , \bar{s} .

Таблица 2

Символы для гласных

1	ㅏ	ㅑ	ㅓ	ㅕ	ㅗ	ㅛ	ㅜ	ㅠ	ㅡ	ㅣ	ㅚ	ㅜ	ㅟ	ㅞ
2	a	au	ya	yau	e	eu	ye	yey	wo	wa	way	woy	yo	yoy
3	a	aj	ja	jaj	ə	ɨj	jə	jɨj	o	wa	waj	øj	jo	joj

1	ㅜ	ㅟ	ㅞ	ㅝ	ㅞ	ㅟ	ㅡ	ㅣ	ㅣ	ㅣ	ㅣ
2	wu	we	wey	wyu	yu	yuy	u	uy	i	o	oy
3	u	wə	wɨj	uj	ju	juj	i	ij	i	ʌ	ʌj

Гласные буквы вида *yV* и *yVj*, отвечающие *j*-образным дифтонгам и трифтонгам, ниже называются «йотированными» (это *ya*, *ye*, *yo*, *yu*, *yau*, *yey*, *yoy*, *yuy*).

2. Правила чтения

2.1. Правила чтения: тривиальные и нетривиальные

Правила чтения призваны обеспечивать переход от графической записи конкретной словоформы к ее фонологической записи. Эти правила строились с таким расчетом, чтобы всюду, где переход к фонологии может быть осуществлен тривиальным образом (т. е. за счет перевода графического символа в соответствующий фонологический по заданному базовому соответствию), принимался бы именно такой переход. Иными словами, из всех возможных правил перехода от графики к фонологии выбираются простейшие. Приведем примеры, иллюстрирующие такой тривиальный переход.

⁶ Буква ㅁ передает фонему /ŋ/ (и записывается в транслитерации как *ng*), если она завершает графический слог, иначе — не читается (и в транслитерации не пишется).

оригинальная графика	транслитерация		фонология	перевод
부모	<i>pwu-mwo</i>	⇒	pumo	‘родители’
침식	<i>chim-sik</i>	⇒	c ^h imsik	‘еда и сон’
가을	<i>ka-ul</i>	⇒	kail	‘осень’
동고리	<i>twong-kwo-li</i>	⇒	toŋkoli	‘плоская круглая корзинка’

Следующие правила не ограничиваются заменой по базовому соответствию, однако по существу примыкают к тривиальным.

1) Сочетания вида $C + C$ передают соответствующую сильную согласную: $p + p \rightarrow /p̄/$, $t + t \rightarrow /t̄/$, $k + k \rightarrow /k̄/$, $c + c \rightarrow /c̄/$, $s + s \rightarrow /s̄/$;

2) сочетания вида $C + h$ передают соответствующую придыхательную согласную: $p + h \rightarrow /p^h/$, $t + h \rightarrow /t^h/$, $k + h \rightarrow /k^h/$, $c + h \rightarrow /c^h/$.

оригинальная графика	транслитерация		фонология	перевод
잇스면	<i>is-su-myen</i>	⇒	išimjən	‘иметься’
약간	<i>yak-kan</i>	⇒	ja ^h kan	‘немного’
높은	<i>nwop-hun</i>	⇒	no ^h p ^h in	‘высокий’
극히	<i>kuk-hi</i>	⇒	ki ^h k ^h i	‘очень, чрезмерно’

Рассмотрим теперь все случаи, когда для памятника XVIII в. здесь устанавливаются нетривиальные правила чтения.

2.2. Сочетания вида $s + (p, t, k, c)$

Графические сочетания указанного вида широко представлены в исследуемом памятнике — как в начале, так и в середине слова (при этом буква s оказывается отделенной от следующей согласной границей графического слога). Нетривиальные правила чтения для сочетаний этого вида таковы: $sp \rightarrow /p̄/$, $st \rightarrow /t̄/$, $sk \rightarrow /k̄/$, $sc \rightarrow /c̄/$. Приведем некоторые примеры.

в начале слова

(58.1)⁷ *spwu-lye* (< *spwu-li* ‘сыпать’)

(98.3) *sku-kwo* (< *sku* ‘гасить’)

(20.9) *stwo* ‘также’

(34.8) *sta-lu-kwo* (< *sta-lu* ‘следовать’)

в середине слова

(65.2) *pas-pi* ‘быстро’

(62.3) *kos-ka-i* ‘близко’

(42.4) *soys-ki* ‘детеныш’

(75.9) *mwus-kwo* (< *mwut* ‘спрашивать’)

(70.4) *is-ta-kam* ‘то и дело’

(17.7) *es-ci* ‘как, каким образом’

В отношении среднекорейского языка между исследователями нет единого мнения о том, какое фонологическое представление следует приписывать графическим цепочкам $s + (p, t, k, c)$: это либо кластеры $/sp/$, $/st/$, $/sk/$, $/sc/$ [Martin 1992: 44]⁸, либо одиночные сильные согласные $/p̄/$, $/t̄/$, $/k̄/$, $/c̄/$ [Lee, Ramsey 2011: 132]⁹. Однако нет расхождений в том, что уже к середине XVII в. графические цепочки $s + (p, t, k, c)$ передают только соответствующие сильные согласные [Martin 1992: 44; Lee, Ramsey 2011: 257]. Свидетельством в пользу этого могут служить записи, показывающие смешение этимологических $*st$ и $*pt$, $*sk$ и $*pk$. Так, в «Королеве» находим записи с st - для $*pti-t$ ‘воля, намерение’, $*ptui-$ ‘прыгать’, $*ptəə-$ ‘падать, валиться’¹⁰.

2.3. Сочетание вида $p + s$

При посимвольной замене сочетание букв ps переводится в сочетание фонем $/ps/$.

В абсолютном начале слова и после согласной кластер $/ps/$ разрешен в среднекорейском, но запрещен в современном корейском языке. В XVIII в. графическое сочетание ps в начале слова и после со-

⁷ Адреса словоформ из «Королевы» приводятся в формате: (номер страницы. номер строки), — где номер страницы — это номер страницы исследуемой рукописи.

⁸ “I believe that “*sC...*” clusters were pronounced with a sibilant both when initial (as syllable onsets) and when medial (as interludes)” [Martin 1992: 44].

⁹ “There is no known evidence left in Korean today to show that *sC* clusters ever contained a sibilant. There is also very little historical evidence from before Late Middle Korean. For these reasons, the authenticity of the *s-* in some of the clusters is open to question” [Lee, Ramsey 2011: 132].

¹⁰ Формы со звездочкой (*) цитируются по [EDAL].

гласной, по-видимому, отвечало сильной согласной \bar{s} . В качестве обоснования в [Lee, Ramsey 2011: 254] приводятся примеры наблюдаемых в памятниках случаев смещений графических цепочек *ps* и *ss*; в «Королеве» также отмечен один случай подобного смещения для корня 'писать': (55.2) *psu-si-mye*, но (5.6) *ssu-ti*. Для *ps* в начале слова и после согласной установлено нетривиальное правило: *ps* → / \bar{s} /.

оригинальная графика	транслитерация	⇒	фонология	перевод
(35.6) 빵안으로	<i>psang-an-u-lwo</i>	⇒	\bar{s} aŋanilo	< <i>psang-an</i> 'оба глаза'
(75.4) 쏘와	<i>pswo-wa</i>	⇒	\bar{s} owa	< <i>pswo</i> 'стрелять'
(28.7) 찹찹하고	<i>psik-psik-ho-kwo</i>	⇒	\bar{s} ik \bar{s} ik ^h ako	< <i>psik-psik-ho</i> 'бодрый'
(82.8) 힘쓰고	<i>him-psu-kwo</i>	⇒	him \bar{s} iko	< <i>him-psu</i> 'стараться'

В середине слова между гласными кластер /*ps*/ разрешен как в среднекорейском, так и в современном корейском языке. Для *ps* в этой позиции установлено тривиальное правило: *ps* → /*ps*/.

оригинальная графика	транслитерация	⇒	фонология	перевод
(37.4) 업시	<i>ep-si</i>	⇒	əpsi	'без'
(31.7) 갑산	<i>kap-san</i>	⇒	kapsan	'Капсан'
(66.1) 밥상을	<i>pap-sang-ul</i>	⇒	papsaŋil	< <i>pap-sang</i> 'обеденный стол'
(79.4) 입스와	<i>ip-so-wa</i>	⇒	ipsɽwa	< <i>ip</i> 'испытать, перенести'

2.4. «Сочетания с носовыми»: сочетания вида (*p, k, s*) + (*m, n*)

Для сочетаний с носовыми установлены нетривиальные правила чтения: *pm* → /*mm*/, *pn* → /*mn*/, *km* → /*ŋm*/, *kn* → /*ŋn*/, *sm* → /*nm*/, *sn* → /*nn*/.

Известно, что в современном корейском языке из всех возможных сочетаний вида *C* + (*m, n*) в фонологии разрешены только сочетания *C*_{носовой} + (*m, n*) и *l* + *m*. Все остальные сочетания запрещены и устраняются при переходе от морфонологии к фонологии; в частности, работает «правило ассимиляции с носовыми»: *p/s/k* + (*m, n*) ⇒ *m/n/ŋ*.

Работало ли правило ассимиляции в корейском языке XVIII в.? Графических свидетельств, позволяющих ответить на этот вопрос положительно, очень мало, что, однако, не вызывает у авторов сомнений в том, что ассимиляция имела место. Приведем цитату из [Lee, Ramsey 2011: 124] для среднекорейского: «(...) *mitnun* 믿는 'believing' (which consists of the verb stem plus the processive modifier *-nun*), was not written as *minnun* 믿는, even though nasal assimilation is normally expected in such forms. In fact, the textual record contains many alternates such as *ketne-* 건너- and *kenne-* 건너- 'cross over', *totni-* 돌니- and *tonni-* 돌니- 'goes about', and so forth. These forms show that nasal assimilation existed in Late Middle Korean, but that it was not always transcribed». Ср. также [Martin 1992: 52].

В «Королеве» находим всего один подобный пример: (53.8) *tun-non* при обычном *tus-non* (для *tut* 'слушать').

2.5. Правила чтения для графически альтернативных записей

Если в памятнике наблюдается смещение записей *xu* ~ *pq* и при этом фонологическое сочетание /*xu*/ разрешено в современной фонологии, а /*pq*/ запрещено, то в условном порядке графические цепочки *xu* и *pq* признаются фонологически эквивалентными, а именно — передающими сочетание /*xu*/.

Назовем это соглашение «Соглашением о графически альтернативных записях» и приведем здесь все альтернативные графические записи, признанные фонологически эквивалентными по этому соглашению.

	графическая цепочка 1 (<i>xu</i>)	графическая цепочка 2 (<i>pq</i>)	чтение
1	<i>ci</i>	<i>ti</i>	<i>ci</i>
2	<i>chi</i>	<i>thi</i>	<i>c^hi</i>
3	<i>cyV</i>	<i>tyV</i>	<i>cV</i> (см. ниже п. 2.6.)
4	<i>chyV</i>	<i>thyV</i>	<i>c^hV</i> (см. ниже п. 2.6.)
5	<i>#i</i> ¹¹	<i>#ni</i>	<i>#i</i>
6	<i>#yV</i>	<i>#nyV, #lyV</i>	<i>#jV</i>
7	<i>sa, ca, cha</i>	<i>sya, cya, chya</i>	<i>sa, ca, c^ha</i>
8	<i>swo, cwo, chwo</i>	<i>syo, cyo, chy</i>	<i>so, co, c^ho</i>
9	<i>th</i>	<i>s-th</i>	<i>t^h</i>

¹¹ Символ # обозначает абсолютное начало слова.

	графическая цепочка 1 (ху)	графическая цепочка 2 (pq)	чтение
10	<i>ch</i>	<i>s-ch</i>	<i>с^h</i>
11	<i>p-h</i> ¹²	<i>p-ph</i>	<i>p^h</i>
12	<i>k-h</i>	<i>k-kh</i>	<i>k^h</i>
13	<i>t-h</i>	<i>s-h</i>	<i>t^h</i>

Ниже графические цепочки из столбца 2 (pq) называются **графически нестандартными**. Так, например, сочетание фонем /ci/ может передаваться на письме двумя способами — стандартным (как *ci*) и нестандартным (как *ti*).

Иллюстрации к строкам 1—6

ci	ti
(50.4) <i>ye-ci</i> (< <i>yel</i> ‘отпирать’), где <i>ci</i> — окончание именной формы предикатива (всего в стандартной записи — более 200 раз)	(4.4) <i>a-ti</i> < <i>al</i> ‘знать’ (всего 4 раза)
(s)chi	thi
(56.6) <i>han-kyel-kos-chi</i> ‘единодушно’	(26.9) <i>han-kyel-ka-thi</i>
cyV	tyV
(60.8) <i>cyen-ha</i> ‘Ваше Величество’ (2 раза)	(8.3) <i>tyen-ha</i> (3 раза), (24.1) <i>tyen-ho</i> (5 раз)
(73.8) <i>noy-cyen</i> ‘дворец королевы’ (2 раза)	(18.8) <i>noy-tyen</i> (2 раза)
(82.4) <i>hyeng-cyey</i> ‘братья’	(5.3) <i>hyeng-tyey</i>
(14.1) <i>cyu-ya</i> ‘днем и ночью’	(13.7) <i>tyu-ya</i>
(15.5) <i>kwung-cyung</i> 宮中 ‘во дворце’	(3.7) <i>ka-tyung</i> 家中 ‘домочадцы’
chyV	thyV
(32.3) <i>chyen-syu</i> ‘судьба, ниспосланная небом’	(90.7) <i>thyen-syu</i>
(43.2) <i>chyeng-so</i> ‘административное здание’	(99.3) <i>thyeng-so</i>
#i	#ni
(61.5) <i>i-le-na-kwo</i> (< <i>i-le-na</i> ‘подниматься’)	(3.5) <i>ni-le-na-kwo</i>
#yV	#nyV
(16.4) <i>yem-nye-ho-so</i> (< <i>yem-nye-ho</i> ‘беспокоиться’)	(73.2) <i>nyem-nye-ho-so</i>
(111.2) <i>yey-s-nal</i> ‘давний’ (< <i>yey</i> ‘старина’)	(18.6) <i>nyey-lwo-pu-the</i> ‘с давних пор’
(12.7) <i>yey-cyel</i> ‘этикет’	(56.5) <i>nyey-cyel</i>
(88.2) <i>yuk-nyen-kwo-chwo</i> ‘шесть лет трудностей и лишений’	(68.1) <i>nyuk-nyen-kwo-chwo</i>
#yV	#lyV
(27.7) <i>yong-an</i> ‘лик короля’	(84.1) <i>lyong-an</i>
(121.2) <i>yong-phwo</i> ‘королевская мантия’	(28.7) <i>lyong-phwo</i>

Здесь в правом столбце представлены нестандартные записи в старой орфографии, отражающей норму среднекорейского языка. Некоторые формативы китайского происхождения регулярно записываются в старой орфографии, например: *tyen* 殿 ‘дворец’, *thyen* 天 ‘небо’, *nyey* 禮 ‘этикет’, *nyuk* 六 ‘шесть’, *nye* 女 ‘женщина’, *lyong* 龍 ‘дракон’.

Иллюстрации к строкам 7—8

sa	sya
(62.5) <i>sang</i> ‘король’	(15.9) <i>syang</i>
(34.1) <i>sang-kwung</i> ‘придворная дама’	(55.3) <i>syang-kwung</i>
(26.8) <i>chyu-sang</i> ‘осенний иней’	(35.8) <i>chyu-syang</i>
swo	syo
(88.5) <i>swon</i> ‘рука’	(29.6) <i>syon</i>
(45.1) <i>swo-syel</i> ‘назойливые слухи’	(21.5) <i>syo-syel</i>
форматив swo в составе предикативных окончаний	
(111.5) <i>-swo-sye</i>	(103.4) <i>-syo-sye</i>
(104.5) <i>-lwo-swo-i-ta</i>	(59.8) <i>-two-syo-i-ta</i>

¹² Дефисом обозначена обязательная граница графического слога.

ca
(42.6) *cap-kwuy* 雜鬼 ‘все злые духи’

cwo
(72.9) *cwok-hon* (< *cwok-ho* ‘довольный’)

chwo
(94.7) *chwo-chil-il* ‘седьмой день’

О записях с йотированными после *s*, *c*, *ch* см. также ниже п. 2.6. (случай 3).

Иллюстрации к строкам 9—13

s-th
(45.2) *pus-the* ‘начиная с, после’
(61.7) *nos-tha-na-si-ni* (< *no-tha-na* ‘появляться’)
(100.4) *is-thun-nal* ‘следующий день’

s-ch
(19.9) *mis-chin* (< *mi-chi* ‘достигать’)
(114.4) *nwuy-wus-chi-kwo* (< *nwuy-wu-chi* ‘раскаиваться’)

p-ph
(63.7) *nwor-phun* (< *nworph* ‘высокий’)

k-kh
(37.7) *mak-khi-ye* (< *mak-hi* ‘быть прегражденным’)

s-h
(37.8) *pwon-kyes-hu-lwo*
(< *pwon-kyeth* ‘дом родителей королевы’)

cyu
(41.8) *he-ta-cyap-mul-i* 許多雜物
‘всяческие твари’

cyo
(113.7) *cyok-ho-kwo* (< *cwok-ho* ‘довольный’)

chyu
(15.4) *chyu-wo-il* ‘пятый день’

th
(18.6) *pu-the*
(129.3) *no-tha-na-si-te-la*
(55.5) *i-thun-nal*

ch
(13.8) *mi-chin*
(51.3) *nwuy-wu-chi-si-kwo*

p-h
(60.4) *nwor-hun*

k-h
(88.9) *mak-hi-kwo*

t-h
(34.3) *pwon-kyet-hu-lwo*

Записи вида *s-th*, *s-ch*, *p-ph* и *k-kh* могут интерпретироваться как отражение особого «замедленного» произношения со смычкой перед придыхательным [Martin 1992: 52—53].

2.6. Прочие случаи

Если графическая цепочка *ху* используется для передачи морфонологических сочетаний $x(.)y^{13}$ и $p(.)q$ и при этом фонологическое сочетание /ху/ запрещено в современной фонологии, а /pq/ разрешено, то в условном порядке для графической цепочки *ху* устанавливается чтение /pq/. Назовем это соглашение «Соглашением о нейтрализации», оно работает в следующих случаях.

Случай 1. Сочетания вида $l + n$, $n + l$

Здесь соотношение морфонологии, фонологии и графики выглядит следующим образом.

mph	gr	ph
l(.)l	<i>ln</i>	ll
l(.)n		
n(.)l	<i>nl // ln</i> (редко)	

Для графической цепочки *ln* устанавливается чтение //л/ по «Соглашению о нейтрализации»: /ln/ запрещено в современной фонологии, //л/ — разрешено.

Для графической цепочки *nl* также устанавливается чтение //л/ на основании следующего рассуждения: в памятнике отмечено смешение записей *nl* и *ln*, при этом *ln* читается как //л/, следовательно, *nl* тоже читается как //л/.

Иллюстрации:

1) записи с *ln* для морфонологических l.l и l.n

морфонологическое l.l	
gr	mph
(97.4) 알니오 <i>al-ni-wo</i>	a _l li.o (< <i>al</i> ‘знать’)
(102.2) 살노 <i>sal-nwo</i>	sa _l lo (< <i>sal</i> ‘стрела’)

морфонологическое l.n	
gr	mph
(38.6) 췌내 <i>kwel-noy</i>	kwə _l na _j ‘дворцовый’

¹³ Запись $x(.)y$ означает, что *x* и *y* могут находиться как на границе формативов, так и внутри одного форматива.

2) записи с *nl* и *ln* для морфонологического n.l: (45.1) *san-lan-ho-ye* для [san.lan-] 散亂 ‘быть в смятении’, но (26.9) *sal-nak-ho-twoy* для [san.lak] 散落 ‘распадаться’.

О записи *ln* для /л/ см. также [Lee, Ramsey 2011: 255].

Случай 2. Буква *s* в абсолютном конце словоформы

Здесь соотношение морфонологии, фонологии и графики выглядит следующим образом.

mph	gr	ph
t	s	t
s		
t ^h		
c		
c ^h		

В языке XVIII в., как и в современном корейском языке, в абсолютном конце словоформы нейтрализуется оппозиция согласных $t \sim t^h \sim c \sim c^h \sim s$ (при переходе от морфонологического представления словоформы к фонологическому). Какая согласная при этом выступает в позиции нейтрализации? Вопреки решению, которое подсказывает графика, здесь выбор сделан в пользу *t* на основании фонологии современного языка по «Соглашению о нейтрализации». Таким образом, для *s* в конце слова устанавливается нетривиальное правило чтения: $s \rightarrow /t/$.

оригинальная графика	транслитерация		фонология	морфонология	перевод
(76.1) 곳	<i>kwos</i>	⇒	kot	kot	‘тут же’
(41.8) 곳	<i>kwos</i>	⇒	kot	kos	‘место’
(92.6) 몇	<i>myes</i>	⇒	mjət	mjəc ^h	‘несколько’
(38.6) 본것	<i>pwon-kyes</i>	⇒	ponkjət	pon.kjət ^h	‘дом родителей королевы’

Случай 3. Сочетания *syə*, *cyə*, *chyə*

Графические цепочки *syə*, *cyə* и *chyə* используются для передачи морфонологических $sə$, $cə$, $c^hə$, с одной стороны, и $sjə$ ($< si + ə$), $cjə$ ($< ci + ə$), $c^hjə$ ($< c^hi + ə$), с другой. Ср., например, формы с окончанием дееспричастия $ə$.

графика	морфонология	графика	морфонология
(6.1) <i>ep-syə</i>	əps.ə ($< eps$ ‘не иметь(ся)’) (56.3) <i>mwo-syə</i>	mo.si.ə ($< mwo-si$ ‘встречать’)	
(109.6) <i>skwu-ci-cyə</i>	kucic.ə ($< skwu-cic$ ‘бранить’) (53.4) <i>ka-cyə</i>	ka.ci.ə ($< ka-ci$ ‘иметь’)	
		(59.7) <i>kwo-chyə</i>	ko.c ^h i.ə ($< kwo-chi$ ‘исправлять’)

По «Соглашению о нейтрализации», для *syə*, *cyə* и *chyə* устанавливается чтение /sə/, /cə/, /c^hə/ (эти сочетания разрешены в современной фонологии).

Тот факт, что морфонологические $sə$ и $cjə$ в графике передаются одинаково (как *syə*), а также приведенные выше примеры смешения записей *cyo* ~ *cwo* и *cyu* ~ *cu* указывают на отсутствие вообще фонологической оппозиции $cV \sim cjV$ (то же — для $sV \sim sjV$, $c^hV \sim c^hjV$). По принятым соглашениям, в фонологии сочетания согласных /c/, /c^h/, /s/ с гласными /ə/, /a/, /o/, /u/ признаются разрешенными, а с соответствующими *j*-образными дифтонгами — запрещенными (как и в современном языке). При этом в графике сочетания (/c/, /c^h/, /s/) + (/ə/, /a/, /o/, /u/) передаются непоследовательно: для фонем /a/, /o/ в таких сочетаниях обычно используются простые буквы *a* и *wo*, а для фонем /ə/, /u/ — йотированные буквы *ye* и *yu*.

gr \ ph	ə	a	o	u
V		a	wo	
yV	ye			yu

То же самое касается и дифтонгов: $əj$, uj передаются на письме йотированными буквами *yeu* и *yu*.

В текстах памятников возможны отступления от указанного графического стандарта. Численное соотношение стандартных и нестандартных записей для *c*, *ch* и *s* в «Королеве» показывает Табл. 3 (полужирным выделены отступления от стандарта).

Таблица 3

	<i>a</i>	<i>ya</i>	<i>wo</i>	<i>yo</i>	<i>wi</i>	<i>yi</i>	<i>e</i>	<i>ye</i>	<i>wyu</i>	<i>yuy</i>	<i>eu</i>	<i>yey</i>
<i>c</i>	≈150	[1]	≈190	< 10	нет	≈290	нет	≈300	нет	< 10	нет	≈70
<i>ch</i>	≈100	нет	≈70	< 10	нет	≈100	нет	≈140	нет	≈20	нет	≈20
<i>s</i>	≈360	≈50	≈30	≈120	нет	≈150	нет	≈240	нет	< 10	нет	≈110

Как видно из Табл. 3, нестандартные записи вообще встречаются очень редко, однако записей с *ya* довольно много, а число нестандартных записей с *yo* в «Королеве» значительно превышает число стандартных. В других памятниках соотношение может быть иным.

О нейтрализации оппозиции (*ca*, *co*, *cu*, *cə*) ~ (*cja*, *cjo*, *cju*, *cjə*) с точки зрения диахронии см. [Martin 1992: 46—48; Lee, Ramsey 2011: 260].

2.7. Правила чтения: сводный перечень

Правила применяются к графическим записям словоформ (записанным в транслитерации) в указанном ниже порядке.

- 1) Устранить границы графических слогов¹⁴.
- 2) Произвести замены по следующим нетривиальным правилам.

1		2		3		4	
gr	ph	gr	ph	gr	ph	gr	ph
<i>s</i> (<i>th</i> , <i>ch</i>)	∅	(<i>s</i> , <i>c</i> , <i>c^h</i>) <i>yV</i>	V	<i>pp</i>	\bar{p}	<i>s</i> (#)	t
<i>p</i> (<i>ph</i>)	∅	(<i>s</i> , <i>c</i> , <i>c^h</i>) <i>yVy</i>	Vj	<i>kk</i>	\bar{k}	<i>k</i> (<i>m</i> , <i>n</i>)	ŋ
<i>k</i> (<i>kh</i>)	∅	<i>ph</i>	p^h	<i>tt</i>	\bar{t}	<i>p</i> (<i>m</i> , <i>n</i>)	m
(#) <i>C</i> <i>ps</i>	\bar{s}	<i>th</i>	t^h	<i>cc</i>	\bar{c}	<i>s</i> (<i>m</i> , <i>n</i>)	n
<i>th</i> (<i>i</i> , <i>yV</i>)	c^h	<i>kh</i>	k^h	<i>ss</i>	\bar{s}	(<i>l</i>) <i>n</i>	l
<i>t</i> (<i>i</i> , <i>yV</i>)	c	<i>ch</i>	c^h	<i>sp</i>	\bar{p}	<i>n</i> (<i>l</i>)	l
(#) <i>n</i> (<i>i</i> , <i>yV</i>)	∅	<i>sh</i>	t^h	<i>st</i>	\bar{t}		
(#) <i>l</i> (<i>i</i> , <i>yV</i>)	∅			<i>sk</i>	\bar{k}		
				<i>sc</i>	\bar{c}		

В столбце «gr» представлены графические цепочки, подвергающиеся замене, в столбце «ph» — результаты замены. В скобках указан контекст; символ # обозначает начало или конец словоформы, *C* — любую согласную букву, *yV* и *yVy* — йотированные гласные буквы.

Порядок применения правил таков: правила в колонке 1 должны применяться до правил колонки 3; правила *th* (*i*, *yV*) ⇒ c^h и *t* (*i*, *yV*) ⇒ c — до правил (*s*, *c*, *c^h*) *yV* ⇒ V и (*s*, *c*, *c^h*) *yVy* ⇒ Vj. В остальном порядок применения свободный.

- 3) Произвести замену «буквы ⇒ фонемы» по базовому соответствию.

Построенные правила чтения **сегментно-разрешимые**, т. е. они не обращаются ни к какой информации, кроме внешнего вида обрабатываемой цепочки. При этом требуется информация лишь о символе, непосредственно предшествующем или / и непосредственно следующим за тем, который подвергается обработке.

3. Правила письма

Правила письма должны обеспечивать переход от фонологической записи к графической и включают в себя: а) правила перехода от цепочек фонем к цепочкам букв, б) правила распределения букв по графическим слогам.

Правила письма излагаются в следующем порядке:

- 1) собственно графические (сегментно-разрешимые);
- 2) орфографические (правила, не являющиеся сегментно-разрешимыми); орфографические правила могут требовать обращения к самой разнообразной информации (морфонологическому представлению словоформы, ее грамматической характеристике, этимологии и т. д.);
- 3) правила расстановки графических слогов.

¹⁴ При этом в транслитерации окажется невозможным отличить сочетание букв *p-h* от буквы *ph*, однако для перехода к фонологическим представлениям в этом нет необходимости; то же для *k-h* и *kh*.

Перечисленные ниже правила формируют **графический стандарт** исследуемого памятника. Наряду со стандартными встречаются и нестандартные записи.

ph	gr, стандартная	gr, нестандартная
ci	ci	ti
c ^h i	chi	thi
cV	cyV	tyV
c ^h V	chyV	thyV
#i	#i	#ni
#jV	#yV	#nyV, #lyV
sa, ca, c ^h a	sa, ca, cha	sya, cya, chya
so, co, c ^h o	swo, cwo, chwo	syo, cyo, chyо

Иллюстрации см. выше (п. 2.5). Нестандартные записи для передачи сильных и придыхательных согласных, а также сочетаний с носовыми и /l/ отмечены ниже в соответствующих пунктах.

3.1. Собственно графические правила

К собственно графическим правилам относятся, помимо тривиальных правил замены по базовому соответствию, следующие:

- 1) фонема /t/ в абсолютном конце словоформы передается буквой *s*, в остальных случаях — буквой *t*;
- 2) правила передачи гласных фонем /ə/, /əj/, /u/, /uj/ представлены ниже.

фонема	буква	
	после с, с ^h , c̄, s, s̄	иначе
/ə/	ye	e
/əj/	yeу	ey
/u/	yu	wu
/uj/	yuу	wyu

Иллюстрации см. выше (пп. 2.5, 2.6).

3.2. Орфографические правила

Орфографические правила включают в себя правила передачи на письме придыхательных и сильных согласных, сочетаний с носовыми и /l/. Эти правила требуют обращения к морфонологическому представлению словоформы; порядок применения свободный.

1) Правила передачи придыхательных согласных

В Табл. 4 в столбце «ph» (фонология) представлены придыхательные согласные фонемы /p^h/, /t^h/, /c^h/, /k^h/, в столбце «gr» (графика) — возможные способы записи данных фонем. В столбце «trh» (морфонология) записаны условия, определяющие выбор того или иного графического облика для данных фонем. Также отмечаются способы записи, отличные от стандартных. Напомним, что в транслитерации записи *ph*, *kh*, *th*, *ch* передают каждая одну согласную букву корейского алфавита (ㅍ, ㅌ, ㅊ и ㅅ соответственно). Напротив, записи *p-h* и *k-h* передают сочетания двух согласных букв (ㅍ + ㅎ, ㅌ + ㅎ), которые в окончательной графической записи словоформы будут принадлежать разным графическим слогам, что и показано с помощью дефиса.

Таблица 4

ph	mph	gr, стандартная	число стандартных записей	gr, нестандартная
p ^h	p.h, p ^h .V	p-h	> 90	p-ph (1 раз)
	иначе	ph	> 180	p-ph (1 раз)
k ^h	k.h, k ^h .V	k-h	> 200	k-kh (2 раза)
	иначе	kh	≈ 30	k-h (2 раза)
t ^h	s.h	s-h	≈ 20	нет
	t.h, t ^h .V	s-th	≈ 30	th (13 раз), s-h (5 раз), t-h (1 раз)
	иначе	th	> 200	s-th (8 раз)
c ^h		ch // s-ch	для записей /c ^h / приходится признать свободное варьирование ch // s-ch (см. примеры ниже)	

Из Табл. 4 видно, что при отсутствии «особых показаний» (морфонологических швов специального вида) придыхательные согласные передаются в графике с помощью специально предназначенных для этого букв корейского алфавита.

$/p^h/ \rightarrow ph$	$/p^h/ \rightarrow p-h$
(29.3) <i>phi</i> ‘кровь’	(103.6) <i>ip-hye</i> [ip.hi.э] (< <i>ip-hi</i> ‘одевать’ — каузатив для <i>ip</i> ‘надевать’)
(120.4) <i>wu-phyen-ul</i> (< <i>wu-phyen</i> ‘правая сторона’)	(16.4) <i>kip-hi</i> [kip ^h .i] ‘глубоко’ (< <i>kip</i> ‘глубокий’)
(61.5) <i>sul-phun</i> [silh.p.i.n] ¹⁵ (< <i>sul-phu</i> ‘грустный’)	(5.1) <i>nwop-hun</i> [nop ^h .in] (< <i>nwop</i> ‘высокий’)
	(35.5) <i>ap-hoy</i> [ap ^h .aj] (< <i>aph</i> ‘впереди’)

Нестандартная запись *p-ph* представлена только в следующих случаях: (63.7) *nwop-phun* (< *nwop* ‘высокий’); (118.5) *ap-phu-two-ta* (< *a-phu* ‘болеть’).

$/k^h/ \rightarrow kh$	$/k^h/ \rightarrow k-h$
(41.9) <i>khun</i> (< <i>khu</i> ‘большой’)	(114.9) <i>chak-hon</i> [c ^h ak.ha.n] (< <i>chak-ho</i> ‘добрый’)
(68.2) <i>il-khes-kwo</i> (< <i>il-khet</i> ‘называть’)	(88.9) <i>mak-hi-kwo</i> [mak.hi.ko] (< <i>mak-hi</i> ‘быть прегражденным’ — пассив для <i>mak</i> ‘преграждать’)
(109.6) <i>nwo-khwo</i> [noh.ko] (< <i>nwoh</i> ‘класть’)	

Нестандартная запись *k-kh* представлена только в следующих случаях: (37.7) *mak-khi-ye* (< *mak-hi* ‘быть прегражденным’); (76.2) *ku-ak-khi* ‘люто’. Запись *k-h* вместо ожидаемого *kh*: *swok-ha* /cok^ha/ [cok^ha] ‘племянник’ (2 раза).

$/t^h/ \rightarrow th$	$/t^h/ \rightarrow sth$
(80.5) <i>tha-mye</i> (< <i>tha</i> ‘сидеться’)	(100.4) <i>is-thun-nal</i> [it.hit.nal] ‘следующий день’
(97.5) <i>ta-thwo-kwo</i> (< <i>ta-thwo</i> ‘спорить’)	(115.6) <i>kos-thun</i> [kɔt ^h .in] (< <i>koth</i> ‘похожий’)
(52.6) <i>ha-no-thwo</i> [hanh.to] (< <i>ha-noh</i> ‘один’)	(51.6) <i>mas-tha</i> [mat ^h .a] (< <i>math</i> ‘брать ответственность’)
	$/t^h/ \rightarrow sh$
	(43.5) <i>thas-ho-kwo</i> [t ^h as.ha.ko] (< <i>thas</i> ‘вина’)

Нестандартных записей для $/t^h/$ довольно много. Во-первых, вместо ожидаемого *th* пишется *s-th* в (22.5) *tas-thwo-non* (< *ta-thwo* ‘спорить’) и во всех формах, образованных от прилагательных *i-leh* и *cyeleh* ‘такой’: (45.9) *i-les-thus* [i.ləh.tis], (99.1) *cyele-thus* [cə.ləh.tis] и т. д. (всего семь форм). Во-вторых, вместо *s-th* возможны записи *th*, *t-h* и *s-h* (см. ниже).

gr, стандартная	gr, нестандартная
<i>s-th</i>	<i>th</i>
(45.2) <i>pus-the</i> [pit ^h .э] ‘начинающая с, после’	(18.6) <i>pu-the</i>
(61.7) <i>nos-tha-na-si-ni</i> [nɔt ^h .a.na.si.ni] (< <i>no-tha-na</i> ‘появляться’)	(129.3) <i>no-tha-na-si-te-la</i>
(100.4) <i>is-thun-nal</i> [it.hit.nal] ‘следующий день’	(55.5) <i>i-thun-nal</i>

Запись *th* вместо *sth* — только в приведенных трех лексемах. Вероятно, это можно объяснить тем, что все три образования являются застывшими, наличие морфонологического шва уже не осознается носителями языка.

<i>s-th</i>	<i>s-h</i>
(35.8) <i>kas-thu-si-ni</i> (< <i>kath</i> ‘похожий’)	(5.2) <i>kas-hu-si-kwo</i>
* <i>pwon-kyes-thu-lwo</i> (< <i>pwon-kyeth</i> ‘дом родителей королевы’) — стандартная запись не зарегистрирована	(37.8) <i>pwon-kyes-hu-lwo</i>
<i>s-th</i>	<i>t-h</i>
* <i>pwon-kyes-thu-lwo</i> (< <i>pwon-kyeth</i> ‘дом родителей королевы’) — стандартная запись не зарегистрирована	(34.3) <i>pwon-kyet-hu-lwo</i>

¹⁵ При переходе от морфонологического представления к фонологическому действует следующее правило: $h + p/t/k/c \Rightarrow p^h/t^h/k^h/c^h$. Поэтому для [silh.p.i.n] имеем фонологическое представление /silhp^hin/, в графике — *sul-phun*. Ср. также ниже: [noh.ko] \Rightarrow /nok^ho/ *nwo-khwo* ‘класть’; [hanh.to] \Rightarrow /hanh^ho/ *ha-no-thwo* ‘один’.

Для записи фонемы /с^h/ как свободные варианты используются *ch* и *s-ch*.

mph	/с ^h / → <i>ch</i>		/с ^h / → <i>s-ch</i>	
/с ^h / внутри форматива	(13.8) <i>mi-chin</i> (< <i>mi-chi</i> ‘достигать’)	(19.9) <i>mis-chin</i>		
с ^h .V	(51.3) <i>nwu-y-wu-chi-si-kwo</i> [nujuc ^h .i.si.ko] (< <i>nwu-y-wu-chi</i> ‘раскаиваться’)	(114.4) <i>nwu-y-wus-chi-kwo</i>		
с.h	(61.6) <i>toy-chi-si-ni</i> [mɔjɕ.hi.si.ni] (пассив для <i>toyɕ</i> ‘завязывать’)	нет примеров		
h.c	(58.2) <i>cwo-chi</i> [coh.ci] (< <i>cwoh</i> ‘хороший’)	(33.7) <i>nwos-chi</i> [noh.ci] (< <i>nwoh</i> ‘положить’)		

Отметим некоторые особенности распределения *ch* // *s-ch* в «Королеве»:

- 1) *s-ch* никогда не используется для записи формативов китайского происхождения;
- 2) в именных лексемах шов вида с^h.V всегда записывается как *s-ch*, ср. (86.3) *nos-chul* [nɔs^h.iɭ] (< *nɔch* ‘лицо’), (53.5) *pis-chi* [piɕ^h.i] (< *piɕh* ‘свет’).

2) Правила передачи сильных согласных

Способы передачи сильных согласных в графике исследуемого памятника показывает Табл. 5.

Таблица 5

ph	mph	gr, стандартная	число стандартных записей	gr, нестандартная
p̄	р.р	<i>pp</i>	3	нет
	иначе	<i>sp</i>	≈ 20	нет
k̄	к.к, k̄.к, k̄.V	<i>kk</i>	> 30	нет
	иначе	<i>sk</i>	> 100	<i>kk</i> (1 раз)
t̄		<i>st</i>	> 100	нет
č		<i>sc</i>	> 80	нет
s̄	С.ṣ, #ṣ	<i>ps</i>	≈ 30	<i>ss</i> (1 раз)
	иначе	<i>ss</i>	> 50	нет

Из Табл. 5 видно, что при отсутствии «особых показаний» (морфонологических швов специального вида) сильные согласные (кроме /ṣ/) передаются добавлением буквы *s* перед соответствующей буквой для простой согласной: *sp*, *sk*, *st*, *sc*. Сильная /ṣ/ записывается как *ps* в начале слова и после согласной, как *ss* — в остальных случаях.

/p̄/ → *sp*

- (58.1) *spwu-lye* (< *spwu-li* ‘сыпать’)
 (65.2) *pas-pi* ‘быстро’

/k̄/ → *sk*

- (98.3) *sku-kwo* (< *sku* ‘гасить’)
 (62.3) *kos-ka-i* ‘близко’
 (42.4) *soy-s-ki* ‘детеныш’
 (75.9) *mwus-kwo* (< *mwut* ‘спрашивать’)

/t̄/ → *st*

- (20.9) *stwo* ‘также’
 (34.8) *sta-lu-kwo* (< *sta-lu* ‘следовать’)
 (70.4) *is-ta-kam* ‘то и дело’
 (61.9) *kas-te-la* (< *kath* ‘похожий’)

/ṣ/ → *ps*

- (35.6) *psang-an-u-lwo* (< *psang-an* ‘оба глаза’)
 (82.8) *him-psu-kwo* (< *him-psu* ‘стараться’)

/p̄/ → *pp*

- (67.1) *pep-pwok-ul* [pɛp.pɔk.iɭ] ‘парадное одеяние’

/k̄/ → *kk*

- (27.4) *mek-kwo* [mɛk.kɔ] (< *mek* ‘есть’)
 (88.2) *kyek-kwo* [kjɛk.kɔ] (< *kyekk* ‘терпеть’)
 (79.9) *tak-ka* [tak.a] (< *takk* ‘чистить’)

/č/ → *sc*

- (17.7) *es-ci* ‘как, каким образом’
 (95.3) *is-ci* (< *ic* ‘забывать’)

/ṣ/ → *ss*

- (66.2) *is-su-ni* [iɕ.ini] (< *iss* ‘иметься’)
 (53.4) *cis-sop-non-toy* [ciɕ.sɔp.nɔn.tɔj] (< *cis* ‘делать’)

Нестандартных записей для сильных согласных отмечено всего две: (5.6) *ssu-ti* ‘писать’ (ср. (55.2) *psu-si-mye*) и (3.4) *kkwu-si-kwo* ‘видеть сон’ (вместо ожидаемого **skwu-si-kwo*).

Случай 2. Сочетания вида *CV*¹⁷

Если гласная и согласная принадлежат одному формативу, то между ними граница слога проходить не может; это верно и для орфографии XVIII в., и для современной орфографии. Но в ситуации *C.V* (т. е. на границе *C*-конечного форматива с *V*-начальным) система слога деления XVIII в. существенно отличается как от современной, так и от среднекорейской.

Современная корейская орфография предписывает проводить границу графических слогов по границе формативов (т. е. *C.V* всегда записывается как *C-V*), в среднекорейском, напротив, конечная согласная форматива всегда переносится в следующий слог: *-CV* (примеры см. [Lee, Ramsey 2011: 124]). В системе слога деления XVIII в. граница слога совпадает или не совпадает с морфонологической границей в зависимости от конечной согласной форматива: границы совпадают, если форматив оканчивается на *p*, *k*, *m*, *n*, *l*, *ng*, и не совпадают во всех прочих случаях¹⁸. Однако есть ряд важных исключений из этого правила:

- 1) в сочетаниях вида *m.V*, где /*m*/ — окончание именной формы предикатива, граница ставится перед /*m*/;
- 2) в сочетаниях вида *l.V*, где /*l*/ — последний сегмент предикативного корня, граница ставится перед /*l*/;¹⁹
- 3) в сочетаниях вида *l.V* и *n.V*, где /*l*/ и /*n*/ — последние сегменты окончаний причастий, граница ставится перед /*l*/ или /*n*/ соответственно (такие сочетания возможны только на стыке «причастие + служебное имя *i* ‘человек’»).

Таким образом, при расстановке границ графических слогов учитывается не только сегментная информация, но и сведения о грамматическом классе лексемы (предикатив / имя) и грамматической функции того или иного форматива.

	именные формы	предикативные формы
/p/	(49.8) <i>cip-i</i> [cip.i] (< <i>cip</i> ‘дом’)	(37.8) <i>cap-a</i> [cap.a] (< <i>cap</i> ‘хватать’)
/k/	(82.4) <i>yak-ul</i> [jak.il] (< <i>yak</i> ‘лекарство’)	(37.4) <i>mak-a</i> [mak.a] (< <i>mak</i> ‘преграждать’)
/m/	(74.7) <i>mo-um-u-lwo</i> [mlɨm.ɨlo] (< <i>mo-um</i> ‘душа’)	(6.9) <i>nem-u-si-mye</i> [nɛm.isi.mjə] (< <i>nem</i> ‘переходить’)
	Но (см. исключения, п. 1): именные формы предикатива (53.9) <i>twu-mi</i> [tu.m.i] < <i>twu</i> ‘оставлять’; (36.8) <i>sul-phu-mul</i> [silphi.m.il] < <i>sul-phu</i> ‘грустный’; (115.3) <i>ho-mi-la</i> [hɨl.m+i.la] < <i>ho</i> ‘делать’ + <i>i</i> ‘быть’.	
/n/	(109.9) <i>nwun-ul</i> [nun.il] (< <i>nwun</i> ‘глаза’)	нет примеров
	Но (см. исключения, п. 3): в сочетании «причастие + служебное имя <i>i</i> » — (71.9) <i>ho-no-ni</i> [hɨl.nɨn+i] < <i>ho</i> ‘делать’ + <i>i</i> ‘человек’.	
/l/	(33.2) <i>mal-ul</i> [mal.il] (< <i>mal</i> ‘слово’)	см. исключения
	(90.6) <i>tal-i</i> [tal.i] (< <i>tal</i> ‘луна’)	
	Исключения П. 2: предикативные корни — (9.6) <i>tu-le</i> [tɨl.ə] < <i>tul</i> ‘входить’; (36.7) <i>i-le-no-mye</i> [il.ə.nɨl.mjə] < <i>i-le-no</i> ‘подниматься’. П. 3: в сочетании «причастие + служебное имя <i>i</i> » — (73.4) <i>a-ni-li</i> [ani.l+i] < <i>ani</i> ‘не делать’ + <i>i</i> ‘человек’.	
/s/	(34.8) <i>ke-sul</i> [kəs.il] (< <i>kes</i> ‘вещь’)	(35.5) <i>wu-su-so</i> [us.isɨ] (< <i>wus</i> ‘смеяться’)
	(84.7) <i>mwu-e-si</i> [muəs.i] (< <i>mwu-es</i> ‘что’)	(83.2) <i>swo-so-no-sin</i> [sos.ɨ.nɨl.si.n] (< <i>swos</i> ‘бить ключом’)
/t/	нет примеров	(74.5) <i>e-te</i> [ət.ə] (< <i>et</i> ‘найти’)
/c/	(83.4) <i>na-ci-myen</i> [nac+i.mjən] (< <i>nac</i> ‘день’ + <i>i</i> ‘быть’)	(121.6) <i>cho-ca</i> [cʰɨc.a] (< <i>choc</i> ‘искать’)
/h/	(36.3) <i>wu-hul</i> [uh.il] (< <i>wuh</i> ‘верх’)	(103.7) <i>ne-he</i> [nɛh.ə] (< <i>neh</i> ‘положить’)

Правило расстановки границ графических слогов нарушается лишь в незначительном числе случаев. Приведем здесь некоторые примеры нарушений: (103.3) *yo-ki-non* — вместо ожидаемого по правилам *swok-i-non* [sok.i.nɨn] (< *swok-i* ‘обманывать’); (29.3) *ke-mun* — вместо ожидаемого *ket-un* [kɛt.ɨn] (< *ket* ‘черный’); (72.7) *kwos-i* — вместо ожидаемого *kwo-si* [kos.i] (< *kwos* ‘место’).

¹⁷ Сочетания вида *CV*, где *C* — одиночная согласная буква. Сочетания *CCV* представляют «Случай 1» и были рассмотрены выше.

¹⁸ Отметим, что при такой системе слога деления границы слогов в китайских производных основах всегда совпадают с границами формативов, поскольку формативы китайского происхождения могут оканчиваться только на *p*, *k*, *m*, *n*, *l*, *ng*.

¹⁹ Это исключение не распространяется на морфонологические ситуации вида *lw.V*, где /*w*/ препятствует переносу /*l*/ в следующий слог: (9.5) *sal-wo-toy* /salotɨj/ [salw.o.tɨj] (< *salp* ‘говорить’); (35.4) *syel-we* /sɨlwə/ [sɨlw.ə] (< *syelp* ‘грустный’). См. также ниже орфографические исключения типа *kol-wo-toy*.

Однако есть лексемы, которые регулярно пишутся с нарушением приведенного выше правила, т. е. представляют индивидуальные орфографические исключения:

1) наречие [nəm.u] ‘слишком’, образованное от предикативного корня *net* ‘превышать’, всегда записывается как *ne-tmwu*, а не как *net-wu*; этот факт можно объяснить тем, что *ne-tmwu* — застывшее образование, наличие морфонологической границы уже не ощущается носителями языка;

2) глагольные основы *il-wu* [il.u] ‘осуществить’, *al-woy* [al.o.i] ‘сообщить вышестоящему’, *wol-i* [ol.i] ‘поднять; преподнести’ и застывшие глагольные формы *kol-wo-toy* [kal.o.taj] ‘говорить’ и *kol-o-so-toy* [kal.lsa.taj] ‘говорить (вежл.)’ пишутся без переноса согласной *l* в следующий слог. Эти написания отражают этимологию: в более ранних формах между *l* и следующей гласной находилась согласная *G*, препятствовавшая переносу *l* в следующий слог (суффиксы *Gwu*, *Gwo*, *Gi*; корень *kolG*)²⁰.

Сокращения

вежл. — вежливое	INSTR — инструменталис (инструментальный падеж)
СГ — служебный глагол	LOC — локатив (местный падеж)
ACC — аккузатив (винительный падеж)	mph — морфонологическое представление словоформы
С — любой согласный	NEG — отрицание
COM — комитатив (совместный падеж)	NOM — номитатив (именительный падеж)
CONV — деепричастие (кроме соединительных)	ph — фонологическое представление словоформы
FIN(IMP) — финитные формы (повелительные)	PST — прошедшее время
FIN(INTR) — финитные формы (вопросительные)	TOP — топик
GEN — генитив (родительный падеж)	V — любой гласный
gr — графическое представление словоформы	& — соединительное деепричастие
HON — субъектная вежливость	

Литература

Зализняк 2002 — Зализняк А. А. О понятии графемы // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М., 2002. С. 559—576. {Zalizn'ak A. A. O pon'atii grafemy // Zalizn'ak A. A. Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obščemu jazykoznaniju). M., 2002. P. 559—576.}

Инхён ванху чон 2004 — 정은임 (Чон Ыним). 인현왕후전 (Инхён ванху чон). 서울:의회문화사 (Сеул), 2004. {Con Ynim. Inx'on van"xu čon. Seul, 2004.}

Поливанова 2008 — Поливанова А. К. Принципы построения сегментной грамматики // Поливанова А. К. Общее и русское языкознание: Избранные работы. М., 2008. С. 210—292. {Polivanova A. K. Principy postroenija segmentnoj grammatiki // Polivanova A. K. Obščee i russkoe jazykoznanie: Izbrannye raboty. M., 2008. P. 210—292.}

Рачков 1985 — Жизнеописание королевы Инхён / Пер. с кор. Рачков Г. Е. // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах: Средневековая корейская проза. Л., 1985. С. 63—102. {Žizneopisanie korolevy Inx'on / Transl. Račkov G. E. // Zapiski o dobryx dejanijax i blagorodnyx serdcax: Srednevekovaja korejskaja proza. L., 1985. P. 63—102.}

EDAL — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

Lee, Ramsey 2011 — Lee K.-M., Ramsey S. A History of the Korean Language. New York — Cambridge, 2011.

Martin 1992 — Martin S. E. A Reference Grammar of Korean. Tokyo, 1992.

РЕЗЮМЕ

В статье представлено полное описание графической системы корейского языка XVIII в., которая значительно отличается от современной. Описание включает как «правила чтения», позволяющие переходить от графической записи произвольной словоформы к ее фонологической записи, так и «правила письма», позволяющие переходить от фонологической записи словоформы к графической. Многие особенности корейской графики XVIII в. здесь показаны впервые (в частности, орфографические правила передачи придыхательных согласных и расстановки границ графических слогов).

²⁰ Согласная /G/ (заднеязычная фрикативная звонкая) исчезла из инвентаря согласных фонем корейского языка к концу XVI в. [Lee, Ramsey 2011: 256].

SUMMARY

The article presents a complete description of the 18th century Korean writing system, which is noticeably different from today's Korean. The description includes both "reading rules" and "writing rules", providing free transition between a word written in Korean alphabet and its phonological transcription. Some peculiarities of the 18th century Korean writing system are presented in this paper for the first time (e. g. orthographic rules of syllabic clustering and spelling of aspirated consonants).

Ключевые слова: корейский язык, памятники письменности, графическая система, морфонология, фонология, орфография

Keywords: Korean, writing texts, writing system, morphophonology, phonology, orthography

Происхождение системы хантыйского вокализма¹

Вопрос о происхождении хантыйского вокализма является одним из краеугольных в финно-угорской реконструкции уже более шестидесяти лет. В работах В. Штейница (см. [Steinitz 1950] с подробным анализом литературы) было предложено считать, что хантыйские редуцированные гласные должны быть реконструированы и на прафинно-угорский уровень, поскольку отмечаются некоторые соответствия между ними и марийскими редуцированными. Э. Итконен [Itkonen 1946, 1953, 1969a, 1969b] резко критиковал эту гипотезу и, указывая на то, что марийские и хантыйские редуцированные гласные не всегда соответствуют регулярно, предложил отказаться от теории В. Штейница и считать, что прафинно-угорская система вокализма практически без изменений сохранилась в финском языке. Теория Э. Итконена была принята и последующими исследователями: Б. Коллиндером [Collinder 1960], авторами [UEW] и другими специалистами по уральским языкам. Однако при этом вопрос о происхождении хантыйского вокализма не был решен, что не позволяло считать абсолютно надежной существующую реконструкцию уральского / финно-угорского вокализма.

Казалось, что описать генезис хантыйского вокализма в рамках теории регулярных соответствий практически невозможно, хотя попытки предпринимались неоднократно. Следует отметить монографию Л. Хонти [Honti 1982], где предлагается реконструкция обско-угорского вокализма первого слога. Однако автор, видимо, не ставил цели описать развитие этой системы от праобско-угорского языка к современным хантыйским и мансийским диалектам в терминах регулярных соответствий, поскольку один праобско-угорский гласный может иметь около десяти различных рефлексов в современном хантыйском языке.

В статье [Sammallahti 1988] П. Саммаллахти предпринимает попытку описать развитие системы хантыйского вокализма на очень ограниченном корпусе «прауральских надежных этимологий», который составляет около 500 слов, но оказалось, что даже ограничение числа этимологий не позволяет описать развитие вокализма однозначно. В работе П. Саммаллахти постулируются многочисленные этапы развития тех или иных гласных в определенных и не вполне понятных позициях. Система генезиса вокализма выглядит чрезвычайно многоступенчатой, и все равно присутствует большое количество исключений.

В диссертации М. А. Живлова [Живлов 2006] описаны соответствия прахантыйских и прамансийских гласных, которых оказывается более двадцати (без учета еще ряда исключений). Для описания происхождения этих соответствий постулируется влияние гласного второго слога на развитие первого слога. Однако реконструкция гласного второго слога не базируется на реальных языковых фактах, а определяется лишь соотношениями гласных первого слога в хантыйском и мансийском языках.

Анализ этих работ приводил к мысли о невозможности описания развития хантыйского вокализма в терминах регулярных соответствий без привлечения какого-либо ранее не учтенного фактора, но оказалось, что это справедливо лишь частично. Действительно, полное описание генезиса хантыйского вокализма **невозможно без привлечения информации о месте ударения в васюганском диалекте хантыйского языка**, но эта ударность / безударность определяет лишь происхождение долгих / кратких прахантыйских гласных. С применением **нового методического подхода** описать качественные изменения вокализма при его развитии от прафинно-угорского к прахантыйскому языку удастся, **не привлекая информации, которая ранее не была доступна другим исследователям.**

Насколько нам известно, на материале уральских языков этот подход был впервые разработан Е. А. Хелимским для реконструкции прахантыйского языка [Helimski 2001]. Е. А. Хелимский обратил внимание на то, что умлаут синхронно представлен в словоизменении хантыйских диалектов, и предложил реконструировать для прахантыйского языка аналогичную систему умлаута, который повлиял на развитие гласных первого слога (Табл. 1).

На основании гипотезы о том, что умлаут был представлен не только в современных диалектах, но и в прахантыйском языке, Е. А. Хелимский предложил следующую версию происхождения гласных в хантыйских диалектах (Табл. 2 и 3).

Таким образом, Е. А. Хелимский в статье [Helimski 2001] доказал, что умлаут действовал на прахантыйском уровне, что иногда в одном и том же диалекте представлены рефлексы определенного прахантыйского гласного — как в нейтральной позиции, так и в позиции умлаута перед прахантыйским суффиксом, содержащим *I- и *U-образные фонемы. Эти суффиксы в большинстве случаев в настоящее время исчезли, и их следы сохранились только в виде умлаутного воздействия на предшествующие гласные.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ МД-6198.2013.6 и РФФИ № 14-06-00271.

Таблица 1

Система хантыйского умлаута²

	ПХант	хант. Trj
‘nähen’	*jaantə-tAA, *jaa [^] nt-AA, *jaa ^o nt-Um	jāntta, jīnta, jūntəm
‘sitzen’	*aamsə-tAA, *aa [^] ms-AA, *aa ^o ms-Um	āməsta, īmsa, ūmsəm
‘tragen’	*äältə-tAA, *ää [^] lt-AA, *ää ^o lt-Um	ālttā, iāltā, iāltəm
‘heben’	*äälmə-tAA, *ää [^] lm-AA, *ää ^o lm-Um	āləmtā, iālmā, iālməm
‘hören’	*koolə-tAA, *koo [^] l-AA, *koo ^o l-Um	koāta, kūla, kūləm
‘schreiten’	*kooUlə-tAA, *koo [^] gl-AA, *koo ^o Ul-Um	koūəta, kūyā, kūyālm
‘tanzen’	*jöökä-tAA, *jöö [^] k-AA, *jöö ^o k-Um	jek _o tā, jik _o ā, jik _o əm
‘fluchen’	*lööytə-tAA, *löö [^] yt-AA, *löö ^o yt-Um	lēyətā, līyātā, līyātəm

Таблица 2

Рефлексы прахантыйских гласных в современных диалектах

ПХант	V, Vj	Surg (Trj, J)	DN, DT, KoP	Ni, Š	Kaz	O
*aa	a	ā	o / a	ɔ	ɔ	a
*ää	ä	ǣ	ǣ	a	a	ǣ
*oo	ɔ	o	u / o	u	ɔ	o (ɔ)
*öo	ō	e	o / ǣ	u / a	ɔ / a	o (ɔ) / ǣ
*ii	i	i	i / e	ĩ / ũ, e	ĩ / ũ	i / u, e
*ii	i	i	i	ĩ / ũ	ĩ / ũ	i / u
*uu	u	u	ü / u	ũ / u	ũ	u
*iü	ü	i, (J) ü / i	i	ĩ	ĩ	i
*a	o	ǫ / ǻ	u / o	u	ɔ	o (ɔ)
*ä	e / ö	ǧ / ǧ	e	e	e / ε	e / o (ɔ)
*i	ǻ	ǻ	ǻ	ǻ / ǻ	ǻ / ǻ	ǻ / ö
*i	ə	ə	ə	ǻ / ǻ, ũ	ǻ / ǻ, ũ	ǻ / i, u
*u	ó	ó	ǻ / ö, ə	ǻ / ũ	ǻ / ũ	ǻ / ö, u
*ü	ǧ	ǧ / ə	ə / ö	ǻ / ǻ, ũ	ǻ / ǻ, ũ	ǻ / i, u

Таблица 3

Влияние прахантыйского умлаута на гласные первого слога

основной гласный умлаут-триггер	*aa	*ää	*oo	*öo	*a	*ä
*I (> Ø, ə)	*aa [^] > *ii	*ää [^] > *ii	*oo [^] > *uu	*öo [^] > *iü	*a [^] > *i	*ä [^] > *i (?)
*U (> Ø, ə)	*aa ^o	*ää ^o	*oo ^o	*öo ^o	основной гласный без изменений	
*II (> i/i), *AA (> a/ä)	*aa [^] > *ii	*ää [^] > *ii	*oo [^] > *uu	*öo [^] > *iü	*a [^] > *i	*ä [^] > *i (?)

Примеры гласных в нейтральной позиции и в позиции прахантыйского умлаута из [Helimski 2001]:

1) ‘сидеть’ (пример I-умлаута) — ПХант *aaməs-: V aməs- ‘сидеть’, DN oməs- ‘сидеть; быть; вставать’, O aməs- ‘сидеть; садиться, ставить’, V, O amət- ‘сидеть; позволять садиться, монтировать, устанавливать’, DN omət- ‘id.’ // ПХант *iiməl-: V iməl- ‘садиться’;

2) ‘открывать’ (пример I-умлаута) — ПХант *aaŋ-: V aŋə- ‘развязывать узел, открывать, отвязывать (например, повозку)’ // ПХант *iiŋ-: DT eŋk- ‘развязывать’, O eŋ- ‘снимать одежду, обувь, развязывать узлы’;

3) ‘волосы’ (пример U-умлаута) — ПХант *aapət-: V awət // ПХант *uupət-: DN upət // ПХант *oopət-: O opət.

² Табл. 1—3 взяты из статьи [Helimski 2001] в сокращенном варианте, подробнее см. указанную статью.

В настоящей статье, анализируя происхождение не только гласных в современных хантыйских диалектах из ПХант, но и (в первую очередь) прахантыйских гласных из ФУ, мы предположили, что умлаут мог действовать не только в современных хантыйских диалектах, но и на этапе становления прахантыйской системы гласных из ФУ³. В ряде случаев рефлекс гласных в нейтральной позиции могли быть утрачены в современных хантыйских диалектах, могли сохраниться только умлаутные варианты соответствующих гласных. Исходя из этой гипотезы, при анализе происхождения прахантыйских гласных из ФУ для прахантыйского языка мы предполагали: 1) тот гласный или те (в случае воздействия умлаута) гласные, которые реконструируются по данным диалектов, исходя из Табл. 2; 2) если реконструированный на первом этапе гласный мог возникнуть в результате воздействия умлаута, то и его нейтральный вариант.

Приведем несколько примеров таких случаев:

ФУ *ačka ‘белый’ > **ПХант *aaš** (гласный в нейтральной позиции реконструируется на основании сравнения диалектных данных): DN *aš*, Ts *aš* ‘белый тон, клей, мел’;

ФУ *akta ‘вешать’ > **ПХант *ijət** (гласный *ij реконструируется на основании сравнения данных диалектов, но он может быть проинтерпретирован и как результат воздействия на ПХант *aa I-умлаута): V *ijət*-, DN *ečət*-, Kaz *ičət*- ‘вешать’; так, в этом случае для ПХант восстанавливаются два возможных гласных (ПХант *ij и *aa);

ФУ *kala- ‘рыба’ > **ПХант *kuul** (гласный *uu реконструируется на основании сравнения данных диалектов, но он может быть проинтерпретирован и как результат воздействия на ПХант *aa U-умлаута): ПУ *kala ‘рыба’ > хант. V *kul*, DN *χul*, О *χul*.

В результате такой реконструкции мы видим, что те случаи, которые раньше выглядели как исключения (например, ФУ *a > ПХант *ij, ФУ *a > ПХант *uu), исходя из нашей гипотезы, могут быть проинтерпретированы как ФУ *a > ПХант *aa.

Следует подчеркнуть, что предполагаемый прахантыйский умлаут обязательно должен быть полностью идентичен умлауту, действующему в современных хантыйских диалектах. Типологически как раз неполное совпадение раннего и позднего умлаута является более известным: например, на прагерманском уровне *i*-умлаут действовал только на прагерманское *e, а позже в западногерманских языках *i*-умлаут действовал и на другие задние гласные — *a, *u. Так, и в прахантыйском языке, как можно видеть из приведенных выше примеров, результаты действия умлаута, видимо, несколько отличались от современного умлаута.

Было интересно, насколько эффективным окажется этот метод объяснения различных соответствий ФУ гласных в прахантыйском языке — как результатов воздействия умлаута при анализе **полного корпуса этимологий** [UEW]. Оказалось, что за редкими исключениями, возникающими в определенной позиции перед ПХант *j (примеры см. ниже), **каждая ФУ гласная имеет только два нейтральных рефлекса**, различающиеся только долготой. Более того, все **ФУ гласные переднего ряда переходят в ПХант *ä / *ää, задние гласные**, за исключением *u (т. е. ФУ *a, *o), переходят в ПХант *a / *aa, а ФУ *u > ПХант *o / *oo. Все остальные рефлексы могут быть объяснены как **результат воздействия умлаута** на эти **нейтральные гласные** при введении одного уточнения в систему прахантыйского умлаута

³ Здесь может возникнуть справедливый вопрос, почему мы анализируем происхождение прахантыйских гласных из ФУ, не учитывая при этом промежуточный обско-угорский уровень. Следует подчеркнуть, что методически это не вполне корректно, но в настоящий момент является временным решением и связано с недостаточной изученностью истории развития мансийского вокализма. В работе [Helimski 2001] автору удалось практически без исключений описать развитие прахантыйского вокализма. Применение той же гипотезы об умлауте к мансийскому языку не дает существенных результатов, хотя видно, что умлаут в мансийском языке существовал, поскольку каждая из ФУ гласных имеет в мансийских диалектах как минимум три рефлекса, которые можно охарактеризовать как «нейтральный», «более передний» и «более задний». Однако построить такую четкую систему, как это сделано для хантыйского языка в работе Е. А. Хелимского [Helimski 2001], не удается — остается много исключений. Возможно, это связано с меньшей степенью точности записи мансийских материалов по сравнению с хантыйскими. Эту гипотезу предварительно подтверждают и данные наших полевых исследований: экспедиции, проведенные в 2013 г. М. К. Амелиной к носителям юкондинского диалекта и И. А. Стениным к носителям среднеобского диалекта мансийского языка, показали, что современные диалекты фонетически значительно отличаются от записей, представленных по этим говорам в словаре [Munkácsi, Kálmán 1986]. Это может быть связано как с сильным изменением этих диалектов за последние 100—150 лет, так и с некорректной записью данных. Мы надеемся, что дальнейшие исследования мансийских диалектов позволят ответить на этот вопрос, но в настоящее время по указанным причинам материал мансийских диалектов еще недостаточно обработан для привлечения его к сравнению с хантыйскими данными.

та, описанную Е. А. Хелимским в [Helimski 2001] и представленную в настоящей статье в Табл. 3, а именно того факта, что *U*-умлаут мог воздействовать и на краткие ПХант **a* и **ä*.

Приведем несколько примеров *U*-умлаута для ПХант **a* и **ä* из [Honti 1982] (их количество по [Honti 1982] и особенно по [DEWOS] легко умножить):

1) ПХант **a*: *O tonti* ‘береста’; ПХант **a* > **u* под воздействием *U*-умлаута: *V töntäy*, *Vj töntäy*, *Trj*, *J töntäy*, *DN*, *Ko tuntä*, *Ni töntä*, *Kaz tönti* ‘береста’;

2) ПХант **a*: *Kaz el-çor* ‘тело, поверхность тела’; ПХант **a* > **u* под воздействием *U*-умлаута: *V kör* ‘картина; тело’;

3) ПХант **a*: *Kaz çot* ‘углубление (например, от ноги и сосуда)’; ПХант **a* > **u* под воздействием *U*-умлаута: *Vj rjt-kõm* ‘пространство под перевернутой лодкой’, *DN çõt* ‘id.’;

4) ПХант **a*: *O loç* ‘длинная узкая бухта’; ПХант **a* > **u* под воздействием *U*-умлаута: *V lõk*, *DN lõç* ‘id.’;

5) ПХант **ä*: *DN hátəm jën* ‘мыс, коса’, *O jën* ‘лен’; ПХант **ä* > **ü* под воздействием *U*-умлаута: *Vj meyi jõnä* ‘основа мыса’, *Vj hăləm jõnä* ‘корень языка’;

6) ПХант **ä*: *DN měj* ‘что’, *V mēli* ‘какой’, *V*, *DN mětä* ‘какой’, *O mätī* ‘кто (из многих, из двух)’; ПХант **ä* > **ü* под воздействием *U*-умлаута: *V mõyi*, *Kaz mīj* ‘что?’, *V mõyõli* ‘id.’;

7) ПХант **ä*: *DN kenə* ‘легкий’; ПХант **ä* > **ü* под воздействием *U*-умлаута: *J kõñäy*, *O kon* ‘легкий’.

Результаты росписи полного корпуса этимологий [UEW] с точки зрения происхождения системы вокализма от ФУ языка к ПХант с учетом возможных умлаутных воздействий на прахантыйском уровне могут быть представлены в виде следующей таблицы (Табл. 4).

Таблица 4

Развитие системы вокализма от прафинно-угорского языка к прахантыйскому

ФУ	прахантыйский	
* <i>a</i>	* <i>aa</i> (* <i>ii</i> — <i>I</i> -умлаут; * <i>iii</i> — <i>U</i> -умлаут)	* <i>a</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут)
* <i>o</i>	* <i>aa</i> (* <i>ii</i> — <i>I</i> -умлаут; * <i>iii</i> — <i>U</i> -умлаут)	* <i>a</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут)
* <i>u</i>	* <i>oo</i> (* <i>uu</i> — <i>U</i> -умлаут)	* <i>a</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут; * <i>u</i> — <i>U</i> -умлаут)
* <i>ä</i>	* <i>ää</i> (* <i>ii</i> — <i>I</i> -умлаут; * <i>iii</i> — <i>U</i> -умлаут)	* <i>ä</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут; * <i>ü</i> — <i>U</i> -умлаут)
* <i>e</i>	* <i>ää</i> (? * <i>ii</i> — <i>I</i> -умлаут)	* <i>ä</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут; ? * <i>ü</i> — <i>U</i> -умлаут)
* <i>i</i>	* <i>ii</i> — <i>I</i> -умлаут от * <i>ää</i>	* <i>ä</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут)
* <i>ü</i>	—	* <i>ä</i> (* <i>i</i> — <i>I</i> -умлаут; * <i>ü</i> — <i>U</i> -умлаут)

Приведем примеры из [UEW]⁴, иллюстрирующие Табл. 4.

ПУ / ФУ **a*

ПУ / ФУ **a* > ПХант **aa*:

1) ПУ **alka* ‘(передний или задний) конец, начало; начинать’ > хант. *V aləy* ‘начало, конец’, *DN otəy* ‘конец’, *O aləy* ‘передний или задний конец’; *V uləyt-*, *DN otəyt-*, *Kaz ələyt-* ‘начинать’;

⁴ Во-первых, необходимо отметить, что для анализа были выбраны только те слова, у которых есть рефлекс в финском языке, поскольку в этом случае можно надежно реконструировать праязыковой гласный. Во-вторых, здесь в качестве иллюстрации Табл. 4 приводятся только те примеры, где не действовал синхронный умлаут, а только более ранний прахантыйский. Но на самом деле каждый из гласных, полученных в результате действия прахантыйского умлаута, мог подвергнуться и воздействию синхронного умлаута, описанного в статье [Helimski 2001].

2) ФУ **kajV* ‘касаться, встречать’ > хант. V *kaj-* ‘встречать’, DN *χoj-* ‘с чем-то сталкиваться, попадать в цель из ружья’, O *χaj-* ‘попадать в цель стрелой, снарядом, из ружья; с чем-то сталкиваться’;

3) ПУ **sala* ‘прятать, воровать; вор’ > хант. DN *totmaχ* ‘разбойники’, O *lalmaχ* ‘росомаха’; V *lijəu*, Vj *lijəu* ‘тайно воровать’, V *laləm-*, Vj *jaləm-*, DN *totəm-*, O *laləm-* ‘воровать’.

ПУ / ФУ *a > ПХант *ii:

1) ПУ **akta* ‘вешать, втыкать, ставить (сети, ловушки)’ > хант. V *ijət-*, DN *eχət-*, Kaz *ičət-* ‘вешать’;

2) ПУ **ala* ‘место под чем-то; нижний’ > хант. V *il*, DN *it*, O *il* ‘нижний’; V *ilən*, DN *itən*, O *ilən* ‘нижний’;

3) ФУ **kačke* ‘горький’ > хант. V *kjč*, Ni *χišə*, V *kjčjm*, DN *χečem*, Kaz *χišém* ‘плесень’.

ПУ / ФУ *a > ПХант *uu⁵:

1) ПУ **kala* ‘рыба’ > хант. V *kul*, DN *χut*, O *χul* ‘рыба’;

2) ФУ **kuńčV* ~ **kučV* (на основании рефлекса в финском языке — *kaski* — следует реконструировать **kańčV* ~ **kačV*) ‘береза’ > хант. V *kuí*, O *χus* ‘березовая часть лука’, DN *χuńt* ‘внешняя березовая часть лука’, Kaz *χińšəj jəχəl* ‘сложенный лук’;

3) ПУ **pala* ‘укус; жрать’ > хант. V *puł*, DN *pül*, O *pul* ‘укус, кусок, полный рот’; V *pułj-* ‘пробовать, хлебать’, DT *pül-* ‘глотать’, O *pulət-* ‘жадно есть’;

4) ФУ **rata* ‘горшок’ > хант. V, O *put*, DN *püt* ‘котел’.

ПУ / ФУ *a > ПХант *a:

1) ПУ **anV(-ppV)* ‘свекровь’ > хант. Tгj *əntəp*, Ko *untəp*, O *ontep* ‘свекровь’;

2) ФУ **aškV* ‘сани’ > хант. Tгj *əyəł*, DN *oχət*, O *oχəl* ‘сани, нарты’;

3) ФУ **wačV* ‘скрести, тереть’ > хант. Vj *wočəytə-*, Mj *wáčəy-*, Kaz *wəčətm-*, O *osi-* ‘скоблить’.

ПУ / ФУ *a > ПХант *i:

1) ПУ **ańa* ‘жена старшего родственника (брата, дяди); (?) мать’ > хант. V *əńəkj*, DN *əńəχə*, O *əńəχi* ‘мать старшего брата, мачеха’;

2) ПУ **čačV* ~ **čančV* ‘рождаться, расти’ > хант. DN *čáčə* ‘местный, родной’, O *səsi* ‘живущий на собственном участке земли; домашнее животное; место жительства’;

3) ПУ **kađa* ‘пускать, отпускать, оставаться’ > хант. Vj *kāj-*, DN, O *χāj-* ‘оставлять’.

ПУ / ФУ *o

ПУ / ФУ *o > ПХант *aa:

1) ПУ **kojra* ‘самец’ > хант. V *kar*, DN *χor*, O *χar* ‘олень-бык, жеребец, самец’;

2) ПУ **kokka* ‘нечто, выступающее вверх; конец, выступающий вверх; крючок’ > хант. Vj *kačəw*, DN *χaχəp* ‘деревянный крючок’;

3) ФУ **šodka* ‘вид утки’ > хант. V, O *saj*, DN *soj* ‘*Anas clangula*’.

ПУ / ФУ *o > ПХант *ii:

1) ФУ **konte* ‘коробка, корзина из бересты’ > хант. V *kjnt*, DN *χent*, Kaz *χjnt* ‘корзина из бересты’;

2) ПУ **końčkV* ~ **kočkV* ‘кора, береста’ > хант. Tгj *kjńt* ‘срез на дереве (сосне, березе и т. д.), откуда сочится древесный сок’.

ПУ / ФУ *o > хант. W *oo / E *uu:

ФУ **orpa(sV)* ~ **orwa(sV)* ‘сирота, осиротеть; вдова, овдоветь’ > хант. V *jəŋk-urwji* ‘сирота, вдова’, Vj *jəŋk-urji* ‘осиротеть’ (< E *uu).

ПУ / ФУ *o > ПХант *a:

1) ФУ **omte* ‘впадина (грудная, брюшная)’ > хант. V, Vj *ont*, DN *unt* ‘внутренности, живот, брюшная впадина’, DN *untəp* ‘тело, живот’, Kaz *wəntəp* ‘впадина (грудная, брюшная)’;

⁵ Есть еще несколько примеров, в которых рефлексами ПУ / ФУ *a является ПХант *uu / *oo: 1) ФУ **ama-* ‘черпать’ > ПХант *uu: V, Vj, Tгj *um-*, Kaz *ým-* ‘черпать’ // ПХант *oo: Kaz *əmpi*, Irt, Ni, Š *umə*, O *əmpi* ‘черпак’ [DEWOS: 98]; 2) ФУ **ralyV* ‘деревня’ > ПХант *uu: V, Vj *ručəl*, Vart, Tгj *ručəl*, J *ruwł*, Irt *ručət* // ПХант *oo: O *roχəl* ‘деревня (хантыйская)’ [DEWOS: 1122]; 3) ПУ **kaŋa(-rV)* ‘дуга, нечто дугообразное’ > ПХант *oo: хант. Ni *χuŋχarə* ‘горсть, вместе сложенные ладони’, Kaz *χəŋkart* ‘борозда на позвоночнике’, O *χəŋkar* ‘залив реки’. Мы предполагаем, что эти примеры следует, скорее, интерпретировать как рефлекс синхронного U-умлаута для ПХант *aa. Тем более, что даже в рамках одного диалекта есть примеры с разными прахантыйскими гласными в словообразовательных производных: ПХант *uu: Kaz *ým-* ‘черпать’; ПХант *oo: Kaz *əmpi* ‘черпак’. Однако, по данным статьи [Helimski 2001], результаты синхронного умлаута для ПХант *aa > W *uu / E *oo. Видно, что в этих примерах, как и в ряде других слов из [DEWOS], это правило не вполне выдерживается; например, в слове ‘черпак’ в западных диалектах представлено ПХант *oo: Kaz *əmpi*, Irt, Ni, Š *umə* ‘черпак’. Но поскольку как раз в Kaz *ým-* ‘черпать’ представлен рефлекс, соответствующий правилу, то ясно, что речь идет о достаточно позднем процессе, который нуждается в дальнейшем исследовании.

2) ФУ **rokka* ‘каша, суп; жирная пища, приготовленная из лесной дичи или рыб’ > хант. V *rok*, Tj *rāk_o*, DN *roχ* ‘приготовленный жир’;

3) ПУ **polke* ‘нечто опечатанное, запечатывать; встречать; утаптывать, нечто утоптанное’ > хант. V *poχəl* ‘из земли или снега утоптанная дамба, ограждение через маленькую реку’, Kг *poχət* ‘дмба’.

ПУ / ФУ *o > ПХант *i:

1) ФУ **rojka* ‘сын, мальчик’ > хант. V *räj*, DN, O *räj* ‘сын, мальчик’;

2) ПУ **kola* ‘умирать’ > хант. V *kāla-*, DN *χāt-*, O *χāl-* ‘умирать’;

3) ПУ **hola* ‘лизать’ > хант. V *hāla-*, DN *hāt-*, O *hāl-* ‘лизать’.

ПУ / ФУ *u

ПУ / ФУ *u > ПХант *oo:

1) ФУ **kudē-* ‘нереститься’ > хант. V *kəj-*, DN *χuj-*, Kaz *χoj-* ‘нереститься’;

2) ПУ **kulke-* ‘двигаться, ходить’ > хант. V *kəχəl-*, DN *χoχət-*, Kaz *χoχəl-* ‘шагать, бегать’;

3) ПУ **kulta-* ‘ловить рыбу (сетью)’ > хант. Tj *kol-* ‘ловить рыбу особым образом’, Kaz *χoχət-* ‘ловить рыбу сетью, вершей’, Vj *kəltə* ‘вид сети’, Кам *χuttə* ‘сеть для ловли рыбы’, O *χolti* ‘ловить рыбу сетью, вершей’.

ПУ / ФУ *u > ПХант *uu:

1) ФУ **tuja* ‘касаться, пробовать’ > хант. V *tujwətj*, DN *tojəptə*, Ni *mijəptə* ‘загадка’; DN *tojəptə-*, Ni *mijəptə-* ‘подсказывать отгадку’;

2) ФУ **runa* ‘волосы’ > хант. V, O *run*, DN *pün* ‘волосы, шерсть, перья’;

3) ПУ **rujV* ‘задняя часть’ > хант. V, O *ruj*, DN *püj* ‘задняя часть, задница’.

ПУ / ФУ *u > ПХант *a:

1) ФУ **kumte* ‘широкий’ > хант. V *komət*, Кам *χumət* ‘широкий’;

2) ФУ **ručV-rV-* ‘выдавливать, выжимать’ > хант. VK *posər-* ‘давить на грудь’, Kг *pusər-* ‘сжимать в руках’;

3) ПУ **runa* ‘вязать, плести’ > хант. V *ponəl-*, DN *punttə-*, Kaz *pənəl-* ‘плести’.

ПУ / ФУ *u > ПХант *i:

1) ФУ **kunčV ~ *kučV* ‘сила’ > хант. D (folk.) *χāčəχ*, Kaz *χāšəχ* ‘сила, средство жизни’;

2) ПУ **kunta* ‘пол; обычай’ > хант. V *kāntəχ jəχ* ‘ханты’, DN *χāntə*, O *χānti* ‘ханты; человек’;

3) ПУ **rida-se* ‘рукав реки’ > хант. V *päsəl*, Fil *päs* (Pl. *pästət*) ‘приток’, *pösəl* ‘приток одной реки’.

ПУ / ФУ *u > ПХант *u:

1) ФУ **kulV* ‘заканчивать, прекращать’ > хант. V *kōla-*, DN *χōta-*, O *χōl-* ‘заканчивать, проходить’;

2) ПУ **kuña* ‘закрывать глаза, моргать’ > хант. V *kōñ-*, O *χōñ-* ‘закрывать глаза’, *kōñəral-* ‘блистать’;

3) ПУ **pura* ‘сверлить’ > хант. V *pör*, DN, O *pär* ‘сверло’; V *pörəl*, DN *pärət*, O *pärlí* ‘лом’.

ПУ / ФУ *ä

ПУ / ФУ *ä > ПХант *ää:

1) ФУ **jälke* ‘следы, пятна’ > хант. Vj *jäyəl* ‘орнамент’, Ni *jäyəl* ‘штрихи, пятно (на лбу лошади, коровы)’, Ni *jawəl* ‘звезда (на лбу)’;

2) ФУ **kärnä* ‘кожура, кора’ > хант. J *kärnäyəl-*, Ko *kärnä-* ‘затвердевать’, O *kärni* ‘ледяная корка’;

3) ФУ **mälv* ‘чувствовать, пробовать’ > хант. V *mäl-*, Tj *mäl-*, DN *mätəs-*, O *mäləs-* ‘ощупывать пальцами’.

ПУ / ФУ *ä > ПХант *ii:

1) ФУ **lä(m)čV* ‘ремень, канат, трос (например, лассо, повод, петля)’ > хант. V *lis*, DN *tis* ‘петля’, O *lis* ‘ушко, петля’;

2) ФУ **näke* ‘смотреть’ > хант. Tj *ni-* ‘видимый; смотреть’, DN *niw-* ‘быть видимым’, O *ni-* ‘неясно мерцать’.

ПУ / ФУ *ä > ПХант *üü:

1) ПУ **kälV* ‘невестка’ > хант. V *küli*, Tj *kili*, DN, Kг *kitə*, O *kili* ‘младшая сестра жены, дочь младшего брата жены, муж сестры жены’;

2) ФУ **šäkče* ‘вид хищной птицы (орлан-белохвост, чайка)’ > хант. V *süyəs*, DN, O *siwəs* ‘орел, чайка’.

ПУ / ФУ *ä > ПХант *ä:

1) ПУ **jäkšV* ‘прохладный, холодный; становится холодным’ > хант. V *jöyli* ‘холод; холодный’, Tj *jäyüli*, DT *jäyütə* ‘немного холодный, прохладный’, DT *jäl* ‘прохладный; прохлада’;

2) ФУ **käte(-ne)* ‘ладонь’ > хант. V *kötən-käyər* ‘кулак, полная рука’;

3) ФУ **mälke* ‘грудь’ > хант. V *möyəl*, DN *meyət*, O *tewəl* ‘грудь’.

ПУ / ФУ *ä > ПХант *i:

- 1) ФУ *päre ‘маленькая часть, щепка’ > хант. V, DN pēr ‘кусочек, щепка’;
- 2) ФУ *sākä ‘вид рыбы, сом (Silurus glanis)’ > хант. V sēy, DN sēχ ‘налим’;
- 3) ФУ *tälwä ‘зима’ > хант. V, Vj tēləy, Trj, J tóləy, DN tētə, O täl ‘зима’.

ПУ / ФУ *ä > ПХант *ü:

- 1) ФУ *čänčä ‘спина’ > хант. V čöñč, DN čēñč, O sās ‘спина’;
- 2) ПУ *jänte ‘сухожилие’ > хант. V jöntəy, DN jēntə, O jinti ‘тетива лука’;
- 3) ФУ *pikkä / *räkkä (на основании рефлекса в финском языке — räkkä — следует реконструировать *räkkä) ‘желудок, живот, выпуклость’ > хант. V pōki, Kг pūkə, DN pōkə-sōχ, Kaz pūka ‘плавательный пузырь рыбы; зоб птицы’.

ПУ / ФУ *e⁶**ПУ / ФУ *e > ПХант *äü:**

- 1) ФУ *kerte / *kirte (на основании рефлекса в финском языке — фин. kerte — следует реконструировать *kerte) ‘тонкая снежная, ледяная корка’ > хант. Trj kártəy, DN kártəm ‘тонкая ледяная корка’;
- 2) ФУ *šepä ‘шея, затылок’ > хант. V säwəl, DN sápat, O sápal ‘шея’.

? ПУ / ФУ *e > ПХант *ii:

ФУ *lewV ‘дыхание, душа’ > хант. V, O lil, DN tit ‘дыхание, душа’.

ПУ / ФУ *e > ПХант *ä:

- 1) ПУ *enä ‘большой; много’ > хант. V enə, DN enə ‘толстый, большой, старший’;
- 2) ФУ *leppV ‘мягкий’ > хант. V lewət, DN tepət, O lepət ‘слабый, мягкий’;
- 3) ФУ *tekV ‘сталкивать’ > хант. Vj tōki- ‘останавливать; запихивать; создавать (лодку, дом)’, V tōkən-, Kaz tekən-, O tokən- ‘чувствовать себя, становиться полным’, DN tekəptə- ‘чувствовать; наливать до краев’.

ПУ / ФУ *e > ПХант *i:

- 1) ФУ *čēŋke ‘духота, жара’ > хант. Trj čēŋk, O sāŋk ‘тепло, жара’, Ко čēŋk ‘горячий; жара’;
- 2) ПУ *elä- ‘жить’ > хант. V jel ‘кровеносный сосуд’, O jilpälä- ‘выздоровливать от болезни’, O jilpät- ‘оживать’; V jēləw, DN jētəp, O jiləp ‘новый, свежий’;
- 3) ПУ *mene ‘ходить’ > хант. V, DN mēn-, O mǎn- ‘ходить, уходить’.

ПУ / ФУ *e > ПХант *ü:

ФУ *kečä ‘вид рыбы’ > хант. DN kōsə ‘плотва, карась, маленькая рыба’.

ПУ / ФУ *i**ПУ / ФУ *i > ПХант *ii:**

- 1) ФУ *ilma ‘небо; погода; бог’ > хант. Ко itəm ‘мир, область’, O iləm ‘пасмурный, туманный (день); погода’, Kaz (folk.) jēləm ‘мир, погода’, Ко num-itəm, O num-iləm ‘небо; небесный бог’;
- 2) ФУ *ilV ‘вечер’ > хант. DN itáj, O ilä ‘вечер’;
- 3) ФУ *pitä ‘держать’ > хант. V, DN, O pit- ‘(во что-то) упасть, попасть’.

ПУ / ФУ *i > ПХант *ä:

- 1) ПУ *ime- ‘кормить грудью’ > хант. V, DN em- ‘кормить грудью’;
- 2) ПУ *miñä ‘невестка, молодая женщина’ > хант. V, DN, O meñ ‘невестка, молодая женщина’;
- 3) ПУ *nime ‘имя’ > хант. V, DN, O nem ‘имя’.

ПУ / ФУ *i > ПХант *i:

- 1) ФУ *kičV ‘болезнь’ > хант. V, DN kēčə, O kāsī ‘болезнь’;
- 2) ФУ *ričla ‘рябина (Sorbus aucuparia)’ > хант. Vj pētər, DN pētär, O pišar ‘ягоды рябины’;
- 3) ПУ *ride (~ -kä) ‘высокий, длинный’ > хант. DN pēt, O pāl ‘высокий’, V pēlät, Kг pētät, O pālät ‘высота, длина; высокий, длинный’.

ПУ / ФУ *ü**ПУ / ФУ *ü > ПХант *ä:**

- 1) ФУ *tiwä (~ -ne) ‘тихий, спокойный’ (фин. syvä ‘глубокий’) > хант. V teyən, DN, O tewən ‘тихий, спокойный’, Trj tāyən ləyəl ‘водная гладь, виднеющаяся в ветреную погоду вдали’;
- 2) ФУ *wiδV(-mV) ‘костный мозг; мозг’ (фин. уту ‘костный мозг; сок, ядро’; ydin — Gen. ytimen; ydyn — Gen. ytymen) > хант. V weləm, DN wetəm, O weləm ‘костный мозг’.

⁶ В одной этимологии — ФУ *lepe ‘лист’ [UEW: 259] — наблюдается отклонение: ФУ *e имеет задний рефлекс ПХант *ij.

ПУ / ФУ **ü* > ПХант **i*:

- 1) ФУ **ñilke* (**ñilke*) ‘(кожу) снимать, обдирать волосы’ > хант. J *ñě́лэт-*, Ко *ñě́лэтә-* ‘линять’;
- 2) ПУ **piŋe* (**püŋe*) ‘рябчик (Tetrao bonasia)’ > хант. V *pěŋk* ‘рябчик (Tetrao bonasia)’;
- 3) ПУ **śidä(-mV)* (**śüđä(-mV)*) ‘сердце’ > хант. V, DN *sěm*, O *sām* ‘сердце’.

ПУ / ФУ **ü* > ПХант **ü*:

- 1) ФУ **kiče* (**küče*) ‘тлеть, без пламени гореть’ > хант. V *kõč-*, DN *kõč-*, O *kus-* ‘тлеть, без пламени гореть’;
- 2) ПУ **kinče* (**künče*) ‘ноготь, коготь’ > хант. V *kõñč*, DN *kõñč*, O *kus* ‘ноготь, коготь’;
- 3) ПУ **nide* (**nüde*) ‘рукоятка, стержень’ > хант. V *nõl*, DN *nět*, O *nāl* ‘рукоятка, стержень’.

Исключения из предложенной системы соответствий встречаются лишь в нескольких позициях перед ПХант **j* (< ФУ **j*, **y*, **w*), который иногда упередняет предшествующие задние гласные⁷: ФУ **aj* > ПХант **ääj* (например, в ФУ **naje*, **wajće*); ФУ **ay* / **aw* > ПХант **äj* (например, в ФУ **čawV*, **maŋe*); ФУ **oj* > ПХант **ij* / **äj* (например, в ФУ **koje* ~ **koja*, **šoje*); ФУ **ud* > ПХант **ij* (например, в ФУ **tuđka*); ФУ **uy* / **uw* > ПХант **ääj* (например, в ФУ **juŋe-*).

Сокращения

Языки и диалекты

ПУ — прауральский

ПХант — прахантыйский

фин. — финский

ФУ — прафинно-угорский

хант. — хантыйский

Е — восточнохантыйские диалекты

Surg — сургутский диалект

J — юганский говор

Mj — малоюганский говор

Tj — тромъеганский говор

V — ваховский диалект

Vart — вартовский диалект

Vj — васюганский диалект

W — западнохантыйские диалекты

D — демьянский диалект

DN — верхнедемьянский говор

DT — нижнедемьянский говор

Irt — иртышский диалект

Fil — говор юрт Филинских на р. Иртыш

Ts — цингальский (цингалинский) говор (говор с. Цингалы) на р. Иртыш

Kam — каминский говор

Kaz — казымский диалект

Ko — кондинский диалект

KoP — говор юрт Каменских на р. Конда

Kt — говор юрт Красноярских на р. Конда

Ni — низямский диалект

O — обдорский диалект

VK — верхнекалымский говор

Š — шеркальский диалект в записях В. Штейница

Общие

folk. — фольклор

Gen. — генитив (родительный падеж)

Pl. — множественное число

⁷ В двух примерах ФУ **č* влияет на предшествующие передние гласные, делая их более задними, но эти этимологии ненадежны: ФУ **eč* > ПХант **iis* (ФУ **leñčV* ~ **lečV*); ФУ **ič* > ПХант **is* (ФУ **wička*).

Литература

- Живлов 2006 — *Живлов М. А.* Реконструкция праобско-угорского вокализма. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. {*Živlov M. A.* Rekonstrukcija praobsko-ugorskogo vokalizma. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2006.}
- Collinder 1960 — *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
- Helinski 2001 — *Helinski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen. In memoriam Harmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Itkonen 1946 — *Itkonen E.* Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1946, 29. S. 222—337.
- Itkonen 1953 — *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in permischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1953, 31. S. 150—345.
- Itkonen 1969a — *Itkonen E.* Zur Wertung der finnisch-ugrischen Lautforschung // Ural-altaische Jahrbücher. Bd. 41. Wiesbaden, 1969. S. 76—111.
- Itkonen 1969b — *Itkonen E.* Thesen und Antithesen in der finnisch-ugrischen Vokalforschung // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd. 41. Wiesbaden, 1969. S. 183—211.
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences / Ed. *Sinor B.* Leiden e. a., 1988. P. 478—554.
- Steinitz 1950 — *Steinitz W.* Geschichte des ostjakischen Vokalismus. Berlin, 1950.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

РЕЗЮМЕ

В данной статье предлагается новая гипотеза о происхождении хантыйских гласных. Вслед за Е. А. Хелимским, доказавшим, что в диалектах хантыйского языка на гласные первого слога действовали *U-* и *I-*умлауты, которые и синхронно присутствуют в некоторых говорах, автор данной статьи предположил, что умлауты с похожим воздействием существовали и на этапе становления прахантыйского из прафинно-угорского языка. Это предположение позволяет системно и практически без исключений описать генезис хантыйского вокализма.

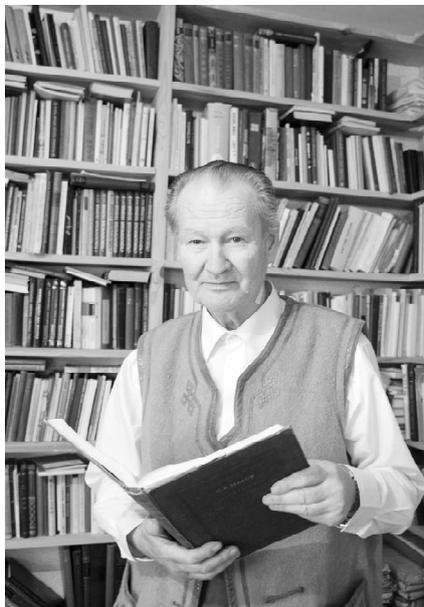
SUMMARY

The author of the article suggests a new hypothesis of the origin of the Khanty vowels. After E. Khelinski, who proved that in the Khanty dialects vowels of the first syllable were affected by *U-* and *I-*umlauts which are presented nowadays in some dialects, the author assumes that similar umlauts were also at the stage of formation of Proto-Khanty from Proto-Finno-Ugric. This hypothesis allows to describe the genesis of the Khanty vocalism practically without any exception.

Ключевые слова: хантыйский язык, прафинно-угорский язык, умлаут, вокализм, сравнительно-историческое языкознание

Keywords: Khanty, Proto-Finno-Ugric, umlaut, vocalism, comparative and historical linguistics

Его путь в науке (к 75-летию Валентина Ивановича Рассадина)¹

Валентин Иванович Рассадин родился во Пскове 12 ноября 1939 г. В 1962 г. он окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова по специальности «Монгольская филология» (квалификация — востоковед-филолог). В 1962—1963 гг. Валентин Иванович работал переводчиком с монгольского языка в г. Дархан Монгольской Народной Республики (МНР). В 1963—1966 гг. он учился в аспирантуре Новосибирского государственного университета по специальности «Тюркские языки» и изучал тофаларский язык. В 1967 г. В. И. Рассадин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лексика современного тофаларского языка», а в 1983 г. — докторскую диссертацию «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков». В 1991 г. ему было присвоено ученое звание профессора по специальности «Языки народов СССР».

Валентин Иванович Рассадин удостоен почетных званий: Заслуженный деятель науки Бурятской АССР (1980 г.), Заслуженный деятель науки РСФСР (1990 г.), Передовик науки Монголии (2005 г.), Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия (2009 г.), Почетный профессор Монгольского университета «Гурван эрдэни» (2009 г.), Заслуженный профессор Бурятского государственного университета (2012 г.). В. И. Рассадин неоднократно награждался почетными грамотами Президиума АН СССР, Президиума Сибирского отделения РАН, Верховного Совета Бурятской АССР, Верховного Совета Якутской АССР, Народного Хурала и Правительства Республики Бурятия. В 2001 г. он был награжден орденом «Дружба», удостоен первой Бурятской республиканской общественной премии «Признание» в области науки и награжден дипломом и золотой медалью «Алдар соло», а в 2009 г. — орденом «Гражданская доблесть» Республики Саха (Якутия).

В 1988 г. В. И. Рассадин был избран иностранным членом-корреспондентом Международного финно-угорского научного общества (Финляндия), а в 2007 г. — академиком РАЕН по секции «Российская энциклопедия». В 2008 г. он избирается членом Российского комитета тюркологов, является ветераном Сибирского отделения Российской академии наук.

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ на проведение Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина (проект № 14-04-14036г).

В 1966—2006 гг. В. И. Рассадин работал в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН, пройдя путь от младшего до главного научного сотрудника. С 1992 по 2006 г. он по совместительству являлся профессором и заведующим Кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета. В 2006 г. Валентин Иванович был приглашен в Калмыцкий государственный университет, ему было предложено организовать и возглавить Научный центр монголоведных и алтаистических исследований, а также стать профессором Кафедры калмыцкого языка и монголистики.

Свои исследования В. И. Рассадин проводит в трех основных направлениях: монголоведном, тюркологическом и алтаистическом. Валентин Иванович Рассадин — один из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-исторического монгольского и тюрко-монгольского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских языков и диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Особенно известны его записи и исследования по ныне исчезающим тюркским языкам — тофаларскому [Рассадин 2008а] и сойотскому [Рассадин 1996а, 1996б; Rassadin 2010]. Его перу принадлежат первые в науке относительно полные описания фонетики, лексики и грамматики этих двух языков, принадлежащих к саянской языковой подгруппе и демонстрирующих ряд важных архаизмов, существенных для пратюркской реконструкции [Рассадин 1971, 1978, 1985а]. В. И. Рассадиным впервые были описаны инновационные фонетические особенности этих языков (например, тофаларский тип «фарингализации» — фонетически *lax voice*, — значительно отличающийся от тувинского), которые характерны для Саяно-Алтайской зоны, что стимулирует поиск подтверждения в других языках региона (ср., например, обнаружение сходного противопоставления в тубаларском [Сарбашева 2004]). В отношении тофаларского и сойотского языков Валентин Иванович успешно начал решать задачу их ревитализации: создал письменность, написал и издал школьные учебники и словари [Рассадин, Шибкеев 1989; Рассадин 1995а, 2005, 2006а], подготовил учителей начальных классов для тофаларских и сойотских школ. В 2009 г. он занялся изучением языка турок-месхетинцев, проживающих на территории Республики Калмыкия, результатом этих изысканий явились публикации нескольких научных статей.

В. И. Рассадин известен также и как переводчик с немецкого языка на русский классического труда академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (СПб., 1851), перевод которого был опубликован в 1989 г. в издательстве «Наука».

В. И. Рассадин получил международное признание и как специалист по диалектам и говорам бурятского языка [Рассадин 1985б, 1987, 2006б, 2007а], истории монгольских языков [Рассадин 1989а, 1989б, 1995б, 2006в] и их исторических связей с тюркскими языками [Рассадин 2007б, 2008б, 2010]. В частности, он является автором монографических описаний исторической фонетики бурятского языка [Рассадин 1982] и фонетики монголизмов в тюркских языках Сибири, а также многих работ по бурятской диалектологии [Рассадин 1985б, 1987, 1988, 1991, 1996].

Основной особенностью исследовательской деятельности В. И. Рассадина является то, что при изучении живых монгольских и тюркских языков и их диалектов он опирается главным образом на собственный полевой материал, собранный им во время экспедиционных поездок в места расселения носителей этих языков и диалектов, причем как на территории России, так и Монголии и Китая. В своих работах он вводит в научный оборот большое количество нового и во многом уникального фактического материала из малоизученных языков и диалектов, некоторые из которых находятся сейчас на грани исчезновения. В своих трудах Валентин Иванович разрабатывает крупные научные проблемы монгольского и тюркского языкознания, такие, например, как историческая фонетика бурятского языка [Рассадин 1982], сравнительно-историческая грамматика бурятского языка, этимологический словарь бурятского языка [Рассадин 1993, 2006г], присаянские [Рассадин 1991] и нижнеудинский [Рассадин 1988] бурятские говоры, тюрко-монгольские исторические языковые связи [Рассадин 2007б, 2008б, 2009, 2010], влияние тюркских языков на развитие монгольских [Рассадин 1983, 1995в, 2007б, 2007в], влияние монгольских языков на тюркские [Рассадин 1972, 1980, 2008б, 2008в] и т. д. Свои исследования он строит на широком сравнительном материале из современных, средневековых и древних монгольских и тюркских языков, каковыми неплохо владеет сам [Рассадин и др. 1999, 2004; Рассадин 2006д, 2006е, 2008г, 2011].

Разработки В. И. Рассадина в области алтаистики, касающиеся как проблем установления родства монгольских языков с тюркскими, так и выдвижения нового семантического метода исследования этой гипотезы, представленные им в научных статьях, докладах и монографиях, получили поддержку и одобрение алтаистов [Рассадин 2007г]. В его работах проводится идея (восходящая к работам выдающегося алтаиста В. И. Цинциуса) о необходимости рассмотрения потенциальных алтайских сопоставлений в рамках семантических групп, связанных с определенными областями человеческой деятельности [Рассадин, Михайлов 1978; Рассадин 1981, 1984, 1987, 1993, 1994, 1996а, 1996б, 2000, 2007г, 2007д, 2008д, 2009, 2010]. Такой анализ позволяет, исходя из этнолингвистических фактов, в значительной мере вери-

фицировать гипотезы об исконном или заимствованном характере когнатов. Другое значительное достижение Валентина Ивановича в алтайском языкознании — это анализ словообразовательных показателей в тюркских и монгольских языках с выделением потенциальных заимствований.

В. И. Рассадин активно участвует в подготовке высококвалифицированных кадров монголоведов и тюркологов. Под непосредственным научным руководством В. И. Рассадина подготовлено 47 кандидатов и шесть докторов наук в области монголоведения и тюркологии; среди соискателей шесть граждан Монголии и два гражданина Турции. Валентин Иванович являлся членом двух докторских и двух кандидатских диссертационных советов при Бурятском научном центре СО РАН, Бурятском госуниверситете и Якутском научном центре СО РАН. В настоящее время он является членом докторского диссертационного совета при Калмыцком госуниверситете.

В. И. Рассадин — создатель научной школы «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», член редакционных советов журнала «Российская тюркология» (Москва, Казань), рецензируемого журнала «Гуманитарный вектор» (Чита), «Вестника Калмыцкого госуниверситета» (Элиста), зарубежного журнала “Altaica” (Монголия) и электронного тюркологического журнала (Турция).

В. И. Рассадин известен также как автор 345 научных трудов, среди которых 35 научных монографий, четыре словаря, семь школьных учебников и три вузовских учебных пособия по монгольскому языку и алтаистике. Он активно участвует в работе различных международных, всероссийских, региональных и других научных конференций. В. И. Рассадин является руководителем и исполнителем ряда научных проектов РГНФ (как российских, так и международных) и Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2012—2013 гг.).

В рамках академической мобильности Валентин Иванович неоднократно выезжал с лекциями в Монгольский госуниверситет, Университет Внутренней Монголии (г. Хух-Хото, Китай), Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Улан-Батор), Карлов университет (Прага), Варшавский университет и др. Кроме того, работая в Бурятском научном центре, он приглашался с чтением лекций в вузы Улан-Удэ, Новосибирска, Якутска, Кызыла и Элисты. В. И. Рассадиным были открыты аспирантура по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» и магистратура «Сравнительное языкознание» по направлению «Филология».

Помимо активной научно-педагогической деятельности, профессор В. И. Рассадин занимался большой общественной работой в Республике Бурятия: он избирался народным депутатом районного Совета в г. Улан-Удэ и народным заседателем районного, а затем и Верховного суда Республики Бурятия, с 1996 по 2006 г. состоял членом Совета старейшин при Президенте Республики Бурятия. В. И. Рассадин участвовал в разработке и обсуждении «Закона о языках народов Республики Бурятия», который был принят на заседании Верховного Совета Республики Бурятия в 1993 г.

Имя Валентина Ивановича Рассадина увековечено на страницах трех энциклопедий: «Ведущие языковеды мира», «Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание» (Москва) и «Ведущие языковеды мира» на английском языке (Лондон).

Ряд полнотекстовых электронных версий трудов В. И. Рассадина можно найти по ссылке: <http://lib.kalmsu.ru/?p=rassadin>.

Л и т е р а т у р а

Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {*Rassadin V. I.* Fonetika i leksika tofalarskogo jazyka. Ulan-Ude, 1971.}

Рассадин 1972 — *Рассадин В. И.* Бурятизмы в якутском языке // О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1972. С. 167—179. {*Rassadin V. I.* Bur'atizmy v jakutskom jazyke // О. N. B'otlingk i ego trud “O jazyke jakutov”. Jakutsk, 1972. P. 167—179.}

Рассадин 1978 — *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. {*Rassadin V. I.* Morfologija tofalarskogo jazyka v sravnitel'nom osveščanii. M., 1978.}

Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980. {*Rassadin V. I.* Mongolo-bur'atskie zaimstvovanija v sibirskix t'urkskix jazyках. M., 1980.}

Рассадин 1981 — *Рассадин В. И.* К сравнительному изучению анималистической лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. М., 1981. С. 97—118. {*Rassadin V. I.* K sravnitel'nomu izučeniju animalističeskoj leksiki bur'atskogo jazyka // Jazyki i fol'klor narodov Severa. M., 1981. P. 97—118.}

Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982. {*Rassadin V. I.* Očerki po istoričeskoj fonetike bur'atskogo jazyka. M., 1982.}

Рассадин 1983 — *Рассадин В. И.* Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 70—89. {*Rassadin V. I.* T'urkskie leksičeskie elementy v kalmyckom jazyke // Etničeskie i istoriko-kul'turnye sv'azi mongol'skix narodov. Ulan-Ude, 1983. P. 70—89.}

Рассадин 1984 — *Рассадин В. И.* Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии: Сборник статей. Улан-Удэ, 1984. С. 55—80. {*Rassadin V. I.* Bur'atskaja životnovodčeskaja terminologija kak istočnik po istoričeskoj etnografii // Etničeskaja istorija i kul'turno-bytovye tradicii v Bur'atii: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1984. P. 55—80.}

Рассадин 1985а — *Рассадин В. И.* Об организации полипредикативных предложений с подчинительной связью в тофаларском языке // Полипредикативные конструкции в языках разных систем: Сборник научных статей. Новосибирск, 1985. С. 3—11. {*Rassadin V. I.* Ob organizacii polipredikativnyx predloženij s podčinitel'noj sv'az'ju v tofalarckom jazyke // Polipredikativnye konstrukcii v jazykax raznyx sistem: Sbornik naučnyx statej. Novosibirsk, 1985. P. 3—11.}

Рассадин 1985б — *Рассадин В. И.* Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка: Сборник статей. Улан-Удэ, 1985. С. 3—20. {*Rassadin V. I.* Leksičeskie osobennosti govora okinskix bur'at // Leksiko-frazeologičeskoe svoeobrazie bur'atskogo jazyka: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1985. P. 3—20.}

Рассадин 1987 — *Рассадин В. И.* Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках: Сборник статей. Улан-Удэ, 1987. С. 3—20. {*Rassadin V. I.* Promyslovaja leksika v govore okinskix bur'at // Dialektnaja leksika v mongol'skix jazykax: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1987. P. 3—20.}

Рассадин 1988 — *Рассадин В. И.* Особенности лексического состава нижеудинского говора // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья: Сборник статей. Улан-Удэ, 1988. С. 43—68. {*Rassadin V. I.* Osobennosti leksičeskogo sostava nižneudinskogo govora // Razvitie i vzaimodejstvie dialektov Pribajkal'ja: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1988. P. 43—68.}

Рассадин 1989а — *Рассадин В. И.* О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1989. С. 145—152. {*Rassadin V. I.* O tunguso-man'čžurskix elementax v mongol'skix jazykax // Etnokul'turnye processy v Jugo-Vostočnoj Sibiri v srednie veka: Sbornik naučnyx trudov. Novosibirsk, 1989. P. 145—152.}

Рассадин 1989б — *Рассадин В. И.* Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения — 5: Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 173—176. {*Rassadin V. I.* Istoričeskaja sv'az' bur'atskogo jazyka s jazykom bargutov // Cybikovskie čtenija — 5: Tezisy dokladov i soobščeni. Ulan-Ude, 1989. P. 173—176.}

Рассадин 1991 — *Рассадин В. И.* Звуковой состав присаянской группы бурятских говоров // Сегментные и просодические единицы языков Байкальского региона: Сборник статей. Улан-Удэ, 1991. С. 3—34. {*Rassadin V. I.* Zvukovoj sostav prisajanskoj grupy bur'atskix govorov // Segmentnye i prosodičeskie edinicy jazykov Bajkal'skogo regiona: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1991. P. 3—34.}

Рассадин 1993 — *Рассадин В. И.* Об этимологии некоторых бурятских охотничьих терминов // Цыбиковские чтения — 6: Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1993. С. 83—85. {*Rassadin V. I.* Ob etimologii nekotoryx bur'atskix oхotnič'ix terminov // Cybikovskie čtenija — 6: Tezisy dokladov i soobščeni. Ulan-Ude, 1993. P. 83—85.}

Рассадин 1994 — *Рассадин В. И.* Названия молочных продуктов в монгольских языках // Этнокультурная лексика монгольских языков: Сборник статей. Улан-Удэ, 1994. С. 3—22. {*Rassadin V. I.* Nazvanija moločnyx produktov v mongol'skix jazykax // Etnokul'turnaja leksika mongol'skix jazykov: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1994. P. 3—22.}

Рассадин 1995а — *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995. {*Rassadin V. I.* Tofalarcko-russkij i russko-tofalarckij slovar'. Irkutsk, 1995.}

Рассадин 1995б — *Рассадин В. И.* Проблемы исторического словообразования монгольских языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков: Сборник статей. Улан-Удэ, 1995. С. 120—131. {*Rassadin V. I.* Problemy istoričeskogo slovoobrazovanija mongol'skix jazykov // Istoriko-sravnitel'noe izučenie mongol'skix jazykov: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1995. P. 120—131.}

Рассадин 1995в — *Рассадин В. И.* Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // «Тайная история монголов»: Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995. С. 108—115. {*Rassadin V. I.* T'urkskie elementy v jazyke “Sokrovennogo skazanija mongolov” // “Tajnaja istorija mongolov”: Istočnikovedenie, filologija, istorija. Novosibirsk, 1995. P. 108—115.}

Рассадин 1996а — *Рассадин В. И.* Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 58—99. {*Rassadin V. I.* Leksika material'noj kul'tury okinskix sojotov // Problemy bur'atskoj dialektologii. Ulan-Ude, 1996. P. 58—99.}

Рассадин 1996б — *Рассадин В. И.* Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 45—57. {*Rassadin V. I.* Životnovodčeskaja leksika v jazyke okinskix bur'at i sojotov // Problemy bur'atskoj dialektologii. Ulan-Ude, 1996. P. 45—57.}

Рассадин 2000 — *Рассадин В. И.* Особенности традиционной материальной культуры саянских оленеводов-тофаларов // Этнологические исследования: Сборник статей. Вып. 1. Улан-Удэ, 2000. С. 131—148. {*Rassadin V. I.*

Osobnosti tradicionnoj material'noj kul'tury sajanskix olenevodov-tofalarov // Etnologičeskie issledovanija: Sbornik statej. Vol. 1. Ulan-Ude, 2000. P. 131—148.}

Рассадин 2005 — *Рассадин В. И.* Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский. Тоъфа-орус — орус-тоъфа сооттары: Учебное пособие для учащихся средней школы. СПб., 2005. {*Rassadin V. I. Slovar' tofalarsko-russkij i russko-tofalarskij. To"fa-orus — orus-to"fa soottary: Učebnoe posobie dl'a učaščix's'a srednej školy. SPb., 2005.*}

Рассадин 2006а — *Рассадин В. И.* Словарь сойотско-русский. СПб., 2006. {*Rassadin V. I. Slovar' sojotsko-russkij. SPb., 2006.*}

Рассадин 2006б — *Рассадин В. И.* Аффиксальное словообразование именных основ бурятского языка: Сравнительный аспект // Вестник Бурятского университета. Серия 18. Востоковедение. Вып. 2. Улан-Удэ, 2006. С. 139—157. {*Rassadin V. I. Affiksal'noe slovoobrazovanie imennyx osnov bur'atskogo jazyka: Sravnitel'nyj aspekt // Vestnik Bur'atskogo universiteta. Serija 18. Vostokovedenie. Vol. 2. Ulan-Ude, 2006. S. 139—157.*}

Рассадин 2006в — *Рассадин В. И.* К проблеме формирования монгольских языков в двух ареалах // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ, 2006. С. 3—19. {*Rassadin V. I. K probleme formirovanija mongol'skix jazykov v dvux arealax // Mongol'skie jazyki i dialekty severo-vostočnogo areala Central'noj Azii. Ulan-Ude, 2006. P. 3—19.*}

Рассадин 2006г — *Рассадин В. И.* О проблемах этимологизации слов бурятского языка // Вестник Бурятского университета. Серия 6. Филология. Вып. 11. Улан-Удэ, 2006. С. 3—14. {*Rassadin V. I. O problemax etimologizacii slov bur'atskogo jazyka // Vestnik Bur'atskogo universiteta. Serija 6. Filologija. Vol. 11. Ulan-Ude, 2006. S. 3—14.*}

Рассадин 2006д — *Рассадин В. И.* О системе наклонений глагола в современных монгольских языках // Вестник Бурятского университета. Серия 6. Филология. Вып. 10. Улан-Удэ, 2006. С. 46—62. {*Rassadin V. I. O sisteme naklonenij glagola v sovremennyx mongol'skix jazykax // Vestnik Bur'atskogo universiteta. Serija 6. Filologija. Vol. 10. Ulan-Ude, 2006. S. 46—62.*}

Рассадин 2006е — *Рассадин В. И.* Сложение группы производных субстантивов в монгольских языках // Вестник Бурятского университета. Серия 18. Востоковедение. Вып. 3. Улан-Удэ, 2006. С. 164—179. {*Rassadin V. I. Složenie grupy proizvodnyx substantivov v mongol'skix jazykax // Vestnik Bur'atskogo universiteta. Serija 18. Vostokovedenie. Vol. 3. Ulan-Ude, 2006. P. 164—179.*}

Рассадин 2007а — *Рассадин В. И.* Буряад болон бусад монгол хэлэнүүдэй түлөөнэй үгэнүүд // Буряад хэлэнэй шухала асуудалнууд. Улан-Удэ, 2007. С. 116—132. {*Rassadin V. I. Bur'aad bolon busad mongol xelenüüdej tulöonej ügenüüd // Bur'aad xelenej šuxala asuudalnuud. Ulan-Ude, 2007. P. 116—132.*}

Рассадин 2007б — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007. {*Rassadin V. I. Očerki po istorii složenija t'urko-mongol'skoj jazykovoju obščnosti. Part 1. T'urkskoe vlijanie na leksiku mongol'skix jazykov. Elista, 2007.*}

Рассадин 2007в — *Рассадин В. И.* О тюркском влиянии на развитие монгольских языков // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб., 2007. С. 105—111. {*Rassadin V. I. O t'urkskom vlijanii na razvitie mongol'skix jazykov // Problemy istoričeskogo razvitija mongol'skix jazykov. SPb., 2007. P. 105—111.*}

Рассадин 2007г — *Рассадин В. И.* О семантическом методе исследования лексики алтайских языков // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы международной конференции. Улан-Удэ, 2007. С. 431—435. {*Rassadin V. I. O semantičeskom metode issledovanija leksiki altajskix jazykov // Čingisxan i sud'by narodov Evrazii: Materialy meždunarodnoj konferencii. Ulan-Ude, 2007. P. 431—435.*}

Рассадин 2007д — *Рассадин В. И.* Бурятская коневодческая терминология в алтаистическом аспекте // Живой язык: Теоретические социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2007. С. 40—42. {*Rassadin V. I. Bur'atskaja konevodčeskaja terminologija v altaističeskom aspekte // Živoj jazyk: Teoretičeskie sociokul'turnye aspekty funkcionirovanija i razvitija sovremennyx mongol'skix jazykov. Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii. Elista, 2007. P. 40—42.*}

Рассадин 2008а — *Рассадин В. И.* Тофалары // Тюркские народы Восточной Сибири. М., 2008. С. 262—333. {*Rassadin V. I. Tofalary // T'urkskie narody Vostočnoj Sibiri. M., 2008. P. 262—333.*}

Рассадин 2008б — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 2. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста, 2008. {*Rassadin V. I. Očerki po istorii složenija t'urko-mongol'skoj jazykovoju obščnosti. Part 2. Mongol'skoe vlijanie na leksiku t'urkskix jazykov. Elista, 2008.*}

Рассадин 2008в — *Рассадин В. И.* О монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири // Acta Mongolica. 2008, 8. С. 2—6. {*Rassadin V. I. O mongol'skix zaimstvovanijax v t'urkskix jazykax Južnoj Sibiri // Acta Mongolica. 2008, 8. P. 2—6.*}

Рассадин 2008г — *Рассадин В. И.* Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008. {*Rassadin V. I. Očerki po morfologii i slovoobrazovaniju mongol'skix jazykov. Elista, 2008.*}

Рассадин 2008д — *Рассадин В. И.* Комплекс охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таежного ареала // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008. С. 155—194. {*Rassadin V. I. Kompleks ohotnič'e-rybolovčeskoj leksiki v sajanskix t'urkskix jazykax tajožnogo areala // Prirodnoe okruženie i material'naja kul'tura prat'urkskix narodov. M., 2008. P. 155—194.*}

Рассадин 2009 — *Рассадин В. И.* О коневодческой терминологии монгольских языков в свете тюрко-монгольских языковых связей // «Монгол туургатны эрт ба эдүгээ»: Олон улсын эрдэм шинжилгээний III чуулган. Улаанбаатар, 2009. С. 95—99. {*Rassadin V. I.* O konevodčeskoj terminologii mongol'skix jazykov v svete t'urko-mongol'skix jazykovyx sv'azej // "Mongol tuurgatny ert ba edügee": olon ulsyn erdem šinžilgeenij III čuulgan. Ulaanbaatar, 2009. P. 95—99.}

Рассадин 2010 — *Рассадин В. И.* Комплекс лексикиномадного скотоводства монгольских языков в свете тюрко-монгольских языковых связей // Урало-алтайские исследования. 2010, 1 (2). С. 32—38. {*Rassadin V. I.* Kompleks leksiki nomadnogo skotovodstva mongol'skix jazykov v svete t'urko-mongol'skix jazykovyx sv'azej // Uralo-altajskie issledovanija. 2010, 1 (2). P. 32—38.}

Рассадин 2011 — *Рассадин В. И.* Местоимения в монгольских и тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2011, 1 (4). С. 63—75. {*Rassadin V. I.* Mestoimenija v mongol'skix i t'urkskix jazykax // Uralo-altajskie issledovanija. 2011, 1 (4). P. 63—75.}

Рассадин и др. 1999 — *Рассадин В. И., Санданова М. Р., Цыренова Т. Б.* Сложение системы причастий в монгольских языках // История развития монгольских языков: Сборник статей. Улан-Удэ, 1999. С. 167—185. {*Rassadin V. I., Sandanova M. R., Cyrenova T. B.* Složenie sistemy pričastij v mongol'skix jazykax // Istorija razvitija mongol'skix jazykov: Sbornik statej. Ulan-Ude, 1999. P. 167—185.}

Рассадин и др. 2004 — *Рассадин В. И., Бадмаева Л. Д., Бадмаева Л. Б.* Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии // Российский гуманитарный научный фонд и фундаментальная наука в Сибири: Материалы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2004. С. 209—213. {*Rassadin V. I., Badmaeva L. D., Badmaeva L. B.* Mongol'skie jazyki i dialekty severo-vostočnogo areala Central'noj Azii // Rossijskij humanitarnyj naučnyj fond i fundamental'naja nauka v Sibiri: Materialy regional'noj naučno-praktičeskoj konferencii. Ulan-Ude, 2004. P. 209—213.}

Рассадин, Михайлов 1978 — *Рассадин В. И., Михайлов Т. М.* Исследования по топонимике Восточной Сибири // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 108—117. {*Rassadin V. I., Mixajlov T. M.* Issledovanija po toponimike Vostočnoj Sibiri // Vzaimovlijanie jazykov v Bur'atii. Ulan-Ude, 1978. P. 108—117.}

Рассадин, Шибкеев 1989 — *Рассадин В. И., Шибкеев В. Н.* То'фа букварь: Тофаларский букварь для первого класса тофаларских школ. Иркутск, 1989. {*Rassadin V. I., Šibkeev V. N.* To'fa bukvar': Tofalarskij bukvar' dl'a pervogo klassa tofalarskix škol. Irkutsk, 1989.}

Сарбашева 2004 — *Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004. {*Sarbaševa S. B.* Fonologičeskaja sistema tuba-dialekta altajskogo jazyka (v sopostavitel'nom aspekte). Novosibirsk, 2004.}

Rassadin 2010 — *Rassadin V. I.* Soyotica / Ed. *Kempf B.* Szeged, 2010.

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится попытка анализа роли ведущего ученого В. И. Рассадина в исследовании монгольских и тюркских языков, в том числе исчезающих.

SUMMARY

In the paper the authors study Valentin Rassadin's role in the research on the Mongolic and Turkic languages, including endangered ones.

Ключевые слова: монгольские языки, бурятский язык, калмыцкий язык, тюркские языки, тофаларский язык

Keywords: the Mongolic languages, Buryat, Kalmyk, the Turkic languages, Tofa (Tofalar)

Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы.

Сборник статей / Отв. ред. Кузнецова А. И.

М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 880 с. ISBN: 978-5-9551-0531-4.

1. Общие замечания

Рецензируемая книга представляет собой сборник из 18 статей, посвященных различным проблемам грамматики пяти финно-угорских диалектов — сернурского марийского, бесермянского удмуртского, печорского и ижемского коми-зырянского и шокшинского эрзянского. Такой выбор материала объясняется тем, что статьи написаны по материалам студенческих экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, которые проводились в места проживания¹ носителей перечисленных диалектов с 2000 по 2011 г. В этом плане сборник вписывается в серию книг, вышедших по результатам студенческих экспедиций начиная еще с 1970-х гг. (в их числе и знаменитые «Очерки по селькупскому языку», которые в этом журнале нет необходимости представлять).

О традиции студенческих лингвистических экспедиций, изобретенных на ОТиПЛе (тогда ОСиПЛе), о коллективной полевой работе, о ее значении в образовании студентов и часто о не меньшем значении в их жизни и, конечно, о роли в создании этой традиции недавно ушедшего из жизни А. Е. Кибрика (1939—2012) уже много написано (см. в первую очередь [Кодзасов 1999; Тестелец 1999; Тестелец рукопись; Борщев 2001; Кибрик 2005, 2007, 2008, 2010, 2011]). Постепенно практика таких экспедиций распространилась и на другие вузы, в частности, РГГУ и СПбГУ, и вслед за ней, что отрадно, пришли и публикации: это сборники по мишарскому диалекту татарского языка [Лютикова и др. (ред.) 2007], тубаларскому диалекту алтайского языка [Татевосов 2009], калмыцкому языку [Сай и др. (ред.) 2009] и монография, посвященная глагольной системе карачаево-балкарского [Лютикова и др. 2006]; а еще были книги по целому ряду дагестанских, адыгейскому и алюторскому языкам (из вышедших за последние годы стоит назвать [Kibrik 1996; Кибрик 1999, 2001; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000; Тестелец (отв. ред.) 2009]). К сожалению, основные результаты некоторых экспедиционных маршрутов остаются пока неопубликованными — в рамках урало-алтайской тематики можно упомянуть материалы ненецких (2003—2005 гг., п. Нельмин Нос, Ненецкий автономный округ, рук. С. Г. Татевосов) и хантыйских (2010—2012 гг., с. Теги, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, рук. А. И. Кузнецова и С. Ю. Толдова) экспедиций ОТиПЛа, а также хакасских экспедиций РГГУ (2001—2002 гг., с. Казановка, Республика Хакасия, рук. Н. Р. Сумбатова) — все они, без сомнения, содержат множество интересных данных, и остается надеяться, что когда-нибудь они тоже будут представлены публике. Хочется пожелать, чтобы и нынешние мокшанские экспедиции МГУ (и НИУ ВШЭ) и башкирские экспедиции СПбГУ (и НИУ ВШЭ) принесли не меньше интересных открытий и проницательных описаний.

Все перечисленные выше книги объединяет очень высокий уровень, полностью соответствующий современному состоянию науки, хотя в своей основе, напомним, это все студенческие работы (ср. первый и чуть ли не самый известный такой опыт — «Табасаранские этюды» [Кибрик (ред.) 1982]). Верно, конечно, что за время между экспедициями и выходом книги бывшие первокурсники, поехавшие когда-то в свою первую экспедицию, иногда успевают защитить дипломы, если не диссертации. Однако несомненно, что уровень этих работ демонстрирует высокое качество полевой работы, а вместе с тем и образования на соответствующих отделениях и факультетах.

Рецензируемый сборник является одной из таких книг. Его ответственный редактор и бессменный руководитель самодийских и финно-угорских экспедиций МГУ — Ариадна Ивановна Кузнецова. В ре-

¹ Это, соответственно, экспедиции 2000, 2001 и 2004 гг. в с. Старый Торъял Новоторъяльского района Республики Марий Эл, экспедиции 2003—2005 и 2009—2011 гг. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики, экспедиции 2002—2003 гг. в д. Еремеево Троицко-Печорского района Республики Коми, экспедиции 2008—2010 гг. в с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа и экспедиции 2006—2007 гг. в с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия.

дактировании статей, в организации экспедиций и в руководстве студентами активное участие принимали также Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай и Е. Ю. Калинина.

Сборник состоит из трех частей: в первую помещены 12 статей, представляющих собой сопоставительные исследования по нескольким финно-угорским языкам; во вторую — пять статей, написанных на материале только одного языка из перечисленных выше. Деление кажется достаточно условным: пять статей второй части все равно написаны под сопоставительным (т. е. типологическим) углом зрения. В третью часть выделены тексты, собранные в ходе экспедиций, записанные и расшифрованные в процессе полевой работы и впоследствии выверенные. Тексты сопровождаются переводом и поморфемной нотацией (глоссированием). В данном сборнике приводятся тексты на четырех идиомах: луговом марийском, печорском диалекте коми-зырянского, бесермянском удмуртском² и шокшинском эрзянском, — поскольку тексты на ижемском диалекте коми-зырянского языка были опубликованы ранее в [Бирюк и др. 2010]. Издание сопровождается также грамматическими таблицами по исследованным финно-угорским диалектам, списком сокращений, списком грамматических глосс и терминологическим указателем. Отдельно помещена статья А. И. Кузнецовой о взаимовлияниях и связях финно-угорских языков.

2. Краткая характеристика статей

Охарактеризуем кратко отдельные статьи.

Сборник открывается предисловием, написанным А. И. Кузнецовой и Н. В. Сердобольской, и упомянутой статьей А. И. Кузнецовой «Взаимовлияния и связи финно-угорских языков: финно-волжские и пермские языки глазами антропологов, этнографов и лингвистов». В статье рассматривается история миграций и других процессов, приведших к формированию нескольких этнических групп финно-угорских народов, в частности, таких обособленных по этническому или языковому признаку, как шокша, бесермяне, колвинские ненцы (т. е. ненцы, перешедшие на язык коми) и коми-ижемцы. Обсуждаются также вопросы возникновения билингвизма, имеющего в каждом ареале свои особенности.

Первая часть сборника начинается еще одной статьей А. И. Кузнецовой «Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в сопоставлении с другими уральскими языками». Статья содержит авторский взгляд на лингвистические раритеты, который, как кажется, весьма отличается от общепринятого понимания, отраженного, в частности, в [Головки (отв. ред.) 2010; Wohlgenuth, Cysouw (eds.) 2010]. Статья включает достаточно обширные интересные этнографические экскурсы (в частности, о праздниках). Помимо названий праздников и обрядов, рассматриваются также имена родства и свойства, предикативные формы имен, особая парадигма склонения одушевленных имен и, наконец, примеры энантиосемии (тема, которой посвящены и другие работы автора, см. ссылки в статье).

Статья Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой «Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках» посвящена явлению, хорошо известному и в типологии, и в уралоистике. Когда говорят о дифференцированном маркировании прямого дополнения (ПД), обычно имеют в виду оформление имени в позиции ПД показателями различных падежей (иногда также в сочетании с граммемой посессивности), однако оно может также заключаться в выборе безобъектной vs. субъектно-объектной согласовательной серии у глагола, как, например, в самодийских, обско-угорских и мордовских языках. В традиционных грамматиках финно-угорских языков в качестве фактора, определяющего выбор оформления ПД, обычно называется определенность. Авторы статьи сразу отмечают, что определенность является не единственным и даже не всегда главным таким фактором. Набор факторов, влияющих на выбор оформления ПД в исследованных идиомах, практически идентичен и включает следующие факторы: референциальный статус ПД, коммуникативное членение предложения, одушевленность ПД, временные и аспектуальные характеристики глагола, квантификация ПД, порядок слов, дискурсивная значимость ПД. Самое интересное заключается в том, что эти факторы по-разному ранжированы в различных языках. В статье используется многофакторный анализ, позволяющий увидеть даже тонкие различия между идиомами. В итоге для каждого idioma строится алгоритмическая модель, определяющая правила взаимодействия факторов и выбор конкретного способа оформления ПД. Описание, использующее подобный подход, представляется не только теоретически и типологически валидным, но и увлекательным с позиции читателя.

² Бесермянские тексты доступны также на сайте «Текстовые корпуса» (<http://corpora.iling-ran.ru/>) Института языкознания РАН. В настоящее время ведется работа по подготовке к выкладыванию в свободный доступ текстов на остальных языках.

Статья М. Н. Усачёвой «**Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках**» посвящена описанию функций локативных падежей в пермских языках. Автор подчеркивает, что часто единицы, происходящие из одного источника, имеют разный грамматический статус не только в близкородственных языках, но и в диалектах одного языка. Так, например, в бесермянском идиоме, в отличие от литературного удмуртского, *пуш* 'внутренность' трактуется как послелог, а не как реляционное имя, — в частности, потому, что эта единица утратила способность употребляться с показателями ядерных падежей.

Интерес представляют данные по «новым» показателям падежных серий и выражаемым ими локализациям. Так, в частности, показатель *-лань-* в литературном коми-зырянском может не только обозначать аппроксимативный тип движения (и в этом случае он является падежным), но и локализацию APUD и сочетаться в пределах словоформы с показателем одного из шести пространственных падежей (ср. *устьелань-ті-ыс* 'устье-APUD-PROL-POSS.3SG' = 'по местам около устья'; в таком случае, по-видимому, его следует признать показателем категории локализации). Эти и другие процессы находят параллель в прибалтийско-финских языках, в частности, в вепском.

Вызывает вопрос определение серийного послелога, используемое в работе. Основным критерием является способность послелога «присоединять показатели одного или более локативных падежей» (с. 161). Представляется логичным в качестве условия использовать способность единицы присоединять показатели двух и более локативных падежей. Впрочем, разница между этими определениями для пермских языков не критична, поскольку в них встречаются либо послелоги, которые вообще не изменяются по пространственным падежам (хотя сами и являются пространственными, как, например, послелог *кузя* 'вдоль' в коми-зырянском), либо присоединяют показатели трех и более пространственных падежей (как, например, *дор-* 'около' в коми-зырянском).

Тот факт, что локативные падежи в пермских языках все-таки могут выражать локализацию (а не только тип движения), сообщается читателю лишь во второй половине почти 80-страничной статьи, что выглядит несколько странным. Дальнейшая часть статьи посвящена толкованию пермских локативных падежей и локализаций с помощью структурных шаблонов в духе динамического подхода к семантике лексики, предложенного в работе [Падучева 2004]. В то же время, как нам кажется, остается не до конца аргументированным важный тезис о том, что «в настоящее время в системах средств выражения пространственных отношений в пермских языках наблюдается перераспределение функций: локализацию начинают выражать послеложные основы и периферийные показатели локализации, а локативные падежи специализируются в качестве средств выражения типов движения» (с. 186).

В статье М. С. Шматовой и Е. А. Черниговской «**Категория числа существительного в марийском и пермских языках**» представлено описание числового маркирования в трех финно-угорских языках. Основное внимание уделяется рассмотрению дифференцированного числового маркирования. В качестве важного фактора, определяющего выбор между маркированной и не маркированной по числу формой, называется референциальный статус ИГ. Значимой признается также роль иерархии одушевленности. В общем случае, показатель множественного числа чаще присоединяют обозначения людей, в то время как для неодушевленных имен предпочтительной оказывается немаркированная форма. В статье также описывается семантика числовых показателей, в том числе периферийные (неаддитивные) значения множественности.

Статья А. И. Кузнецовой «**Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках**» посвящена анализу вторичных функций посессивных показателей в финно-угорских языках, которые трактуются автором как дейктические (в широком смысле). Статья публикуется вторично (впервые в [Кузнецова 2003]) и хорошо известна специалистам по уральским языкам, поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на ее характеристике.

Статья А. П. Симоненко и А. П. Леонтьева «**Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма**» посвящена, как это следует из названия, сравнительному анализу структуры именного комплекса во всех пяти рассматриваемых в книге идиомах. Именной комплекс при этом понимается как синтаксическая составляющая, которая «включает модифицируемое имя, а также некоторые другие терминальные и фразовые элементы, и которая может иметь в качестве своей вершины иной терминальный элемент, нежели имя» (с. 262). Предлагаемый анализ опирается в первую очередь на положения минимализма. Первая часть статьи включает последовательное описание грамматических категорий имени в каждом из исследуемых идиомов, вторая — ин-

формацию об именных модификаторах, а именно кванторах, местоимениях, прилагательных, генитивных модификаторах и неоформленном имени в конструкции соположения.

Ряд морфосинтаксических особенностей имени в этих языках представляет несомненный интерес. В первую очередь это касается существования альтернативных порядков следования морфем падежа и possessивности во всех языках, кроме шокшинского эрзянского, но особенно интригующе выглядит показатель множественного числа *-vlak-* в марийском, способный занимать любую посткорневую позицию в именной словоформе. Авторы кратко намечают возможные пути объяснения подобного поведения показателя множественного числа и останавливаются на том, что для марийского его можно трактовать как адьюнкт, который может присоединяться к любой вершине. Такой подход учитывает гипотезу о сравнительно недавней грамматикализации *-vlak-*, а также тот факт, что данный показатель может опускаться в случае, если признак множественности выражен другим показателем.

Статья А. Б. Летучего и Д. И. Коломацкого «Повышающие актантные деривации в финно-угорских языках» является попыткой объединения разнородных данных под одним названием, к сожалению, попыткой весьма неудачной. Положение не спасает даже присутствие среди авторов А. Б. Летучего, специалиста по актантным деривациям и лабильности (ср. [Летучий 2013]), не участвовавшего, однако, в экспедициях и не занимавшегося финно-угорскими языками. Видя такое заглавие, читатель ожидает узнать, как минимум, некоторые базовые факты о каузативе (и, возможно, также об аппликативе, компаративе и других менее распространенных повышающих деривациях) в рассматриваемых языках. На самом деле читатель узнает что-то о повышающих деривациях, что-то о понижающих деривациях, что-то о полифункциональных показателях. В конечном итоге плохо срастающиеся между собой факты авторы пытаются связать с помощью т. н. теории семантической транзитивности [Hopper, Thompson 1980].

В статье не упоминается даже противопоставление контактной vs. дистантной каузации, при том что данная оппозиция является основной, если говорить о семантике каузативных конструкций (ср. хотя бы упоминаемые в статье классические сборники [Shibatani (ed.) 1976, 2002]), и, судя по немногочисленным примерам, рассматриваемые финно-угорские языки в какой-то мере допускают образование дистантных каузативов. В итоге читатель не узнаёт практически ничего ни про ограничения на образование каузативов, ни про возможные ограничения на их интерпретацию.

Кратко коснемся одной интересной проблемы, которую затрагивают авторы статьи, а именно полифункциональных показателей актантной деривации, на первый взгляд маркирующих противоположные типы преобразований. Такая ситуация действительно встречается в языках мира и не является типологически уникальной; вдобавок к названным в статье работам [Nedyalkov 1991; Галямина 2001] см., в частности, библиографию в [Schulze ms.]. В этой связи авторы рассматривают показатель *-alt-* в марийском и *-v-* в шокшинском эрзянском, при этом, как минимум, для шокшинского *-v-* трактовка в терминах акцессивно-рецессивной полисемии (см. [Nedyalkov 1991; Галямина 2001]) или же трактовка его как показателя, маркирующего «лишь факт мены диатезы» (с. 353), выглядит неубедительной. В статье утверждается, что при безобъектном спряжении *-v-* выполняет функцию понижающей / интерпретирующей актантной деривации, а при субъектно-объектном — повышающей (с. 349). Кроме этого, в статье указано, что существует также редкий специальный каузативный суффикс *-t-* / *-d-*, который обычно используется в сочетании с *-v-* (образуя последовательность *-v-t-*, которая фонетически при этом реализуется как [ft], с. 344).

Беглый анализ текстов на шокшинском диалекте, приведенных на с. 822—843 рецензируемого сборника, говорит о том, что гипотеза авторов в ее сильном виде не находит подтверждения. В большинстве случаев в примерах, где имеет место каузативное значение деривата, он содержит последовательность *-vt-* или *-ft-* (что, по-видимому, одно и то же, учитывая названные выше особенности транскрипции), иногда³ — по непонятным причинам — не отделенную от основы, хотя никаких проблем для морфемного членения нет и соответствующий непроемный глагол активно употребляется в языке. Ср. *oza-v-t-y-me* ‘(мы) посадили’ (предложение 1, с. 823), *tonaft-y-nde* ‘(она) научила (их)’ (2, с. 823), *oza-v-t-y-nde* ‘(он) посадил (их)’ (13—14, с. 828), *suva-v-t-y-me* ‘(мы) занесли’ (14, с. 842) и др.

Дериваты на *-ft-* (*-vt-*), как и любые переходные глаголы в шокшинском эрзянском, могут быть оформлены показателями безобъектного и субъектно-объектного спряжений (о факторах, влияющих на дифференцированное маркирование прямого дополнения, см. статью Н. В. Сердобольской и С. Ю. Тол-

³ Разнородность продолжается и на уровне чисто технического оформления: в примерах 24—28 в качестве разделителя между номером примера и самим примером почему-то используется точка, в то время как во всей остальной книге номера примеров заключены в круглые скобки. Проблемы с цифрами присутствуют и во Введении, где авторы, в частности, описывают структуру статьи: вместо «п. 1» (пункт 1), «п. 2» и «п. 3» следует читать «п. 2», «п. 3» и «п. 4» соответственно.

довой в рецензируемом сборнике). Что касается глаголов, имеющих каузативное значение и содержащих только *-v-*, во всех таких примерах (ср., в частности, два примера в тексте статьи, а также, например, *valas'ka-v-ta-dyz'* '(я вас) сделаю полными' в предложении 38 на с. 832) за показателем *-v-* следует показатель настоящего времени (в субъектно-объектном спряжении) *-sa- / -ta-*, в связи с чем отсутствие *-t-* можно объяснить либо морфонологическими процессами (впрочем, как минимум, в одном случае встречается последовательность *-vt-* перед *s*; ср. *jomavt-sy-t'* '(ты) потеряешь (их)' в предложении 11 на с. 828), либо артефактами записи⁴. Примечательно, что ни для стандартного эрзянского [Salo 2006], ни для близкородственного мокшанского [Цигельман 2006] среди многочисленных значений показателя *-v-* (в том числе модальных) ни разу не отмечалось каузативное.

Косвенно о том, что обсуждаемым в статье языковым фактам нельзя слепо доверять, свидетельствуют также и серьезные расхождения между данной статьей и статьей [Kalinina et al. 2006], несмотря на то, что они основаны во многом на одном и том же материале (правда, в английской статье обсуждаются данные только по староторъяльскому марийскому и печорскому коми-зырянскому, поскольку остальные на тот момент еще не были собраны), имеют одну и ту же цель (описание полисемии показателей актантной деривации) и общего соавтора.

Обращают на себя внимание различия в одних и тех же (!) примерах в названных статьях. Так, при обсуждении субъектного имперсонала, выражающего в марийском также модальность долженствования (~ 'приходилось'), в статье [Kalinina et al. 2006] эксплицитно утверждается, что прямое дополнение исходной диатезы в имперсональной конструкции по-прежнему маркируется аккузативом (ср. пример (13b) [Kalinina et al. 2006: 447]) и не может продвигаться в позицию подлежащего (ср. неграмматичный пример под звездочкой (13d) [Kalinina et al. 2006: 448]), в то время как в статье А. Б. Летучего и Д. И. Коломацкого заявляется, что в этом случае возможны две конструкции: одна безличная, а другая — «с номинативным подлежащим» (ср. тот же самый пример 'Раньше {и} траву приходилось есть' под номером (20) на с. 348 и обсуждение ниже).

Кардинальные различия присутствуют и в интерпретации фактов. Так, в статье [Kalinina et al. 2006] основной функцией марийского суффикса *-alt-* называется повышение переходности (ср. "we claim that *-alt* in agent demoting constructions is used in accordance with its core meaning — that of transitivity increase — and marks the presence of an agent in the semantic representation" [Kalinina et al. 2006: 452]), в то время как в статье А. Б. Летучего и Д. И. Коломацкого сказано, что «в марийском языке суффикс *-alt-* является прежде всего показателем понижающей и интерпретирующей актантной деривации» (с. 347), а каузативные употребления трактуются скорее как вторичные. К сожалению, по соображениям объема здесь нет более возможности останавливаться на недостатках и неточностях этой работы.

Статья Д. А. Паперно «Отрицательные конструкции финно-угорских языков как проблема теории языка» несколько выбивается из общего ряда по двум причинам. С одной стороны, автор сознательно не ограничивается исследуемыми в книге языками, а учитывает также материал некоторых прибалтийско-финских, саамских и венгерского языков. С другой стороны, автор использует только экспедиционные отчеты коллег и данные грамматик, хотя и признается, что написание работы его «вдохновило знакомство с печорским диалектом коми-зырянского языка и бесермянским наречием удмуртского языка» (с. 356).

Как известно, в большинстве финно-угорских и самодийских языков есть спрягаемое отрицание — отрицательный глагол, который несет по крайней мере часть показателей финитности. В статье рассматриваются стратегии маркирования времени, личного и числового согласования на отрицательном и / или смысловом глаголе. В начале статьи перечисляются три основные стратегии маркирования: 1) Neg+T+Agr V, т. е. когда показатели и времени, и согласования сосредоточены на отрицательном глаголе, а смысловой глагол лишен каких бы то ни было признаков финитности (например, в луговом марийском); 2) Neg+Agr V+T, т. е. когда показатели согласования выражены на отрицательном глаголе, а смысловой глагол различает (хотя бы частично) время (например, в финском); 3) Neg V+T+Agr, т. е. когда в отрицательной конструкции используется неизменяемая отрицательная частица и смысловой глагол в обычной спрягаемой форме (например, в хантыйских диалектах). Затем рассматриваются дальнейшие возможные «усложнения» основных стратегий, а также расщепленные системы, в которых оформление отрицательного *resp.* смыслового глагола показателями финитности дифференцировано в зависимости от времени или лица.

Как кажется, на этом можно было бы остановиться, но автор посвящает еще половину статьи попытке теоретической интерпретации названных фактов в русле современного порождающего синтаксиса,

⁴ Я благодарен А. А. Козлову, обратившему мое внимание на спорные вопросы шокшинской транскрипции.

однако в итоге приходит к выводу, что стандартные средства генеративного синтаксиса не позволяют удовлетворительно описать (и тем более объяснить) имеющиеся факты.

Статья **Н. В. Сердобольской, А. А. Ильевской, С. А. Минора, П. С. Митевой, А. В. Файнвейц и Н. С. Матвеевой «Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках»** посвящена описанию стратегий оформления сентенциальных актантов (СА) в пяти исследуемых идиомах, синтаксису и семантике конструкций с сентенциальными актантами (КСА). Примечательно, что в этой статье публикуются результаты, полученные Анфисой Ильевской, студенткой 2-го курса ОТиПЛа МГУ, трагически погибшей в горах в 2001 г. Такое решение авторов выглядит абсолютно естественным и правильным. Анфиса занималась сентенциальными актантами в марийском языке, а также изучала типологические критерии выделения инфинитива [Ильевская, Калинина 2002].

Статья четко структурирована: сначала кратко перечисляются основные стратегии оформления СА в исследуемых идиомах, затем последовательно рассматриваются морфосинтаксические свойства стратегий оформления СА и семантика КСА. Нельзя не отметить полезность следующих обобщающих таблиц, облегчающих понимание и усвоение основного текста: «Именные и глагольные свойства инфинитивов в финно-угорских языках» (Таблица 1), «Морфосинтаксические свойства номинализаций в КСА» (Таблица 7), «Семантика основных стратегий кодирования СА в финно-угорских языках» (Таблица 8) и «Стратегии оформления СА при различных матричных предикатах» (вынесена в Приложение).

Авторы приходят к выводу, что с точки зрения выбора стратегии оформления СА изученные финно-угорские языки близки русской системе, поскольку «самыми важными параметрами являются противопоставление события факту / пропозиции и параметр односубъектности vs. разносубъектности для глаголов потенциальной ситуации или каузации» (с. 462). Отмечается также ряд типологически нетривиальных синтаксических особенностей финно-угорских языков: в частности, способность номинализаций и СА с комплементарными включать вопросительные слова; подъем и смещение отрицания в пермских языках, дублирование субъекта СА в коми-зырянском языке и др. Авторы поднимают также важный вопрос о проблеме разграничения семантики матричного предиката и семантики собственно стратегии оформления СА. Дело в том, что семантика матричных предикатов в финно-угорских языках часто оказывается намного шире семантики их русских эквивалентов. И «те компоненты значения, которые в русском языке и других языках европейского стандарта принадлежат семантике матричного предиката, в финно-угорских языках выражаются за счет выбора стратегии. Например, при глаголах с семантикой ‘думать’ в марийском и бесермянском значение ‘хотеть’ возникает в контексте опатива в СА» (с. 463).

Статья **М. М. Брыкиной и Н. Б. Араловой «Системы причастий в марийском и пермских языках»** представляет описание систем причастий лишь в трех финно-угорских идиомах: староторъяльском говоре марийского языка, печорском диалекте коми-зырянского языка (говор д. Еремеево) и бесермянском удмуртском (говор д. Шамардан). Для каждого идиома отдельно описывается морфология, семантика и синтаксис причастных форм и оборотов, а также их функции, отличные от причастных. Все три идиома объединяет наличие специальной формы активного причастия с когнатным показателем (л.-мар. *-še*, к.-з. *-iš'*, бес. *-š'*), релятивизирующей только позицию подлежащего, и «*m*-формы» общего происхождения (л.-мар. *-me*, к.-з. *-am*, бес. *-em*), способной функционировать и как отглагольное имя (вершина ИГ), и как причастие (модификатор ИГ). Последняя при этом, функционируя как причастие, в печорском и бесермянском имеет в основном перфективное значение и «релятивизирует широкий спектр синтаксических позиций, включая подлежащее непереходного глагола. В марийском эта форма не релятивизирует позицию подлежащего; в то же время ее употребление не ограничено перфективным контекстом» (с. 518). Рассматриваются также «*n*-форма» в коми-зырянском и бесермянском, причастие будущего времени на *-šaš* в луговом марийском, отрицательные причастия. Что касается способов выражения субъекта в причастных оборотах, наиболее распространенным является генитив, но в разных идиомах могут использоваться также инструменталис и номинатив.

Следующая статья, «**Финитные относительные предложения в марийском и эрзя-мордовском языках**», написана теми же авторами, что и предыдущая, но их вклад в данном случае, по-видимому, обратно пропорционален, потому что на этот раз их фамилии перечислены уже в алфавитном порядке. Отчасти этот раздел дополняет статья О. И. Беляева, посвященная одной из финитных конструкций относительного предложения в бесермянском (о которой см. ниже). В шокшинском эрзянском и луговом марийском возможны две основные стратегии релятивизации с помощью финитного относительного предложения: «европейская» — с вершинной ИГ в главной клаузе и относительным местоимением, кореферентным вершине, в относительной клаузе — и внутривершинная стратегии. Последняя при этом используется

только в рестриктивных контекстах. Обе стратегии в обоих языках могут релятивизовывать все синтаксические позиции в иерархии Кинэна—Комри (позиция объекта сравнения, однако, не рассматривалась).

Заключительный раздел Части I рецензируемого сборника — статья **А. А. Волковой «Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках»**. А. А. Волкова давно занимается рефлексивами в уральских языках; ср. итог ее многолетней работы [Volkova 2014]. В четырех рассматриваемых финно-угорских языках местоимения л.-мар. *škenže*, к.-з. *ač'ys*, удм. *ač'iz* и эрз. *es' pr'et'*, будучи основными рефлексивными стратегиями, не являются рефлексивами в строгом смысле слова, т. к. они, в частности, допускают расщепленный антецедент. В связи с этим автор статьи предлагает называть их «псевдорексифами, поскольку они могут выполнять функции рефлексивных местоимений, однако также обладают некоторыми свойствами простых анафорических местоимений» (с. 555). Такое поведение данных местоимений отчасти объясняется их грамматикализацией из посессивной ИГ с показателем посессивности и основой, восходящей исторически к существительному 'душа'. При этом в марийском и удмуртском существуют также составные рефлексивы, состоящие из двух форм возвратного местоимения: л.-мар. *škenžam ške*, удм. *asže ač'iz*. Составные рефлексивы по своим свойствам как раз наиболее близки к прототипическим рефлексивам. В статье также демонстрируется, что материал финно-угорских языков не позволяет считать позицию рефлексива «ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию» однородной. Автор предлагает дифференцировать ее, выделив три подпозиции, занимающие непрерывную область на иерархии позиций рефлексива (ср. наиболее известные варианты иерархий в [Manzini, Wexler 1987; Тестелец, Толдова 1998]): ИГ в составе инфинитивного оборота, ИГ в составе причастного оборота и ИГ в составе номинализации или деепричастного оборота.

Часть II «Частные исследования по финно-угорским языкам» открывается статьей **Р. И. Идрисова «Вокализм бесермянского диалекта удмуртского языка на материале говора д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии»**, представляющей собой экспериментальное исследование достаточно проблемного бесермянского вокализма. В бесермянском встречается восемь гласных, из которых наиболее редкими являются /i/ и /ə/ (/ы/ и /ө/). Наиболее интересен статус /ə/, которая может реализовываться как [ə], [e], [ʌ] или [o] ([õ], [э], [ъ] или [o]). Столь высокая вариативность может быть связана либо с процессом языкового сдвига, либо с компактностью этноязыковой группы; ср. [Ханина, Шлуинский 2009].

Автором был записан звуковой корпус, состоящий из 16 различных односложных слов, от семи дикторов-бесермян (четыре мужчин и трех женщин), которых можно условно разделить на три поколения (подробности эксперимента см. в статье). Акустический анализ проводился в программе Praat [Boersma, Weenink 2010]. Всего было получено и проанализировано 448 произнесений. Основным выводом, к которому приходит автор, состоит в том, что в бесермянском (в говоре д. Шамардан), в отличие от литературного удмуртского, действительно четыре степени подъема, однако вокализм других бесермянских говоров требует дальнейшего изучения.

Статья **О. Л. Бирюк и М. Н. Усачёвой «Дискурсивные факторы, влияющие на выбор между послеложной и послеложно-падежной формой в бесермянском диалекте удмуртского языка (экспериментальное исследование)»** тесно связана со статьей М. Н. Усачёвой, представленной в Части I сборника, в которой говорилось, что синонимия падежных форм имени и послеложных конструкций в пермских языках возникла, в частности, из-за утери противопоставления внешнеместных и внутреннеместных падежей. Однако полная синонимия грамматических средств очень редка, и статья О. Л. Бирюк и М. Н. Усачёвой как раз посвящена изучению на материале одного идиома (бесермянского удмуртского) возможных факторов, определяющих выбор между двумя стратегиями выражения пространственных отношений. К сожалению, здесь нет места раскрывать суть эксперимента; он достаточно сложный. Основным результатом, к которому приходят авторы, состоит в выявлении значимости фактора эмфатического выделения: когда такое выделение имеет место, употребляются скорее конструкции с послелогами.

Статья **О. И. Беляева «Коррелятивная конструкция и относительные предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка»** в свою очередь переключается со статьями Н. Б. Араловой и М. М. Брыкиной (см. разделы I.10 и I.11 сборника), охарактеризованными выше. Автор отмечает, что в большинстве работ считается, что в коррелятивной конструкции относительная клауза может быть расположена только слева от главной, однако в бесермянском встречаются и примеры, в которых относительная клауза в коррелятивной конструкции вложена в главную; ср. данные осетинского языка, где такое вложение очень частотно [Беляев 2014]. В статье подчеркивается, что структура коррелятивной конструкции в бесермянском сильно отличается от структуры канонического отно-

сительного предложения и не может быть описана в тех же терминах. Автор предлагает для нее анализ в духе Лексико-функциональной грамматики (LFG; см., например, [Dalrymple 2001]). Кроме того, в берсермянском присутствует конструкция с внешней вершиной, которая на поверхностном уровне отличается от коррелятивной лишь отсутствием в главном предложении местоимения-коррелята.

В статье С. А. Минора «Контроль инфинитивных оборотов при глаголах речевого действия в марийском языке» описываются синтаксические свойства конструкций с глаголами речевого действия, сентенциальный акт которых выражен инфинитивной клаузой. Под глаголами речевого действия понимаются, в соответствии с терминологией работы [Падучева 2004], глаголы с основным участником-Агенсом, достигающим своей цели говорением. Таким образом, из рассмотрения исключены глаголы типа *проговориться*, *болтать*, *шептать* и др. Все рассмотренные глаголы допускают частичный контроль, при котором референция нулевого субъекта инфинитивного оборота включает референта контролирующей ИГ, но не равна ей. Однако расщепленный контроль, при котором «нулевой субъект инфинитивной клаузы обозначает группу, состоящую из референтов двух именных аргументов вершинной клаузы» (с. 693), допускают не все предикаты. В статье предлагается объяснение ограничений на расщепленный контроль (и на сдвиг контроля), связанное с лексической семантикой вершинных предикатов. Расщепленный контроль (и сдвиг контроля) допускают лишь те предикаты, оба аргумента которых связаны отношением каузации или бенефактивности с ситуацией, описываемой инфинитивной клаузой.

В статье Н. Л. Шибасовой «Тенденция парных существительных к цельнооформленности в луговом марийском языке» изложены некоторые наблюдения над оформлением парных слов типа *мать-отец*, *хлеб-соль* в марийском языке показателями посессивности и падежа. Автор приходит к выводу, что такие существительные в исследованном идиоме ведут себя не единообразно при словоизменении: часть слов регулярно присоединяет словоизменительные показатели лишь один раз, часть выступает в двух вариантах, т. е. может также принимать словоизменительные аффиксы дважды.

В разных статьях мы видим различное соотношение данных теории и типологии, фактов рассматриваемых идиомов и анализа. Большая часть статей написана в рамках функционального подхода, однако некоторые авторы активно используют формально ориентированные теории и собственно формализмы (что отражено уже в подзаголовке книги). Так, статья А. П. Симоненко и А. П. Леонтьева написана в рамках минимализма, а аналитическая часть статьи О. И. Беляева — в рамках Лексико-функциональной грамматики. На наш взгляд, применение формальных теорий может быть полезно в тех случаях, когда они помогают объяснить разрозненные факты или даже обнаружить их (ср. об этом [Nordlinger 2007]). В этом смысле формализмы в указанных статьях занимают свое законное место. Несколько неуместным выглядит лишь использование генеративного подхода в статье Д. А. Паперно, поскольку сам автор приходит к выводу, что «стандартных средств генеративного синтаксиса недостаточно для удовлетворительного описания расщепленных стратегий маркирования отрицательных конструкций в финно-угорских языках» (с. 379). Также, пожалуй, отчасти лишним выглядит представление позиций послелогов, падежей и «серийных» показателей на синтаксическом дереве в статье М. Н. Усачёвой, поскольку это практически никак не используется в работе. В то же время, независимо от выбранного подхода, в общем и целом статьи рецензируемого сборника объединяют высокий уровень и внимание к самим языковым данным.

3. Редактура

Стоит отметить самоотверженный труд редакторов сборника. Опечатки встречаются достаточно редко и, как правило, не мешают пониманию текста. Так, можно отметить «пролатив 23» вместо «пролатив 2» в таблице 1 на с. 143, два PRT (один раз вместо PRS) в таблицах глосс для коми-зырянского (с. 852) и т. д. В некоторых местах книги также вместо капители употреблены заглавные буквы. Транслитерация «Иликоски» вместо «Юликоски» для финской фамилии Ylikoski, на наш взгляд, менее предпочтительна. Встречаются, впрочем, и более серьезные небрежности, в том числе, к сожалению, и в самих языковых примерах: *aje-e-lys'* 'отец-1SG-GEN2' вместо *aj-e-lys'* на с. 414, отсутствие палатализации в примере 88 на с. 93 в основе глагола *n'i-* 'видеть' (ср. пример 90 на с. 94) и др. Впрочем, при таком количестве примеров отдельные ошибки, конечно, практически неизбежны.

Среди новаторских оформительских решений стоит отметить наличие в книге двух содержаний. Первое, краткое, устроено привычным образом и содержит лишь названия частей и разделов (статей), фамилии авторов и номера страниц; второе — подробное — отражает внутреннее деление каждого раздела. Кроме того, в ряде статей сразу после фамилии автора содержится указание на особо значимый

вклад другого коллеги, не являющегося при этом соавтором. Так, в начале статьи А. А. Волковой на следующей строке после фамилии автора стоит «При участии С. Ю. Толдовой» (с. 543). Оба эти нововведения, как кажется, должны быть восприняты положительно.

Нельзя не отметить также значительное число фотографий (к сожалению, черно-белых), на которых изображены как экспедиционеры, так и информанты, в том числе за работой.

Выскажем несколько комментариев относительно транскрипции и глоссирования. Вряд ли можно признать удачным обозначение глухих сонорных в шокшинском эрзянском с помощью надстрочного ^h. Как правило, таким знаком обозначают аспирацию (как пре-, так и постаспирацию) согласного. Придыхательные согласные обычно противопоставляются глухим и звонким в рамках параметра времени начала озвончения (англ. VOT — voice onset time). В то же время в шокшинском, насколько известно, существует оппозиция именно звонких и глухих сонорных. Последние в Международном фонетическом алфавите обозначаются с помощью другого диакритического знака, например, /ʎ/ и /ɣ/. Возможно, впрочем, что таким образом авторы стремились быть ближе к эрзянской орфографии.

Несмотря на то, что полезность грамматических таблиц для исследуемых идиомов в конце книги невозможно переоценить, некоторые технические решения представляются поспешными. В частности, опущение глоссы первого лица в глагольных формах на ижемском и печорском коми-зырянском и бесермянском удмуртском ставит сперва в тупик при чтении примеров. В связи с этим, например, коми-зырянская словоформа *pukt-i* получает глоссирование ‘класьть-PRT’ вместо ‘класьть-PRT.1SG’, которое выглядело бы более информативным (в других местах сборника в основе этого глагола может также выделяться показатель повышающей актантной деривации, ср. *puk-t-* ‘сидеть-TR’, однако сейчас это нерелевантно). Выбор глоссы ‘PRT’ вместо более привычной ‘PST’ для прошедшего времени также нуждается в дополнительном пояснении, в особенности потому, что для того же коми-зырянского используется также глосса ‘NPST’ (в коми-зырянском, как в ижемском, так и в печорском, настоящее и будущее различаются только в формах третьего лица, но не первого и второго), которую логично было бы противопоставлять именно глоссе ‘PST’.

Все отмеченные недостатки и неточности несколько не умаляют значимости и ценности рецензируемой книги. Несомненно, сборник представляет интерес как для специалистов по уральским языкам, так и для типологов, синтаксистов и семантистов. Данная книга — важный итог многолетней работы не только авторского коллектива, но и всех, кто принимал участие в экспедициях (а это более 75 студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников), с одной стороны, и информантов (число которых более 200), с другой. Остается только вместе с авторами поблагодарить всех носителей языка за то, что они делились и продолжают делиться с лингвистами своими знаниями.

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский	удм. — удмуртский
к.-з. — коми-зырянский	бес. — бесермянский диалект
л.-мар. — луговой марийский	эрз. — эрзянский

Глоссы

APUD — локализация APUD ‘любая область пространства рядом с ориентиром / вблизи ориентира’	PRS — настоящее время
GEN2 — второй генитив	PRT — претерит
NPST — непрошедшее время	PST — прошедшее время
POSS — посессивность	SG — единственное число
PROL — пролатив	TR — повышающая актантная деривация
	1 — первое лицо
	3 — третье лицо

Общие

ИГ — именная группа	Agг — показатель субъектного согласования
КСА — конструкции с сентенциальными актантами	Neg — показатель отрицания
ПД — прямое дополнение	T — показатель времени
СА — сентенциальный актанта	V — глагол

Литература

- Беляев 2014 — *Беляев О. И.* Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Bel'aeв O. I. Korrel'ativnaja konstrukcija v osetinskom jazyke v tipologičeskom osveščeenii. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2014.*}
- Бирюк и др. 2010 — *Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н.* Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург, 2010. {*Bir'uk O. L., Kaškin E. V., Kuznecova A. I., Usach'eva M. N. Slovar' muževskogo govora ižemskogo dialekta komi-zyr'anskogo jazyka. Ekaterinburg, 2010.*}
- Борщев 2001 — *Борщев В. В.* За языком. М., 2001. {*Borščev V. V. Za jazykom. M., 2001.*}
- Галямина 2001 — *Галямина Ю. Е.* Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // Исследования по теории грамматики. Вып. 1 / Ред. *Плунгян В. А. М.*, 2001. С. 178—197. {*Gal'amina Ju. E. Akcessivno-recessivnaja polisemija pokazatelej zaloga i aktantnoj derivacii // Issledovaniya po teorii grammatiki. Vol. 1 / Ed. Plung'an V. A. M., 2001. P. 178—197.*}
- Головко (отв. ред.) 2010 — Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. Тезисы докладов международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 2—4 декабря 2010 г. / Отв. ред. *Головко Е. В.* СПб., 2010. {*Tipologičeski redkie i unikal'nye javlenija na jazykovoј karte Rossii. Tezisy dokladov meždunarodnoj naučnoj konferencii, prohodivšej v Sankt-Peterburge 2—4 dekabr'a 2010 g. / Ed. Golovko E. V. SPb., 2010.*}
- Ильевская, Калинина 2002 — *Ильевская А. А., Калинина Е. Ю.* Типологические критерии инфинитива: существуют ли они? // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой / Ред. *Кибрик А. Е. М.*, 2002. С. 241—261. {*Il'evskaja A. A., Kalinina E. Ju. Tipologičeskie kriterii infinitiva: suščestvujut li oni? // Lingvističeskij bespredel. Sbornik statej k 70-letiju A. I. Kuznecovoj / Ed. Kibrik A. E. M., 2002. P. 241—261.*}
- Кибрик 1999 — Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. *Кибрик А. Е. М.*, 1999. {*Elementy saxurskogo jazyka v tipologičeskom osveščeenii / Ed. Kibrik A. E. M., 1999.*}
- Кибрик 2001 — Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари / Ред.-сост. *Кибрик А. Е. М.*, 2001. {*Bagvalinskij jazyk: Grammatika. Teksty. Slovori / Ed. Kibrik A. E. M., 2001.*}
- Кибрик 2005 — *Кибрик А. Е.* Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков / Ред. *Кибрик А. Е. М.*, 2005. С. 53—71. {*Kibrik A. E. Opyt OTiPLa (filfak MGU) v izučenii maloopisannyx jazykov // Malye jazyki i tradicii: Suščestvovanie na grani. Vol. 1. Lingvističeskie problemy soxranenija i dokumentacii malyx jazykov / Ed. Kibrik A. E. M., 2005. P. 53—71.*}
- Кибрик 2007 — *Кибрик А. Е.* Диалог лингвиста с носителем: В поисках полевого метода и формата лингвистического описания // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян / Сост. *Зайonc Л. О. М.*, 2007. С. 308—328. {*Kibrik A. E. Dialog lingvista s nositelem: V poiskax polevogo metoda i formata lingvističeskogo opisanija // "Na meže mež Golosom i Exom". Sbornik statej v čest' Tat'jany Vladimirovny Civ'jan / Sost. Zajonc L. O. M., 2007. P. 308—328.*}
- Кибрик 2008 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 23—32. {*Kibrik A. E. Ekspedicionnye istorii 2: Načalo dagestanskix sopostavitel'nyx študij (1973) // Fonetika i nefonetika: K 70-letiju Sandro V. Kodzasova. M., 2008. P. 23—32.*}
- Кибрик 2010 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 3: Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974—1977) // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова / Отв. ред. *Демьянков В. З., Порхомовский В. Я. М.*, 2010. С. 807—842. {*Kibrik A. E. Ekspedicionnye istorii 3: Prodolženie dagestanskix sopostavitel'nyx študij (1974—1977) // V prostranstve jazyka i kul'tury: Zvuk, znak, smysl. Sbornik statej v čest' 70-letija V. A. Vinogradova / Ed. Dem'jankov V. Z., Porxomovskij V. Ja. M., 2010. P. 807—842.*}
- Кибрик 2011 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 4: Завершение дагестанских сопоставительных штудий (1978—1984) // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. М.*, 2011. С. 422—445. {*Kibrik A. E. Ekspedicionnye istorii 4: Zaveršenie dagestanskix sopostavitel'nyx študij (1978—1984) // Slovo i jazyk. Sbornik statej k 80-letiju akademika Ju. D. Apres'ana / Ed. Boguslavskij I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. M., 2011. P. 422—445.*}
- Кибрик (ред.) 1982 — Табасаранские этюды: Материалы Дагестанской экспедиции. 1979 / Ред. *Кибрик А. Е. М.*, 1982. {*Tabasaranskie et'udy: Materialy Dagestanskoj ekspedicii. 1979 / Ed. Kibrik A. E. M., 1982.*}
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алуторцев. М., 2000. {*Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. Jazyk i fol'klor al'utorcev. M., 2000.*}
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Жизнь как экспедиция // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. *Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. М.*, 1999. С. 623—627. {*Kodzasov S. V. Žizn' kak ekspedicija // Tipologija i teorija jazyka: ot opisanija k ob'jasneniju. K 60-letiju A. E. Kibrika / Ed. Raxilina E. V., Testelec Ja. G. M., 1999. P. 623—627.*}

Кузнецова 2003 — *Кузнецова А. И.* Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: Дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Сборник статей / Ред. *Суйхконен П., Комри Б.* Ижевск—Лейпциг, 2003. С. 249—259. {*Kuznecova A. I. Kumul'acija grammatičeskix značenij v aggl'utivativnyx pokazatel'ax: Dejktičeskie funkcii posessiva v ural'skix jazykax // Meždunarodnyj simpozium po dejktičeskim sistemam i kvanifikacii v jazykax Evropy i Severnoj i Central'noj Azii: Sbornik statej / Ed. Suihkonen P., Comri B. Iževsk—Lejpcig, 2003. P. 249—259.*}

Летучий 2013 — *Летучий А. Б.* Типология лабильных глаголов. М., 2013. {*Letučij A. B. Tipologija labil'nyx glagolov. M., 2013.*}

Лютикова и др. 2006 — *Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б.* Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. {*L'utikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Ju., Pazel'skaja A. G., Šluinskij A. B. Struktura sobytija i semantika glagola v karačaevobalkarskom jazyke. M., 2006.*}

Лютикова и др. (ред.) 2007 — Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике / Ред. *Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г.* Казань, 2007. {*Mišarskij dialekt tatarskogo jazyka: Očerki po sintaksisu i semantike / Ed. L'utikova E. A., Kazenin K. I., Solov'ev V. D., Tatevosov S. G. Kazan', 2007.*}

Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. {*Padučeva E. V. Dinamičeskie modeli v semantike leksiki. M., 2004.*}

Сай и др. (ред.) 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. *Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В.* СПб., 2009. (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Часть 2. СПб., 2009.) {*Issledovanija po grammatike kalmyckogo jazyka / Ed. Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. SPb., 2009. (=Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN. Vol. V. Part 2. SPb., 2009.)*}

Татевосов 2009 — Тубаларские этюды / Ред.-сост. *Татевосов С. Г.* М., 2009. {*Tubalarskie et'udy / Ed. Tatevosov S. G. M., 2009.*}

Тестелец 1999 — *Тестелец Я. Г.* Предисловие // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. *Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г.* М., 1999. С. 11—16. {*Testelec Ja. G. Predislovie // Tipologija i teorija jazyka: ot opisanija k ob"jasneniju. K 60-letiju A. E. Kibrika / Ed. Raxilina E. V., Testelec Ja. G. M., 1999. P. 11—16.*}

Тестелец рукопись — *Тестелец Я. Г.* «Экспедиционные воспоминания» «Поздней осенью или зимой 1975 г. (<...>» // http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/media/Testelec_vospominanija.pdf. {*Testelec Ja. G. <Ekspedicionnye vospominanija> "Pozdnej osen'ju ili zimoj 1975 g. <...>" // http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/media/Testelec_vospominanija.pdf.*}

Тестелец (отв. ред.) 2009 — Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. *Тестелец Я. Г.* М., 2009. {*Aspekty polisintetizma: Očerki po grammatike adygejskogo jazyka / Ed. Testelec Ja. G. M., 2009.*}

Тестелец, Толдова 1998 — *Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю.* Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998, 4. С. 35—57. {*Testelec Ja. G., Toldova S. Ju. Refleksivnye mestoimenija v dagestanskix jazykax i tipologija refleksiva // Voprosy jazykoznanija. 1998, 4. P. 35—57.*}

Ханина, Шлуинский 2009 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Проблемы описания и трактовки фонологической вариативности в условиях языкового сдвига (на материале энецкого языка) // III международная конференция по полевой лингвистике: Тезисы и материалы. М., 2009. С. 172—178. {*Xanina O. V., Šluinskij A. B. Problemy opisanija i traktovki fonologičeskoj variativnosti v uslovijax jazykovogo sdviga (na materiale eneckogo jazyka) // III meždunarodnaja konferencija po polevoj lingvistike: Tezisy i materialy. M., 2009. P. 172—178.*}

Цигельман 2006 — *Цигельман К.* Mokšan kielen v-johtimesta // Финно-угристика — 7: Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков. Материалы научной конференции «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков», посвященной 80-летию профессора Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25—27 октября 2005 г.). Саранск, 2006. С. 303—309. {*Ziegelmann K. Mokšan kielen v-johtimesta // Finno-ugristika — 7: Aktual'nye voprosy vostočnyx finno-ugorskix jazykov. Materialy naučnoj konferencii "Aktual'nye voprosy vostočnyx finno-ugorskix jazykov", posv'aščennoj 80-letiju professora Cygankina D. V. (g. Saransk, 25—27 okt'abr'a 2005 g.). Saransk, 2006. P. 303—309.*}

Boersma, Weenink 2010 — *Boersma P., Weenink D.* Praat: Doing phonetics by computer (version 5.1.34) // <http://www.praat.org/>.

Dalrymple 2001 — *Dalrymple M.* Lexical-Functional Grammar. New York, 2001.

Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251—299.

Kalinina et al. 2006 — *Kalinina E., Kolomatsky D., Sudobina A.* Transitivity increase markers interacting with verb semantics // Case, Valency and Transitivity / Ed. *Kulikov L., Malchukov A., de Swart P.* Amsterdam—Philadelphia, 2006. P. 441—463.

- Kibrik 1996 — Godoberi (Lincom Studies in Caucasian Linguistics 02) / Ed. *Kibrik A. E.* München—Newcastle, 1996.
- Manzini, Wexler 1987 — *Manzini M. R., Wexler K.* Parameters, binding theory, and learnability // *Linguistic inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 3. P. 413—444.
- Nedyalkov 1991 — *Nedyalkov I. V.* Recessive-accessive polysemy of verbal affixes // *Languages of the World*. 1991, 1. P. 4—31.
- Nordlinger 2007 — *Nordlinger R.* It's not what you do, it's the way that you do it: The role of formal theory in language description. Handout for invited plenary presentation given at the Australian Linguistics Society Conference (Adelaide, September 2007) // <http://languages-linguistics.unimelb.edu.au/sites/languages-linguistics.unimelb.edu.au/files/nordlinger-its-not-what-you-do.pdf>, 2007.
- Salo 2006 — *Salo M.* The passive in Erzya Mordvin folklore // *Passivization and typology: Form and function* / Ed. *Abraham W., Leisiö L.* Amsterdam—Philadelphia, 2006. P. 165—190.
- Schulze ms. — *Schulze W.* On Instances of Causative / Passive Homonymy. Manuscript // <http://schulzewolfgang.de/material/causative%20and%20passive.pdf>.
- Shibatani (ed.) 1976 — *The Grammar of Causative Constructions* / Ed. *Shibatani M.* New York, 1976. (= *Syntax and Semantics*. 1976, 6.)
- Shibatani (ed.) 2002 — *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation* / Ed. *Shibatani M.* Amsterdam—Philadelphia, 2002.
- Volkova 2014 — *Volkova A.* Licensing Reflexivity: Unity and variation among selected Uralic languages. PhD dissertation. Utrecht, 2014.
- Wohlgemuth, Cysouw (eds.) 2010 — *Rara & rarissima: Documenting the fringes of linguistic diversity* / Ed. *Wohlgemuth J., Cysouw M.* Berlin—New York, 2010.

РЕЗЮМЕ

В данной рецензии подробно рассмотрены статьи из сборника «Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы» (М., 2012). Автор уделяет внимание основным достоинствам и недостаткам статей, отмечая значимость каждой из них.

SUMMARY

The author considers articles from the book “The Finno-Ugric languages: Fragments of the grammatical description. Formal and functional methods” (Moscow, 2012). The author pays attention to the main advantages and disadvantages of the articles.

Ключевые слова: финно-угорские языки, полевая лингвистика, грамматика, марийский язык, удмуртский язык, коми-зырянский язык, эрзянский язык

Keywords: the Finno-Ugric languages, linguistic expeditions, grammar, Mari, Udmurt, Komi-Zyrian, Erzya Mordvin

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;
- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;
- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >